

Трое из леса

Юрий НИКИТИН
Святой Грааль

«ЭКСМО»

1998

Никитин Ю. А.

Святой Грааль / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1998 — (Трое из леса)

Крестоносец, герой взятия Иерусалима сэр Томас Мальтон Гислендский возвращается домой в Британию. По пути ему встречается странник, калика Олег, добредший в сарацинскую пустыню из далекой Руси и в схватке с разбойниками спасает рыцарю жизнь. Неведомые люди начинают охоту за двумя странниками. Их интересует содержимое мешка рыцаря. Но сэр Томас – храбрый воин, да и Олег не всегда был каликой перехожим...

© Никитин Ю. А., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	64
Глава 10	73
Глава 11	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юрий Никитин

Святой Грааль

Часть первая

Глава 1

Над бесконечным оранжевым миром пылает знойное сарацинское солнце. Высоко в синеве застыл прибитый к небесной тверди едва видимый с земли орел. Раскаленный воздух колыхнется прозрачными волнами.

По широкой утоптанной дороге ехал, держа направление на север, огромный рыцарь на тяжелом черном жеребце. Над железными доспехами дрожат струйки перегретого воздуха, по открытому лицу струятся ручейки пота. Голубые, как небо, глаза, невиданные здесь до прихода франков, смотрят вызывающе. Рыцарь словно искал повод, чтобы бросить ладонь в железной перчатке на рукоять длинного меча.

Огромный жеребец шел ровным шагом, рассчитанным на долгое одоление дороги. На твердой будто камень земле, утоптанной мириадами копыт и каблуков, оставались отпечатки подков размером с тарелку. Поверх доспехов с плеч рыцаря ниспадает белый плащ с искусно вышитым красным крестом. Слева у бедра треугольный щит с мечом и лирой на звездном поле, слегка помятый, справа у седла приторочен огромный двуручный меч с вытертой до блеска железной рукоятью. Сзади вздувается небольшой тюк с походными мелочами.

В правой руке крестоносец держал острием вверх длинное копьё. Блестящее лезвие отликает оранжевым, словно на кончике копья рыцарь везет раскаленный слиток металла. Конь ступал тяжело, угрюмо косил на всадника огненным глазом. Рыцарь вместе с конем казались ожившей статуей, каких много осталось от языческих времен на площадях Рима.

Солнце слепило глаза, воздух словно поднимается из адовой печи, где суждено гореть всем неверным и грешникам. В стороне от дороги – кучка жалких деревьев, в редкой тени лежат люди в цветных пестрых халатах. Троим тени не хватило, из-под телеги торчат голые ноги. Буйволы, отыскав лужу, слышную здесь озером, неподвижно застыли в самой середине, как огромные валуны, выставив морды из жидкой грязи.

Рыцарь проехал мимо рощи и бровью не повел. Крестоносцу, сэру Томасу Мальтону из Гисленда, герою взятия Иерусалима, не пристало выказывать слабость на глазах побежденных.

Конь ступал медленно, дорога тянулась пустынная. Лишь к полудню Томас догнал хоть что-то живое – вереницу паломников. Пешие брели, не отрывая глаз от земли, в лохмотьях, изможденные. Томас потихоньку прошептал благодарственную молитву Пречистой Деве, что сотворен благородным рыцарем. На паломниках даже плащи гаже тряпок, о которые вытирают ноги.

Они брели, покрытые серой дорожной пылью, загребая усталыми ногами. Стоптанная обувь волочилась, распадаясь на глазах. Все до одного похоже то ли на огородные пугала, то ли на скелеты в плащах с капюшонами. Томас закашлялся от поднятой пыли, поспешно пустил коня вперед. Ни один не взглянул на великолепного рыцаря. Навидались в Святой земле. Впрочем, и рыцарь повидал всяких странников, паломников, одержимых, дервишей, даже пророков.

Впереди темнела стена леса. Конь посматривал с надеждой – прохлада, отдых, но шагу не прибавил – далеко. Дорога пролегла через маленькое село, Томас поправил перевязь меча, насторожился. С той поры, как войско крестоносцев огнем и мечом прошло эти края, сопро-

тивление сарацин сломили, но одиноким воинам лучше быть настороже, если не хотят встретить рассвет с перерезанным горлом: край здесь все еще дикий.

Томас с железным стуком опустил забрало, цепко посматривал через узкую прорезь стального шлема. Не до красот, сейчас он видел плоские глиняные крыши, откуда горячие головы могут метнуть копьё, высокие кудрявые чинары, где легко затаится лучник...

Впереди слышался злобный лай собак, рычание. Конь всхрапнул, прижал уши, но с ходу не сбился. Выехав на околицу, Томас увидел в десятке шагов впереди свору тощих псов – насакивали на бредущего странника, хватали за лохмотья, за ноги. Из-за глиняного забора в чужака летели палки и комья сухой земли. Странник даже не отмахивался толстым посохом – еле брел, шатался, на ногах темнеет корка запекшейся крови, на икре уже свежая алая струйка. Псы, почуяв кровь, насакивали яростнее. Один подпрыгнул, вцепился в спину несчастного и повис, царапая его лапами.

Заслышав тяжелое буханье копыт, псы зарычали громче, один попытался ухватить жеребца за ногу. Томас ударил концом древка, пес с визгом отпрыгнул. Над забором появились кудрявые головы сарацинских детей. Камни и палки полетели теперь в Томаса. Псы окружили всадника, напрыгивали, рычали – вот-вот набросятся разом. Конь тревожно всхрапнул, Томас натянул поводья, чтобы тот не понёсся в страхе. Развернув копьё, он ловко пронзил пса, стряхнул на землю окровавленную воющую жертву, ударил по хребту другого.

Первый пес полз в пыли, за ним волочились кишки, оставляя мокрый след. Псы сгрудились вокруг, один лизнул кровь, и вдруг все набросились на раненого. Из сцепившегося клубка полетела шерсть, послышался смертный визг.

Странник оперся о посох, капюшон скрывал лицо, Томас слышал хриплое дыхание, словно работали прохудившиеся кузнечные мехи.

– Хватайся за стремя, – велел Томас брезгливо. – Псы озверели. Раздерут!

Паломник ответил сиплым прерывающимся голосом:

– Пусть милость... на тебя... добрый рыцарь...

Из рваного рукава выползла рука скелета – такой она показалась Томасу. Конь брезгливо фыркнул: от странника дурно пахло. Томас едва удержал коня: тот рвался пойти рысью. Паломник тащился рядом, почти повиснув на стремени, изодранный плащ, явно с чужого плеча, висел на нем хуже, чем на огородном пугале.

За селом странник отпустил стремя, без сил повалился в пыль. Его широко раскрытый рот жадно хватал воздух. Глаза запали, губы бледные, бескровные, в груди завывало, как в трубе камина в ветреную зимнюю ночь.

– Спаси Бог...

– Лаудетур Езус Кристос, – буркнул Томас благочестиво.

Конь торопливо пошел рысью, лишь когда чужак остался далеко позади, перешел на прежний тяжелый шаг.

Лес постепенно приближался. Солнце начало клониться к закату – красное, раскаленное, как горящая заготовка меча на наковальне. Воздух был настолько сухой, что царапал горло. Томас давно хотел есть, тело ныло от усталости, а конь спотыкался все чаще.

Дорога, завидев лес, уже не виляла, а неслась со всех ног к спасительной тени и зелени, где мог быть ручей. Томас подъехал к ближайшим деревьям, ветви закрыли от палящего солнца, плечи сами расправились, спина выпрямилась. Конь коротко заржал, затрусил по узкой дорожке между огромными кряжистыми деревьями. Томас узнал дуб, граб и вяз, остальные – гадкие сарацинские, которых Пречистая Дева не допустила в его благословенную Британию.

– Сейчас отдохнем, – успокоил Томас торопливо. – В такой роще да без ключа? Я всей рыцарской душой, аки алчущий лев, чую прохладу!

Впереди затрещали кусты. На дорогу вывалился, как огромный кабан, крупный приземистый латник – в блестящем шлеме, нагрудном панцире на кожаной куртке грязного цвета.

Латник был широк в плечах, кривоног. На поясе широкий кинжал, в обеих руках незнакомец держал огромный боевой топор.

Глаза разбойника были насмешливыми, а голос зычным.

– Рыцарь, да еще на боевом коне!.. Такие без золотишка в путь не пускаются. Верно, доблестный сэр?

Из кустов справа и слева выпрыгнули еще трое: оборванные, лохматые, с озлобленными лицами. Эти были в сарацинской одежде, в чалмах, худые и смуглые, в руках сжимали кривые узкие мечи, острые с одного края, здесь их называли саблями. Все не спускали настороженных глаз с рыцаря, но Томас держал в поле зрения лишь латника, явно удравшего солдата из великой армии крестоносцев, – тяжелого, с толстыми руками, топор – как колун – опаснее легких сабель.

Сарацин бросил на ломаном языке франков:

– Серебро тоже... хорошо.

Вожак довольно крикнул:

– Значит, обдерем как каштан. Эй, рыцарь! Есть редкий случай уйти без драки.

Томас натянул повод, не доехав до вожака шагов пяти. Тот подобрался, глаза не отрывались от рук рыцаря. Трое разбойников начали заходить с боков.

– Что же, идите без драки, – согласился Томас.

Вожак показал в ухмылке желтые кривые зубы:

– Уходи ты. Оставь все и уходи.

– Меня не просто взять, – ответил Томас напряженно. – Я воевал в Святой земле, перебил сотни сарацин...

– Видать, в Британии забоялся крепких кулаков? – спросил вожак насмешливо. – Или ты немец? Слезай с коня! Быстрее, а то поможем.

Томас оглядел надменно всех четверых, нарочито замедленно подобрал поводья. Мысли метались лихорадочно, он благодарил Пресвятую Деву, что не позволила снять доспехи, несмотря на проклятую жару, явно посланную самим Сатаной из ада.

– Я проехал через земли сарацин, – ответил он высокомерно. – Проеду и здесь!

Латник вскинул топор, Томас пустил коня влево, выдернул тяжелый меч и обрушил, держа одной рукой. Древко топора хрустнуло, как соломинка, латник шарахнулся в сторону, но запоздал... Рукоять меча вздрогнула в пальцах Томаса, жутко звякнуло. На землю шлепнулась срубленная по плечо рука, все еще сжимающая обломок.

Разбойник страшно закричал. Томас быстро повернул щит вправо, грохнуло, рука онемела от удара в самую середину щита. Сабли разбойников упали на землю. Конь сделал два гигантских прыжка, впереди была чистая дорога, блеснул ручей...

Тяжелое грохнулось на плечи, сильные руки ухватили за горло. Томас покачнулся, ощутил, что падает. В последний миг заученно выдернул ноги из стремян, успел перехватить чужую руку, извернулся и упал на противника сверху. Томас весил сто девяносто фунтов, с доспехами – двести пятьдесят. Разбойник охнул, изо рта брызнула кровь. Томас приподнялся, услышал топот убегающих ног, упал набок, а в грудь оглушенного разбойника с хрустом вонзилось короткое копьё.

Томас поднялся, все еще оглушенный падением, поправил шлем, надвинувшийся на глаза. Успел услышать частое дыхание, сзади шарахнуло по голове. Оглушенный, он повернулся, смутно увидел гигантского человека. Тот размахнулся снова – широко, страшно. Томас вдруг сообразил, что в руках не чувствует ни меча, ни надежной тяжести щита. Прыгнул в сторону, но в голове гудело, в тяжелых доспехах не распрыгаешься – страшный удар заморозил плечо, хрустнуло – то ли кость, то ли панцирная пластина.

Разбойник замахнулся снова, уже для последнего сокрушающего удара. В голове чуть прояснилось, противник Томаса оказался не гигантом, а оскаленным сарацином – маленьким,

черным и очень злым. В руках у него вместо острой сабли, бесполезной в бою с покрытым доспехами рыцарем, был боевой топор с узким, как клюв, лезвием клевец. Он поспешно наступал на Томаса, не давая прийти в себя, обрушил град поспешных ударов. Томас отодвигался, закрывался руками, локтями. Голова прояснялась, силы возвращались, но доспехи трескали под жестокими ударами!

Томас все еще выбирал момент, когда вдруг под ноги сзади что-то толкнуло. Он взмахнул руками, пытаясь удержаться. Сарацин с воплем прыгнул вперед, замахнулся, целясь в лицо. Томас поспешно упал на спину, увидел жуткий блеск железа. Рядом просвистел топор, Томас перехватил на лету, почувствовал сильный удар, удержал, откатился, под ним звякнуло, пальцы наткнулись на огромный топор вожака, теперь с коротким древком, как у молота Тора.

Он успел подняться на колени. Разбойник с силой ударил в бок, Томас замер от острой боли. Разбойник люто орал, глаза выкатил, брызгал слюной и все норовил достать острым топором в лицо, где из узкой прорези смотрели ненавидные ярко-синие глаза, словно безоблачное небо просвечивало сквозь череп франка.

Томас ухватил топор левой рукой, правая бессильно висела, шагнул под новый удар. В боку растекалось горячим, от боли перекошило. Он принял лезвие легкого топора на локоть, сцепил зубы от новой боли, но одновременно с ударом сарацина обрушил свой топор.

Стальное широкое лезвие разрубило голову сарацина до зубов. Крови выплеснулось столько, словно в закрашенную закатом лужу бросили огромный камень.

Томас выронил топор, побрел по дороге. Его шатало, толстые деревья извивались, как змеи, но Томас уже видел своего умного коня. Тот знал: хозяин не задержится надолго, торопливо объедал свежие листики с кустов, щипал траву.

С великим трудом Томас поднял с земли щит и меч – невероятно тяжелые, пошел, волоча за собой. Стальной доспех в боку был проломлен, из трещины сочилась алая струйка. Но еще больше крови, Томас чувствовал, растекалось под доспехами. Вязаная рубашка промокла, в сапоге хлюпало.

Жеребец оторвался от листьев, готовый сразу в галоп, однако хозяин лишь вцепился обеими руками в седло, застыл. Конь фыркнул, повернул голову, удивленно обнюхал Томаса. В глазах у рыцаря темнело от потери крови, он с усилием повесил меч на седельный крюк, зацепил щит. Пытался взобраться в седло, но сил не было. Но, видимо, как-то вскарабкался, ибо в забытии видел, как двигались навстречу зеленые ветки, потом темнота поглотила весь свет.

По лицу ползли, щекоча кожу, холодные капли, а когда открыл глаза, увидел лишь серую пелену. Шевельнуться не мог, застонал, с удивлением прислушался к своему слабому сиплому голосу.

Чьи-то пальцы коснулись лица, серый занавес исчез. Томас успел увидеть исчезающую мокрую тряпку. Сверху нависло худое изнуренное лицо, больше похожее на череп, обтянутый сухой кожей. Человек был мертвенно-бледен, крупные скулы выпячивались так резко, что кожа вот-вот прорвется. Томас ощутил мурашки между лопаток, а череп произнес скрипучим голосом:

– Боги не зовут тебя, рыцарь.

Томас перевел взгляд на костлявые пальцы, что еще держали мокрую тряпку. За спиной паломника на сучьях чешуйчатого дуба висели меч, щит, кинжал, а доспехи лежали бесформенной грудой. Ветер шевелил волосы на груди Томаса, и он наконец обнаружил, что лежит на куче веток обнаженным до пояса. Живот плотно стягивают чистые полосы ткани, на боку под тканью чувствуются толстые прутья, там жжет, щиплет, печет.

– Спаси Бог, – прошептал Томас. Губы едва шевелились, получилось «спасибо». – Ты кто?

– Калика переходный, – ответил паломник. Голос его был сухой, безжизненный, но могучий.

– Калека? – переспросил Томас.

– Калика, – ответил странник. – Это...

Томас пытался удержать сознание, но голос странника истончился, как леденец во рту, исчез...

Очнувшись много позже, нашел ту же серую пелену, догадался стащить мокрую тряпку, но тут же водрузил обратно – лоб горел, словно уже колотился им о самый толстый котел у Вельзевула.

Калика сидел возле небольшого костра, сгорбленный, неподвижный, как валун. Его плащ был под Томасом, и рыцарь содрогнулся от жалости и отвращения: калика был ужасен худобой. Скелет, обтянутый кожей, кое-как прикрытый лохмотьями. У костра калика разогрелся, оттуда шел гнусный запах немытого тела.

– Как твое имя? – спросил Томас слабым голосом. – Из какой ты страны?

Калика медленно, словно с усилием, повернул к нему голову. Глаза были темными, а в зрачках блестели красноватые искры.

– Я родом из Руси, – ответил он медленно. – Меня зовут Олег. Я был в Святой земле, как и ты, ради подвига...

Томас закашлялся, скривился от острой боли в боку. Он чувствовал ушибы, кровоподтеки: доспехи хоть и выдержали удары, но прогнулись под тяжелым разбойничьим топором...

– Ничего, – утешил Томас, задыхаясь, – в этот раз не получилось, в чем-то другом повезет.

Калика ответил бесцветным голосом:

– Получилось... Все, как я желал.

Томас поперхнулся воздухом, от удивления даже приподнялся на локтях, терпя режущую боль.

– Святой калика, но у тебя такой вид, словно только что выпустили из сарацинского подземелья! А до этого каждый день о твою спину ломали все прутья, что растут на землях от Нила до Евфрата!

– Подвиг, – повторил калика глухо.

Томас лег, возразил устало:

– Подвиг – сразить дракона! Ворваться на горячем коне в гущу сарацинского войска, повергнуть сильнейших, отнять прапор! Подвиг – спасти принцессу, а похитителя вбить по ноздри в землю...

Он замолчал, перед глазами запрыгали черные мухи. Калика Олег молчал, с задумчивым видом помешивал прутиком багровые угли. Нагнувшись, выхватил что-то похожее на камень-голыш, перебросил с ладони на ладонь.

– Испек дюжину яиц. Тебе надо есть, ты иначе не умеешь.

Томас потянул ноздрями, ощутил будоражащий запах. Вспомнил, что ехал к этому лесу голодный как волк, мечтал поесть, отдохнуть, полежать вот так, в тени под деревом.

– Ты умеешь иначе, – ответил он, не утерпев. – По тебе видно.

Отшельник выгреб из огня остальные яйца. Пальцы Томаса тряслись, когда сдирал скорлупу. Полдюжины яиц проглотил, почти не распробовал, лишь когда в желудке приятно потяжелело, спохватился:

– Прости, святой калика!.. Голоден был.

– Просто калика, – поправил Олег кротко. – Бывают святые волхвы, святые отшельники, наставники, но калики – только калики.

Он переменял рыцарю повязку, осмотрел рану. От жара Томас терял сознание, в боку все еще жгло, но острая боль медленно уходила.

– Бог тебе зачтет, – сказал он неловко, но с чувством достоинства. – Из-за меня и ты запаздываешь в свой край.

– Я не спешу, – успокоил калика. – А ты поправляешься быстро. Не терзайся, ты ничего мне не должен. Ты защитил меня от своры злых псов, я лишь возвращаю долг.

– Тогда квиты...

Несколько раз просыпался в жару, всякий раз сверху нависало крупное лицо с печальными глазами. По щекам текли холодные капли, на лоб опускалась тряпка – настолько ледяная, что Томас пытался убрать, но сил не было. Наконец заснул так крепко, что когда просыпался, оказывался лишь в другом сне, и так несколько раз, пока наконец не увидел себя под знакомым дубом.

Его одежда висела на дереве, под собой Томас нащупал толстый слой нарубленных веток, укрытых его плащом. Отшельник сидел в трех шагах перед догорающим костром, равнодушно смотрел в покрывающиеся серым налетом угли. Томас ощутил, как в желудке забеспокоилось, задергалось, взвыло.

Олег поднял голову. В запавших глазах блеснули и погасли красные искорки.

– Очнулся?.. Рана заживает. Можешь потихоньку подниматься.

– Святой отец, – проговорил Томас дрожащим голосом, – у меня голодные миражи, словно я все еще иду через сарацинские пески. Чудится жареное...

– Я подстрелил кабанчика, – ответил калика безучастно. – Тебе религия не запрещает есть свинину?

– Не запрещает! – воскликнул Томас горячо, даже закашлялся. – Еще как не запрещает!

Он приподнялся, удивился, что в самом деле поднялся, лишь в боку кольнуло. Олег заостренным прутиком раздвинул угли, воткнул острие в плоский коричневый камень, поддел и подал Томасу. Тот схватил, сообразив, что это не камень, а прожаренный ломоть мяса. На пальцы капнуло горячим соком, обожгло, он помянул Сатану недобрым словом, уронил мясо на землю, подхватил и, не стряхнув налипших травинок, жадно вонзил зубы. Поспешно выплюнул – горячо, перебростил с ладони на ладонь, пожирая глазами ломоть, истекающий соком в прокушенном месте.

– Чем убил? – спросил он торопливо. – У меня лука не было. Лук вообще не рыцарское оружие!

– Сделал, – отмахнулся калика. – Палки растут везде, а вместо тетивы я взял шнур из твоей перевязи.

Томас грыз мясо, поглядывал на калику с удивлением. Впрочем, кабанчик мог оказаться непуганым. Или одуревшим. Или уже раненым, умирающим.

– А тебе вера не мешает убивать?

– Почему бы? – удивился калика. – Вера в богов никому убивать не мешает.

– В богов? – переспросил Томас в ужасе. – Язычник!

Снова уронил, подхватил с земли, не замечая хрустящих на зубах песчинок и сухих стеблей травы.

Калика равнодушно двинул плечами:

– Моя вера добрее. Никого не гоним. Поставь и Христу столб или крест возле наших богов. Уже приняли Хорса, Симаргла, даже кельтского Тарана...

– Язычник! – повторил Томас с отвращением. – Христос – бог богов!.. Он главнее всех.

– Поставь рядом, – повторил калика. – Понесут жертвы ему одному – оставим только его.

– Христос не принимает жертв.

– А хвалу, песнопения, курение благовонных смол?

Томас хотел заткнуть уши, но на углях жарились сочные ломти розового мяса, исходили паром и ароматами, калика накалывал прутиком, подавал Томасу ломти, наконец отдал и сам прутик. Томас кое-как проглотил кус, просипел полузадушенно:

– Сам-то почему не ешь?.. Просвечиваешь на солнце...

Олег с сомнением глядел на последний ломоть мяса, распластавшийся, как раздавленная черепаха, среди багровых углей, задумчиво двинул острыми плечами:

– Не знаю... Долго жил медом и акридами... Траву ел, листья. А мясо будит в человеке зверя.

– Гм... Во мне, к примеру, будит только аппетит.

Калика растянул в подобии усмешки бескровные губы, зубы блеснули белые, хищные, острые, как у зверя. Он взял последний ломоть голыми руками, не морщась, задумчиво покрутил в ладони, помял. Лицо оставалось неподвижным, но у черепа, обтянутого кожей, трудно понять выражение. Томас даже задержал дыхание, когда калика поднес мясо к губам. Бескровные губы раздвинулись, потрогали жареное мясо. Ноздри подрагивали, вбирая запахи. Затем калика очень осторожно коснулся мяса зубами.

Томас следил, как ел калика, боялся шевельнуться. Когда калика проглотил последний кусок, разжеванный так тщательно, словно готовил из него кашу, Томас выдохнул с облегчением:

– Ну вот! А то медом и акридами!

Калика повернулся, в глазах было непонимание. Кивнул наконец, просветлел:

– Ты не понял... Запретов на еду в моей вере нет. Это и есть часть моего подвига!.. Труднее всего одолеть себя. Пост – это власть духа над телом. Я жаждал мяса с кровью, но ел только листья, жаждал женщин, но проводил время в пещере... Только полное воздержание помогает искать Истину. Понимаешь, лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им.

Томас ничего не понял, спросил разочарованно:

– Значит, ты еще не отказался от своей языческой веры?

– Пока еще нет, – ответил калика кротко. – Власть моего духа достаточно сильна, чтобы не дать плоти задрожать при виде мяса, обильной еды. Теперь, как видишь, могу спокойно есть мясо. Значит, могу перейти из Малого отшельничества в Большое...

Томас не слушал, уже спал, осоловев от сытости.

На седьмой день рыцарь попробовал влезть на коня. Едва конь пошел шагом, Томас побледнел, как смерть, покачнулся. Калика едва успел подхватить падающего рыцаря.

Когда Томас очнулся, он лежал под тем же дубом. Весь день калика кипятил в его боевом шлеме вонючую гадость из трав, корней, сбивал с берез черные наросты, измельчал, кипятил, заставлял Томаса пить отвратительную горькую смесь, в которой плавали жесткие крылья жуков и чьи-то когтистые лапки.

Томас клял Вельзевула с Астаротом, но пил, ибо в лекарствах не разумел, как и положено благородному рыцарю, это дело низших сословий, а новому другу верил на слово, ибо верить – благородно и по-христиански.

Калика поил настоями и отварами, а в промежутках между лечением умело сшибал птиц самодельными стрелами. Однажды подшиб молодого барсука. Томас ел, молодая сила быстро вливалась в мускулистое тело, закаленное в сражениях, походах, лишениях. Он поднимался, прислушивался: рана в боку ныла, но острая боль ушла.

– Святой отец, когда ты мылся в последний раз?

Олег ответил рассеянно:

– Месяц тому я попал под сильный ливень...

– Гм... А где ты берешь воду? Я видел мельком ручей, когда падал с коня...

– Ближе, – подтвердил калика. Он задумался, сказал медленно: – Кстати, я совсем забыл... В Большом отшельничестве можно все, что дозволено другим. Так что я могу...

Вернулся он с прилипшими волосами, мокрый, с блестящими глазами. Томас смотрел с удивлением: волосы калики оказались цвета заката, а лицо белое, не тронутое солнцем. Странные зеленые, как молодая трава, глаза смотрели печально.

– Ты не сакс? – спросил Томас.

– Славянин. А ты из Британии?

– Родился на берегу Дона, – ответил Томас мечтательно. – На излучине близ устья стоит мой замок... Вокруг леса, леса... Болота, топи. Вся Британия – леса и болота. Холм, где стоит мой замок, – единственное сухое место на сто миль вокруг. В лесах тесно от туров, оленей, кабанов, а про зайцев или барсуков и говорить нечего. От птичьего крика шалее голова. Рыба бьется головой о борта лодки, просится в сеть...

Олег кивнул:

– Я тоже любил бывать на Дону.

Томас живо развернулся, глаза заблестели.

– На Дону?

– Десятки раз.

– Не видел ли высокий замок из белого-белого камня? На излучине, защитный вал и ров слева...

Олег покачал головой:

– Я бывал на берегах Дона в Восточной Руси, Палестине, Колхиде, Аравии, Гишпании, Элладе... Везде, где прошли сыны Скифа, остались реки с именем «Дон».

Томас дернулся, спросил угрожающе:

– Когда это дикие скифы завоевывали Британию?

– Я без всяких завоеваний побывал в Святой земле, не так ли? Когда-то великий вождь Таргитай... или это был Колоксай?... решил старую богиню Дану, покровительницу кочевников, заменить на Апию, мать-сыру землю. Хотел кочевников разом обратить в землепашцев! Понятно, кровавая распря... Староверы после битвы откочевали через всю Европу, переправились на Оловянные острова. Там выстроили жертвенники на старый лад из огромных камней-дольменов. Не видал? Жаль. Красиво... Стоунхендж зовется. Дали имена рекам. А вообще-то «река» по-скифски – «дон». Город, который выстроили в устье реки, нарекли Лондоном, что значит: стоящий в устье. У нас тоже такие города зовутся Усть-Ижора, Усть-Илим, а то и просто – Устюг...

Томас оборвал надменно:

– Не видал там никаких лохматых! Мы, англы, испокон веков живем на берегах Дона. Господь создал нас прямо на его берегах, а весь белый свет сотворил чуть раньше. Всего за шесть месяцев!

– За шесть дней, – поправил калика кротким голосом.

– Сам знаю, – огрызнулся Томас. – Я боялся, что ты, язычник, не согласишься! Все-таки за шесть дней... гм... а за шесть месяцев даже твои боги сумели бы, если бы собрались кучей.

Глава 2

На десятый день Томас сумел влезть в доспехи. Он шатался от слабости, калика помог ему забраться в седло. Конь заржал, застоявшись, пробовал пойти гордо, калика поспешно ухватил повод, и конь встал как вкопанный. Ладонь, державшая повод, была широкая, как весло, а сама рука – костлявая, жилистая, уже малость обросшая мясом – казалась вырезанной из старого дуба. Калика раздался в плечах, хотя они и раньше были широки, лицо чуть ожило, но в глазах осталась все та же смертная тоска.

– Спаси Бог, – сказал Томас. – Позволяют ли твои боги принимать плату?

– Сэр Томас, мне надо очень мало. Когда нет травы, я могу грызть кору на деревьях. Сплю на камнях, голой земле. Будь здоров! Удачи тебе.

Рыцарь пытался приподнять копьё для салюта, но не сумел. Лишь улыбнулся виновато, а конь пошел ровным шагом, стараясь не трясти хозяина. Калика поднял свой плащ, взял клюку, то бишь посох, и пошел той же дорогой, но не спеша, весь погруженный в нелегкие думы.

Дорожка вилась между деревьями, вдали уже мелькал просвет. По ветке над дорогой пробежала белка, цокнула острыми зубками, заметив бредущего человека, задержалась от любопытства. Тяжело пролетела крупная птица, попыталась сесть на ту же ветку, но застывшие в гнезде лапы цеплялись худо, и она долго махала крыльями, качалась, пока когти обрели былую уверенность.

Олег брел тихо, узнал птаху, высиживающую птенцов. Брюхо светило жалко-розовым: выщипано до голой кожи на утепление гнезда, исхудала – редко выпархивает, почти не кормится, греет птенцов, стережет...

Бесстрашно прошла в двух десятках шагов олениха, за ней бежал тонконогий олененок. Она шевелила ушами, настораживалась, на Олега лишь покосилась – странник не казался опасным. Она тыкалась в ветки, срывала листок, жевала, томно прикрывая глаза. Олененок, для которого все делалось, больше глазел на стрекоз.

Деревья расступились, Олег окунулся в жаркий воздух. Солнце обрушилось на плечи, в плаще стало жарко. Олег сбросил на спину капюшон, открыв голову жарким лучам. В Малом отшельничестве человек совершенствуется в уединении, вдали от мирской суеты – в пещере ли, пустыне, лесу или в горах. Таких отшельников тысячи, в мучительных раздумьях добывают Истину, далее несут миру. Гаутама добыл свою Истину в дремучем лесу, Заратуштра надолго ушел в горы, Христос сорок дней постился в пустыне, а с Магометом Аллах заговорил, когда тот предавался тягостным размышлениям на вершине одинокой горы.

Но есть отшельничество потруднее: быть среди людей, ничем не отличаться, вкушать ту же пищу, жить той же жизнью, но чувствовать лишь плотью, а душу держать в чистоте, уметь быть по-прежнему на вершине горы. Многие пытались войти в Большое отшельничество – немногие удержались!

Дорога петляла между холмами, дважды попались странные уродливые оливы с раздутыми стволами – деревья, которые растут только в этом крае, – потом холмы расступились, дорога вышла на простор.

Вдали поднимался высокий замок-крепость. Это был мрачный дом в четыре поверха, высокая сторожевая башня, вокруг как раз строили крепостную стену. Отсюда он казался облепленным муравьями – множество народу тащили огромные камни, поднимали на стену, обвязав веревками, блестели мокрые стволы деревьев, с них на ходу сдирали кору, мелькали обнаженные спины.

Дорога раздвоилась, одна ветвь с готовностью свернула к замку, другая потянулась мимо. Калика шел равнодушно дальше: такие замки уже видел. Франки-крестоносцы, разгромив сарацин и захватив Иерусалим с окрестными землями, спешно укреплялись, огораживались.

Короли наперебой раздавали рыцарям не принадлежащие им земли с живущим там людом, а рыцари спешно строили замки, укрывались за крепкими стенами.

Весь замок – высокая четырехугольная башня – широкая, массивная, сложенная из огромных гранитных глыб. Вокруг теснятся другие строения, поменьше, но из-за высокой стены замка выглядят только крыши. С той стороны течет небольшая река, замок привычно выстроен в излучине – для лучшей защиты, – а отсюда выкопан глубокий ров, наполненный водой из той же реки. В стене под арочным карнизом виднеются ворота, массивные, с обеих сторон по башенке, где прячутся сторожа, а сами ворота утоплены в сводчатом уступе стены...

Калика уже оставил замок далеко слева, когда сзади послышался частый цокот копыт. Не оглядываясь, он сошел с дороги, даже отступил за обочину – у дурных людей появилась привычка на ходу стегать плетью пешеходов, безоружных.

Копыта простучали мимо. Трое на легких тонконогих конях. Задний оглянулся на бредущего странника, что-то крикнул, остановился. Его друзья с неохотой придержали лошадей. Все трое одеты пестро, в лохмотья, но у всех сабли и кинжалы, у одного за плечами лук, сбоку на седле колчан, набитый оперенными стрелами. И у всех злые голодные лица.

– Эй, – крикнул задний всадник грубо, – ты чей?

Олег ответил смиренно:

– Паломник я, добрые люди... Бреду из Святой земли в родные края.

– Где твои края? – потребовал всадник. Двое удерживали коней, что явно рвались продолжить скачку.

– На Руси.

Всадники переглянулись, задний сказал зло:

– Не слышал. Что-то выдуманное, да?

– Или крохотное королевство! – крикнул один из дальних.

– Не крупнее моего ногтя!

Задний сказал решительно:

– Очень хорошо! Он ничейный.

Соскочил с коня, ткнул Олега в грудь кнутовищем. Олег не двигался. Всадник деловито пощупал руки, грудь, велел открыть рот, пересчитал зубы.

Первый всадник крикнул нетерпеливо:

– Тернак, ты всякую падаля готов тащить! Погляди, одни кости!

Второй добавил:

– Он из Европы. Свой!

Тернак возразил насмешливо:

– Господь сказал: нет ни эллина, ни иудея. Значит, все равны у барона в каменоломне, ха-ха! Отвези его Мураду.

Они окружили странника, двое обнажили сабли, третий наложил стрелу на тетиву. Олег смотрел на их лица, узнавал умелых людоловов, поднаторевших в проклятом богами деле.

– Протяни руки! – резко велел Тернак. – Не вперед, а за спину!

Олег покорно заложил руки за спину. Тернак ловко набросил веревку, туго стянул кисти. Вдвоем закинули Олега на коня. Тернак отряхнул ладони, сказал с удивлением:

– Кости, а такой тяжелый! Абдулла, отвези его Мураду. Потом догонишь.

Абдулла с проклятием вскочил на коня и, придерживая связанного странника, с гиком погнал к замку.

Во внутреннем дворе замка, едва миновали ворота, их встретил громадный, заросший черным волосом получеловек-полузверь, таким он показался Олегу. Низкий лоб, близко посаженные глазки, огромная тяжелая нижняя челюсть, а шеи нет вовсе – голова, больше похожая на валун, сидит на литых плечах. Обнаженная грудь как пивная бочка, ноги – словно всю жизнь

не слезал с этой бочки, зато руки громадные и толстые, как стволы деревьев, лишь вместо жесткой коры их сплошь покрыли густые черные волосы.

Он вытер крючковатые, словно прокаленные в огне пальцы о кожаный передник, испачканный кровью, с отвращением оглядел калику:

– Издохнет в первый же день!.. Эх, Тернак, каджи тебя заberi...

Олега подогнали к низкому каменному сараю. Дверь приоткрылась, оттуда дохнуло нечистотами, спертый воздух. Ударили в спину сильнее, Олег влетел в темное помещение, выставленная вперед нога не ощутила пола, он покатился по ступенькам, опомнился лишь на каменном полу с остатками гнилой соломы.

Сверху лязгнула дверь, загремел засов. На плечо Олега опустилась сильная рука, насмешливый голос произнес над ухом:

– Приветствуем строителя нового мира!

Глаза быстро привыкали к полутьме, Олег различил под стенами десятка два полуголых людей. У каждого тускло поблескивал ошейник, трое были в железных цепях.

– Какого мира? – спросил он.

– Нового, – ответил человек с издевкой. – Светлого! Христианского!.. Среди окружающего варварства – замка барона Оцета! Опоры христианского воинства в краю сарацинском...

Он был полугол, спина вздулась страшными рубцами, поперек лица пролегла багровая полоса с рваными краями, левый глаз запух.

Олег сел, потер затекшие кисти рук.

– Я слышал... каменоломни?

Человек оскалился в улыбке, десны кровоточили, от передних зубов остались острые пеньки.

– Работал с камнем?

Олег кивнул, продолжая оглядываться. Если незнакомец жаждет увидеть страх на лице новичка, то ему придется разочароваться: странники в скитаниях видят многое.

– Паломник?

Олег снова кивнул.

– Здесь половина паломников, – сообщил незнакомец. – Барон дает возможность построить царство небесное на земле. Для себя, конечно. Но замок уже построили, сейчас поднимаем стену... Меня зовут Ярлат.

– Я родом из Руси, Олег.

– Это где-то в Гиперборее?

На следующее утро его отвели в кузницу. Двое дюжих воинов надели на шею железное кольцо, а кузнец быстро и умело свел концы, склепал, припалив кожу на горле. Страж хлопнул с размаха по спине:

– Люблю паломников!.. Смиранные. Все, дескать, от бога... Иные артачатся, вчера двоих скормили живыми псам.

Ошейник, разогревшись, остывал медленно, жег шею. Под стражей Олега вывели через главные ворота. В полуверсте от замка зияла огромная яма, где поместились бы два или три дома барона, оттуда поднималась мелкая злая пыль, слышались тяжелые удары железа о камень.

Страж подвел Олега к краю, указал на деревянную лестницу:

– Спускайся! Кирку пока не получишь, будешь вытаскивать камни. Десятник покажет, что делать.

Внизу полуголые люди били тяжелыми кирками по глыбам, проделывали в каменных плитах дыры, вбивали деревянные колья, поливали водой. Разбухая, дерево ломало камень, отколотые глыбы тут же обвязывали веревками, тащили наверх.

Десятник хмуро оглядел нового раба:

– Будешь таскать отколотые камешки. Здесь, до края ямы. Наверху те, кто убежать не пытается. А тебя еще не знаем.

Олег молча ухватился за блистающий цветными искрами край отколотого камня. Чернобородый мужик взялся с другой стороны, угрюмо процедил:

– Не ленись, но и не рви жилы. Иначе до вечера не протянешь!..

До полудня они ворочали камни, подтаскивали к краю стены. Сверху опускались веревки, Олег и чернобородый, его звали просто Лохматым, увязывали, затягивали узлы, продлевая минуты отдыха, затем камни мучительно медленно ползли вверх по каменной стене, царапаясь острыми гранями, роняя гранитную крошку.

После короткого обеда, когда им раздали по сушеной рыбине и ломтю хлеба, Олега поставили вбивать деревянные клинья. Рядом плескали воду, плита уже потрескивала, кряхтела, Олег вдруг ощутил под ногами напряжение, возникшее в камне. Рядом двое невольников длинными шестью перекачивали уже отколотую глыбу, стонали.

Олег обронил предостерегающе:

– Зацепит... Отойдите.

Оба смотрели непонимающе, а десятник, метнув на Олега острый взгляд, внезапно гаркнул люто:

– Брысь отсюда!

Они буквально взлетели, как испуганные птицы, тут же огромная плита под Олегом сухо треснула. Глыбой как метнуло из катапульты: на два шага пропахала, царапая сухую каменную землю. Олег остался на самом краю основной плиты. Надсмотрщик не спускал глаз с новичка, губы его кривились.

– Знаешь камень? Хорошо... Спас двух дураков.

Плиту разломило, словно переспелый арбуз. Внутри отливало красным с черными зернами, блестело, сверху опускались ровные канавки, там еще держались разбухшие от воды колышки.

Олег подобрал непомерно тяжелый молот. Вокруг двигались, как полуживые, эти несчастные, с потухшими глазами, и сердце сжимало чувство вины, что все еще не нашел путь для их спасения, не отыскал Истину. Нет настоящего величия в том, кто сумел сам из рабства подняться до императорского трона, таких было немало. Он сам знал синеглазого пастуха Управду, который оставил овец на отрогах Карпат и сел на трон в Константинополе, а свое славянское имя лишь перевел на латинский лад – Юстиниан, что означало то же самое: управление, право, правосудие. Слово больше разошлось в латыни, от него пошло – юстиция. Он сделал немало, этот белоголовый пастух, хотя трон ему уже был подготовлен и передан дядей, тоже пастухом из тех же краев, – Юстином. Но даже самые могущественные императоры не могут отыскать пути для счастья. Для спасения, как говорит молодая вера христиан.

К вечеру он едва волочил ноги. Молот вываливался из рук, дважды сам лишь чудом не попал под глыбы. Покрытый каменной крошкой, мокрый от пота, он едва расслышал сквозь шум в ушах вопль десятника:

– Закончили, закончили!.. Вылезай!..

Измученные люди заспешили к сброшенным сверху веревочным лестницам. Там уже блестящие обнаженные мечи стражей, звякало оружие. Олег замешкался, дыхание вырывалось из груди с хрипами. Ноги дрожали.

Десятник огрел плетью, заорал:

– Быстрее! Чтoб дотемна все были в сарае!

Кто-то помог Олегу подняться. Наверху стражи едва удерживали озверелых псов – те царапали землю, стараясь дотянуться до невольников, острые зубы страшно лязгали.

Десятник втокнул Олега в сарай, оба повалились на грязный пол. Ворота спешно захлопнули, тут же створки содрогнулись, донеслось царапанье и жуткий вой. В узкую щель под воротами пыталась протиснуться толстая лапа, размером с медвежью.

Олег повернулся на спину, десятник покачал головой:

– Терпишь, не воешь... Стоик?

Олег медленно покачал головой:

– Страдает лишь жалкое тело. Я свободен.

Десятник насмешливо скривился:

– Но ты сам всажен в это жалкое тело, верно? Покинуть не можешь. Оно тоже твое, как я понимаю!

– Душа в запустении, как могу заниматься телом? Вон даже Марк Аврелий, хоть император, а заметил верно: у человека нет ничего, кроме души.

– А если тело околеет? На этой работе?

– Кормят меня лучше, чем я кормился... в пещере. Даже устаю меньше, чем когда изнурял себя трудом, подчиняя тело духу.

Десятник кивнул, уже потеряв интерес к новичку. За три года встречал в каменоломне и святош, и паломников, и стоиков, узнал разные религии, услышал о дальних странах, учил ломать камень аскетов, подвижников, которые только и умели раньше, что носить на себе пудовые цепи, бормотать молитвы. Главное, чтобы заранее выявить бунтовщиков, подавить в зародыше попытку к бегству. А этот ни о чем таком вовсе не помышляет, уж он, десятник с трехлетним опытом, чует за милую.

Олег вторую неделю ломал камень, таскал тяжелые глыбы. Он оброс мышцами, хотя в сравнении с другими все еще выглядел худым, костлявым. С ним работали в паре охотно: не увивали, брался за худшую работу, с готовностью помогал напарнику.

Однажды по возвращении в каменный сарай услышал в стороне ругань, свист бича. На дубовом кресте распяли крупного человека, одежду сорвали, расшвыряли по двору. Сарацин, голый до пояса, но в огромной зеленой чалме, злобно скалил белые, как сахар, зубы, с наслаждением хлестал несчастного, подолгу раскручивал плеть над головой, затем бросал ее со свистом, стремясь каждым ударом рассечь кожу как можно глубже. Мухи злобно жужжали, успевая упасть на покрытую багровыми рубцами спину, слизать кровь и сукровицу, прежде чем обрушится новый рассекающий удар.

Десятник на ходу толкнул Олега, сказал хмуро:

– Благородный... Нашего брата гвоздями бы приколотили! А этого на веревках. Выкуп выколачивают.

– Кто это? – спросил Олег отстраненно.

– Странствующий рыцарь... Или не странствующий, а просто возвращался из Святой земли. Не всем повезло, как нашему барону! Кто-то лишь облизался. Будет рад, если живым доберется. Многие вовсе кости разбросали.

Они зашли в сарай последними, им в спины ткнули тупыми концами копий, дверь закрыли на засов. Томас Мальтон, вспомнил Олег. Надменный высокомерный рыцарь, мальчишка в обличье взрослого мужчины. В расцвете тела, но вместо души еще не распустившаяся почка...

Шла третья неделя в каменоломне, когда Олег увидел поблизости сильно избитого человека, полуголого, в железном ошейнике и с кандалами на ногах. Не сразу узнал рыцаря, а узнав, тут же позабыл. Работа тяжелая, но не мешает уходить мыслью в глубину души, искать ответы на мучительные вопросы, и Олег шарил отчаянно в Настоящем мире, а в этом, где передвига-

лись такие же двуногие звери, как и он сам, его брренное тело вбивало клинья, поднимало над головой тяжелый молот, таскало глыбы камня.

Внезапно он услышал рядом хриплое:

– Калика... э-э... сэр Олег?

Залитое потом лицо Томаса утратило южный загар, сильно исхудало. Вокруг грохотали кирки, измученные люди внимания не обращали. Олег ответил замедленно, находясь все еще в другом мире:

– Я, сэр Томас.

– Не узнал сразу... Тебе на пользу эта работа! Окреп, поправился... Неужто останешься здесь навсегда?

– С богами можно беседовать везде, – ответил Олег безучастно.

В стороне предостерегающе заорал десятник. Томас с проклятием обрушил кирку на камни, брызнули осколки. В сутолоке и пыльном облаке, где все походили друг на друга, Олег вскоре потерял Томаса, но к вечеру Томас снова оказался рядом, шепнул:

– Я поменялся с твоим напарником.

– Все люди, – ответил Олег равнодушно. – Все человеки.

Томас некоторое время молча подвигивал ломом гранитную глыбу, переваривал ответ, затем прошептал, бросив настороженный взгляд по сторонам:

– Здесь не человеки, а рабы! Достойно ли тебе, свободно рожденному...

– Рабы тоже люди, – прервал Олег.

– Но не такие...

– Бог всех рождает людьми, рабами делают другие люди.

Томас зло тряхнул головой, в синих глазах блеснули злые молнии.

– Сэр калика! Твое смирение чрезмерно. Я хочу вырваться отсюда. Мне нужна помощь, хотя бы малая.

Олег качнул головой в сторону блестящих от пота тел.

Томас раздраженно отмахнулся:

– Они погасли. А в тебе еще теплится искра, чую!

Олег с равнодушным видом грохал ломом в узкую щель, разламывая глыбу. Томас дышал часто, его сильные мускулистые руки часто вздымались над головой, заноса кирку, камень под мощными ударами трещал, как спелый орех. Цепь на шиколотках жалобно звенела.

– Запалишься, – обронил Олег.

– Что? – не понял Томас.

– Надсадишься. Надолго не хватит.

– Долго не пробуду! Если не удастся вырваться, то, клянусь небом и святым причастием, разобью себе голову!

Он дышал со свистом в груди, наглотавшись каменной пыли. Тугой ошейник сдавливал горло, до крови растер пузыри, оставшиеся от ожога. Глаза блеснули, как у загнанного в угол лесного зверька. Его пальцы дрожали. Олег с внезапной ясностью увидел, что красивый рыцарь не жилец на этом свете. Точнее, на этом клочке белого света, где стоит замок барона Оцета.

– Как ты собираешься вырваться? – спросил Олег все еще без интереса.

– Не знаю, – ответил Томас отчаянно. – Но здесь не доживу до воскресного дня, знаю. Довериться некому! Рабы либо погасшие... Опять же рабы! Тебя знаю. Ты излечил меня, я когда-то спас тебя от псов!

Руки калики равномерно и мощно поднимались, обрушивали острый конец тяжелого лома в щель между глыбами. Томас почти видел, как неторопливо поворачиваются такие же глыбы в его черепе, как в непроницаемых зеленых глазах проявляются тусклые искорки.

– Впрочем... – произнес наконец калика кротко, – нельзя людей тащить силой даже к их благу... Ежели не могут забыть о своей плоти здесь, если страдают оттого, что страдает плоть... надо их отпустить.

Томас нетерпеливо дернул плечом:

– Дьявол поberi твои мудрые рассуждения!.. Кто отпустит?

– Мы, – ответил калика так же кротко.

Вечером Томаса пригнали в общий сарай, где жили невольники. Измученные люди, выпотрошенные тяжелой работой, не обращали на новичка внимания, а Томас пробился поближе к Олегу в угол, шепнул возбужденно:

– Ты скитался много. Возможно, видел даже больше, чем я, таких дыр. Считаешь, убежать можно?

Олег ответил негромко:

– Убежать можно всегда. Но по ошейникам отыщут... В лохмотьях опять же! Остановят в ближайших селениях, вернут. С бароном кто захочет ссориться?

Томас кивнул:

– И я так думаю. К тому же я не могу уйти без... некоторого имущества. Жаль боевого коня, жаль доспехов и меча, но я бы все оставил проклятому барону! Однако в моем седельном мешке есть старая медная чаша...

Он замолчал, испытующе смотрел на Олега.

Тот сказал негромко:

– Да, я видел. Когда ты лежал раненый, я искал, чем перевязать. Почему она так нужна?

– Это священная, – прошептал Томас. – Святыня.

– А-а, – протянул Олег, – ритуальная... Знаю: у каждого волхва на поясе болталась чаша. Еще при Таргитае с неба упали золотые плуг, ярмо и чаша...

Томас прошипел рассерженно:

– Не равняй священные христианские реликвии с погаными языческими!

– Ладно-ладно. Когда вырвемся отсюда, надо сперва в оружейную. Ты напаялишь свой железный горшок, возьмем коней, ускачем...

– Раньше я должен разбить голову барону!

– Спасение в скорости. Нас схватят.

– Но чаша наверняка в комнате барона! Он не такой дурак, чтобы хранить ее где-то в другом месте. Я лучше погибну, чем оставлю чашу!

Калика посматривал с непонятным выражением, вздохнул, тяжело заворочался в каменном углу:

– Человек безрассуден... Не в этом ли простая Истина?

– Свя-той ка-ли-ка! – проговорил Томас с расстановкой. Он задышался от ярости, жилы на шее вздулись, металлический ошейник сдавливал горло, как железные пальцы барона. – Поможешь или нет?

Глаза калики были кроткие, большие, всепрощающие. Так смотрели на Томаса с икон праведники, близкие к Христу, его двенадцать паладинов.

– Авось не соступлю и сейчас с тропки поисков Истины... В Большом отшельничестве надо как все...

– Поможешь или нет? – простонал Томас.

– Маленько подсоблю, – ответил калика тихо. – Но больно-то не надейся.

Глава 3

Весь следующий день Томас простоял на солнцепеке, привязанный к столбу посреди двора. С него сорвали одежду, челядь смеялась, бросала объедками. Жаркое сарацинское солнце доводило до иступления. Мухи и жуки облепляли кровоточащие раны, исхлестанную спину, лезли в глаза, ноздри, уши. Томас ругался, затем ревел как бык, наконец охрип, голова упала на грудь, лишь стонал. Ноги подкашивались, зависал на путах. Вербки врезались туго, до синевы.

Олег надеялся, что Томаса бросят в сарай, но пришла ночь, а несчастный рыцарь так и не появился. Усталые камнеломы жадно поели, – возле котла с едой дважды вспыхивали драки за единственный ломтик мяса, – затем все повалились на охапки гнилого сена. Почти сразу раздался храп, посвистывание, тяжелые стоны.

Олег прислушался к звукам снаружи, подошел к воротам. По ту сторону дубовых створок, окованных толстыми железными полосами, должны всю ночь сидеть двое латников. Барон жесток, но в самом ли деле сидят оба?

Даже не взглянув на щель между створками, где просматривался железный брус засова, он ухватился левой рукой за самый край, другой рукой уперся в перекладину. Напрягшись, начал поднимать створку, обдирая костяшки пальцев о каменный косяк стены. Чуть скрипнули массивные петли, скрежетнул потревоженный засов.

Стиснув зубы, он изо всех сил поднимал массивную створку, глаза не отрывались от блестящего стержня. Тот все выползал и выползал из проржавленной петли, а деревянный край почти уперся в каменный свод.

Внезапно стержень выскользнул из петли. Олег едва не выронил половинку ворот. Чуть дыша, бережно опустил, прислушался. Во дворе тихо, как и здесь, среди сморенных тяжелым сном, измученных людей. В широкую щель повеяло свежим ночным воздухом, кто-то беспокойно заворочался, простонал.

Олег тихонько протиснулся между каменной стеной и снятой с петель половинкой. Широкий двор выглядел пустым, от далекой конюшни слышалось конское фырканье, постукивание копытом о дощатую загородку. Лунный свет высвечивал коновязь, столб с крючьями посреди двора.

В окнах замка горел свет. На четвертом поверхе, последнем, на шторе мелькнул силуэт – мужской, круглоголовый. В соседнем окне на миг показалась женская головка, факел зловеще подсвечивал со спины ее золотые волосы красным, тут же длинные темные руки ухватили ее за белые плечи, дернули назад. Шелковые шторы сдвинулись.

Олег прокрался вдоль стены, держась в тени. На миг показалось, что когда-то крался вот так точно, в таких же лохмотьях, изможденный.

Он отогнал посторонние мысли, подобрал камень, подбросил в ладони, проверяя вес, шероховатости, грани. Впереди темнела каменная сторожка, на пороге дремал страж. Олег прошел мимо на цыпочках, медленно полез на стену, цепляясь за выступы неровных глыб.

На гребне стены он лег, чтоб не выделиться на фоне звезд, долго прислушивался. Наконец донесся едва слышный шорох, будто кто-то в трех-четыре шагах дальше на стене слегка шаркнул кожаной подошвой по камню. Звук не повторился, но Олег уже определил, где в тени стоит страж на стене, как стоит. Он вытащил камень, взвесил на ладони. С пяти шагов раньше не промахивался.

Он пробежал на цыпочках, шуму от него было не больше, чем от лунного света. Теперь он четче видел стража: крупного, широкого в плечах, молодого. Блестит шлем, мелкими искорками посверкивают наклепанные на кольчугу железные бляхи. Страж прислонился к стене, глаза полускрыты, дремлет. Но стоит чуть поднять голову, их взгляды бы скрестились.

Олег приготовил камень для броска, не промахнется, но мышцы сковала странная слабость. Молодой парень должен погибнуть... За что? Разве виноват, что оказался на пути беглого раба?.. Возможно, он худший из людей, преступник, но возможно, лишь случайно здесь, завтра займется достойным честным делом...

Олег подбежал очень тихо, едва касаясь каменных плит кончиками пальцев ног, коротко ударил кулаком по шлему. Хрустнуло, парень начал сползать по стене башни. Олег подхватил, уложил в угол. Из-под шлема хлестала темная кровь, залила ладони горячим. Олег стиснул зубы. Не рассчитал, в пещере отвык от насилия. Парень уже не очнется... Мог бы метнуть камень, все то же!

Чувствуя себя виноватым, он снял с убитого пояс с мечом. Нож вытащил из ножен, засунул по-скифски за пояс на спине. Луна на миг ушла за облако, он быстро проскользнул дальше, приучая себя к забытой тяжести меча, что оттягивает пояс слева. Двор оставался пуст, лунный свет заливает выщербленные каменные ступени, широкие глыбы, неровно подогнанные одна к другой. Плиты без трещин шли на стены, а булыжниками и осколками барон замостил двор – сплошной камень сверху донизу: башни, стены, замок, подвалы для невольников, даже двор...

Подвал для невольников? Томас явно в подвале для пыток, у барона должен быть такой, у всех крупных сеньоров есть тайные и явные застенки. Для простолюдинов, для благородных, для тех, кто знатнее, выше. Но где такой застенок?

Он замер, внимательно осматривая темные каменные строения. Барон строит спешно, стремясь закрепить на чужой земле, люди на его каменоломне гибнут как мухи, но строит добротнo, на века. И без штучек, по привычным образцам. Если не отходит от рыцарских канонов, а он, похоже, не отходил, то застенок должен быть в подвале под самим замком. Барон, не выходя из дома, посещает и комнатку с сокровищами, и застенок с особо опасными – или дорогими – пленниками.

Олег окинул взглядом замок, просчитал толщину стен, расположение окон, внутренних помещений, чутье указало на крохотное зарешеченное окошко на уровне земли. Двор по-прежнему пуст, луна скользнула за другое мохнатое облачко, и он, поправив меч, перебежал по гребню стены, опустил на колени, готовясь скользнуть вниз, в темноту.

Слева из темноты выдвинулись огромные нечеловеческие руки-лапы. Олег запоздало дернулся, но жесткие пальцы ухватили за горло. Он не вскрикнул от боли и неожиданности лишь потому, что горло было перехвачено. Ощутил, что ноги отрываются от земли. Голова запрокинулась так, что шея вот-вот хрустнет и сломается, в тот же миг другая чудовищная лапа ударила по руке Олега – тот успел, несмотря на боль, выдернуть клинок из ножен, – и меч, блеснув в лунном свете, исчез.

Рука онемела от страшного удара. Сквозь шум крови в ушах Олег ожидал услышать, как звякнет металл о камни, но было тихо, словно меч угодил в копну сена. Задышавшись, Олег ухватился за пальцы на горле, но оторвать не мог – правая рука висела. Он быстро слабел, а чудовище с тихим ревом прижало Олега к стене башни. Луна выползла из-за облачка, Олег ощутил смертельный холод: его держал, люто скаля клыки, тролль!

Хрипя, Олег ударил ногой в стену башни, оттолкнулся. Их отшвырнуло, тролль оказался на краю стены, одна нога зависла. Прямо перед глазами Олега щелкнули страшные зубы, но пальцы разжались: тролль не желал падать на каменный двор даже с жертвой в лапах. Олег, шатаясь, ухватился за горло, сделал два шага назад, торопливо спрыгнул ниже – там виднелась залитая лунным светом поперечная стена.

Он не удержался на дрожащих ногах, упал. В глазах потемнело от боли – навалился на поврежденную руку. Задышавшись, спешно поднялся. Тролль мог убить из засады, мог сразить ударом меча, мог ударить из темноты громадным, как молот, кулаком, но зверь, ненавидя людей лютой ненавистью, жаждал смотреть в искаженное смертной мукой лицо жертвы, которая видит смерть, трепещет, хотел насладиться агонией человека, ужасом!

Он едва поднялся, как тролль прыгнул к нему. Вдвое тяжелее, но соскочил, как гигантский кот. В правой руке блестел кривой меч. Олег обреченно прислонился к стене – тупик, однако тролль не взмахнул сразу же мечом. Просто срубить голову, рассечь наискось или вдоль до пояса, но слишком легкая смерть!

Внезапно Олег понял, что хочет тролль. Полоснуть лезвием по животу, чтобы вывалились кишки, чтобы смерть была неминуемой, но длилась долго, очень долго, а жертва, зная о неминуемой смерти, чтобы в страхе выла, ползала, волоча за собой сизое переплетение мокрых внутренностей.

Он оттолкнулся от камня, из последних сил прыгнул на тролля. Правая нога должна была ударить по лапе с мечом, левая – в пах... Тролль дернулся, меч выскользнул из пальцев и зазвенел по ступенькам вниз, но левой Олег промахнулся – толкнул тролля в бедро. Тролль зашатался, кроваво-красные глаза вспыхнули на миг, как горящие угли, с которых ветром сдуло пепел. Олег напрягся, упал на спину, беззащитный, как новорожденный перед волком, а тролль навис – огромный, лютый... Однако чудовище внезапно бросилось за оружием.

Меч докатился до поверхности ниже, там он блестел слабо, словно вытасченная из воды рыба. Тролль наклонился, Олег прыгнул сверху, обеими ногами ударил в спину.

Любой хребет переломился бы, как пересушенная лучинка, но тролль лишь упал, загремел костями по ступенькам еще ниже, на целый поверх. Олег похолодел: в черной лапе тролля блестело – зверь успел цапнуть меч!

Хватая ртом воздух, Олег заспешил обратно на гребень стены. До подземелья с Томасом близко – по прямой вниз, но прямо посреди дороги это лютое чудовище, которое неизвестно как очутилось здесь, в южных краях. Луна скользнула за облачко, под ногами была чернота, по спине дохнуло холодом – почти не отличишь узкую полоску верха стены от черной пустоты. Он сжал кулаки, побежал по узкой тверди, каждый миг с замиранием сердца ожидая, что на следующем шаге нога провалится в пустоту...

Замок барона был обычным переплетением стен, башенок, лестниц, площадок, с которых хорошо обороняться, где удобно ставить катапульты, бочки с кипящей смолой, но Олег со страхом понял, что заблудился. Он добежал до угла, обогнул сторожевую башенку, где спал часовой, остановился, пытаясь понять, где он находится.

Острые когти тролля цокали по камню совсем близко. Он торопливо взбегал по узким ступенькам, меч в его руке покачивался, рассыпал тусклые лунные блески. Острые уши тролля торчали, как у волка, в оскаленной пасти блестили крупные белые зубы.

Олег потихоньку отступал, пока не оказался на смотровой площадке башни, самом высоком месте замка. За деревянными перилами – холодные, равнодушные и колючие звезды на черном, как грех, небе, земля где-то внизу, в черноте.

Тролль понюхал воздух, вскинул голову. Оскал стал шире, тролль замедлил шаг, чуть пригнулся, пошел наверх настороженный, собранный в тугой ком звериных мускулов.

Олег отступил на край площадки, затравленно огляделся. Правая рука еще ныла, пальцы сгибались плохо. Тролль поднимался медленно, бесшумно, взгляд не отпускал Олега. Кривое широкое лезвие хищно блестело, так же блестили крупные зубы, особенно четыре изогнутых клыка, что не помещались во рту.

Спина Олега вжалась в угол, перила затрещали. Тролль поднялся на площадку. Их разделяло пять шагов. Взгляды сомкнулись, тролль растянул губы в жестокой гримасе: беглец полностью в его власти. Шагнул, остановился, в уголке широких губ пенилась желтая слюна. Глаза с наслаждением впились в лицо жертвы. Перед ним трепетал беззащитный зверек, и он хотел взять всю радость, не уронив ни капли, насладиться страхом, ужасом, а уж затем оборвать жизнь – с сожалением, что нельзя убить дважды, трижды, много раз, – оборвать жизнь медленно, дать ей увидеть свою смерть, смерть в жутких муках, когда уже ничто не спасет...

Троль выдвинул правую лапу, поднял меч, а другую простер в сторону, дотянувшись до перил. Олег с трудом оторвал взгляд от блистающего лезвия. Троль скалил зубы. Противнику теперь не выскользнуть: дорога к бегству закрыта.

Внезапно троль перебросил меч в другую руку. Сердце Олега колотилось чаще, но, увидев горящие глаза зверя, понял: тот владеет обеими руками одинаково, а мечом играет, чтобы жертва ожила на миг, – тем интереснее потом, глубже страх, агония.

Перила хрустели под тяжестью Олега, он чувствовал, как раздвигаются жерди. Еще чуть – и он полетит вниз, на каменные плиты двора. Троль если даже ударит мечом, то не убьет – жаждет рвать жертву зубами, чувствовать теплую солоноватую кровь на губах, рвать живое мясо, пока жертва корчится, дергается, отталкивает слабеющими пальцами...

Пальцы Олега ощупывали за спиной шероховатую жердь и вдруг задели рукоять ножа. Он передернулся: как можно такое забыть?

Стараясь выглядеть парализованным от ужаса, осторожно высвободил нож, крепко взял за рукоять. Троль медленно ступил ближе, красные горящие глаза едва не прожигали дыры в жертве.

Над головой громко каркнула, пролетая, ворона. Троль на миг бросил на нее взгляд, тут же перевел на противника, но рука Олега уже метнулась с такой скоростью, что сам увидел лишь смазанное движение. Троль булькнул, словно поперхнулся вином, глаза его вылезли из орбит. Из горла торчала рукоять ножа. Чудовищные мохнатые лапы конвульсивно дернулись, меч выскользнул, ударился о камень, подпрыгнул и остановился.

Троль ухватился за нож, качнулся. Олег увидел в огромной ладони темное от крови лезвие, в горле зияла дыра, из нее освобожденно плеснула пенящаяся струя. Кровь выхлестывала, как горный поток, булькала, в лунном свете поднимался пар. Шатаясь, троль с ножом в вытянутой руке шагнул к Олегу. Его глаза горели так, что Олег ничего не видел, кроме пылающих красных огней.

Не отрывая взгляд от троля, Олег подхватил меч, отскочил в угол. Они застыли на миг, пожирая друг друга глазами. Олег занес меч – тяжелый, острый, с загнутым лезвием. Троль качнулся и снова пошел, вытянув далеко вперед руку с ножом, – залитый кровью, хрипящий, осатанелый.

Олег удержал меч, не ударив, – троль рухнул во весь рост, словно подрубленное дерево.

Томас бессильно свисал в цепях, в полузабытии, когда услышал щелчок засова и тихий голос:

– Сэр Томас, не шарахни меня по башке!

Дверь приоткрылась, в щель скользнула знакомая фигура. Томас вскинул голову, с недоверием смотрел на калику: меч на поясе, в руке нож. Тот остановился посреди застенка, давая глазам привыкнуть к догорающему факелу.

– Похоже, тебя самого шарахнули...

Он подошел ближе, взялся за крючья, где висел истерзанный рыцарь. Мышцы на плечах вздулись, Олег засопел, рванул – и железный штырь со скрипом выдвинулся из стены. Томас не верил своим глазам, но калика засопел над левой рукой, дернул – и Томаса отделило от стены.

В тесном помещении пахло горелым мясом, воздух был спертый. На стене висели крючья, щипцы, пилы, железные прутья для протыкания ног, особые щипцы, коими полагалось выламывать зубы, рвать губы. В углу небольшой горн, горка поленьев. Томас с гримасой потер распухшие запястья:

– За дверью страж?

– Он там и остался, – ответил калика. Голос его звучал буднично, почти сонно. Он словно бы не помнил, что шею ему натерло толстое железное кольцо, где даже в полутьме виднеются глубоко вырезанные буквы, дескать, сей раб принадлежит барону Оцету. В руке тихо позвяки-

вала связка ключей, что раньше висели на поясе тюремщика. Он печально оглядел застенки, спросил тихо: – Идти сможешь?

– Кости целы, – сообщил Томас злым голосом, в котором проснулась надежда. – А что жгли и били... Только и того, что на этот раз не дал сдачи!

Он со злостью лапнул ошейник раба – тот жег кожу дни и ночи, но калика уже оглядывался от дверей, Томас выскользнул следом, зажмурился от яркого света: в коридоре два светильника. Калика скользил как тень, на ходу швырнул связку ключей под тяжелые ворота – оттуда вытекала широкая струя нечистот. Послышалось испуганное восклицание, зашлепали босые ноги.

– Там пойманные рабы, – объяснил Томас зачем-то. – Ты знал?

– Везде одинаково... Везде одно и то же...

Томас поспевал с трудом, вдруг спохватился:

– Постой, выйти не сумеем! Ночью двор охраняет тролль. Откуда он взялся, не знаю...

– Мог бы предупредить раньше, – буркнул калика. – Уже не охраняет.

Томас крался следом, цепляясь за стену. Загадочный ответ не понял, сил едва хватало, чтобы поспевать, застывшие ноги не хотели повиноваться.

– Лучше сразу к конюшне, – сказал калика. Они остановились. – Там и твой конь.

– Я не могу без чаши! – ответил Томас, пряча глаза.

Калика безучастно пожал плечами:

– Тогда спеш. До восхода солнца рукой подать.

– А ты?

– Я с молитвой пойду дальше. Не мое это дело: сражения, кровь...

Коридор изогнулся, в двух десятках шагов виднелась массивная дверь, позволяющая выйти из замка во двор. Возле двери на опрокинутом бочонке сидел грузный латник, откинувшись на стену. Красноватый свет факела блистал на шлеме, железных пластинах, на плечах и коленях, на широком лезвии топора. Красногубый рот раскрывался, но тут же страж вздрагивал, обводил коридор подозрительным взглядом, дремал снова. Под железными пластинами был толстый кожаный доспех, длинные темные волосы падали на плечи. Топор лежал поперек колен, а щит поблескивал рядом, прислоненный к стене.

Схоронившись в тени, наблюдали. Томас сжал и разжал кулаки:

– Я бы такого увальня... Но пока добегу, заорет, как раненый бык!

Калика с явным неудовольствием на лице вытащил нож, подержал за кончик лезвия, словно проверяя вес, ухватил за рукоять. Томас смотрел непонимающе, а калика качнулся, внезапно коротко и очень быстро взмахнул рукой. В дымном свете вдоль коридора блеснула слабая молния. Погасла. Но латник перестал вздрагивать, голова его опустилась, упираясь подбородком в грудь.

Томас выдернул меч из руки калики, бросился вперед. Над ухом стража торчала рукоять ножа, из-под нее стекали две тонкие темные струйки. Калика на бегу выдернул нож, подхватил топор латника. У самой двери остановился, вытер окровавленное лезвие о клочок материи.

– Выходим?

Томас с трудом оторвал потрясенный взгляд от бледного лица калики:

– Что?.. А?.. Сэр калика, направо должна быть оружейная.

– Был там?

– Нет, но если бы строил замок я...

Дверь в оружейную комнату была всего в десятке шагов, но перед нею были двое латников. Калика, как заметил Томас, в бессилии сжал кулаки, прошептал что-то вроде: нет, не надо больше убийств, все мы путники в ночи, или какую-то подобную глупость.

Один страж подремывал, дергал ногами, сидя на деревянной колоде, другой ходил взад-вперед, зевал, тер кулаками глаза.

Когда напарник захрапел во всю мочь, раскинув ноги поперек коридора, второй страж раздраженно занес ногу для пинка, но спящий выглядел как сытый бык, и он передумал, подошел к зарешеченному окошку к стене напротив. Подпрыгнул, уцепился за прутья обеими руками, подтянул лицо к свежей струе воздуха, проговорил:

– Светает...

Спрыгнул, повернулся, в глазах блеснуло, страшный удар потряс все тело. Олег подхватил падающего, тихонько уложил на пол. Мимо пахнуло ветром, Томас пронесся как конь, послышался глухой удар, словно топором ударили по колоде.

Олег распахнул дверь оружейной, с укоризной оглянулся на Томаса. Глаза рыцаря счастливо блеснули.

– Зачем убил? – сказал Олег печально. – Он не враг.

– А ты? – удивился Томас.

– Только оглушил...

– То-то мозги брызнули по стенам!

Оружейная, большая комната с низкими сводами, была заполнена сундуками, скрынями, саблями, кинжалами и другим оружием, а вдоль стен громоздились кучи щитов, доспехов, булатных пластин, склепанных в гибкие ряды, блеснули, как рыба чешуя, мелкие кольца кольчуг, как опрокинутые горшки, в ряд стояли запыленные шлемы.

Томас жадно бросился в дальний угол, разгреб, разбросал по комнате, прошептал:

– Мои доспехи!

Руки тряслись, в синих глазах выступили слезы. Он торопливо напяливал тяжелое железо, пальцы соскальзывали, он взмолился шепотом:

– Сэр калика, не сочти за дерзость... Застегни пряжки на спине! Беда рыцаря в том, что не всегда сам в состоянии облачиться!

Через минуту полуголый каменотес со злым лицом скрылся внутри сверкающего железа. Доспехи были подогнаны точно, лишь ошейник раба не хотел влезать в рыцарскую скорлупу, Томас вогнал его ударом кулака. Через пару минут на Олега смотрели синие глаза через узкую прорезь, остальное надежно укрыло железо. Томас с легкостью нагнулся – панцирные пластины раздвинулись в нужных местах, – подхватил треугольный щит, другой рукой сорвал со стены двуручный меч с рукоятью крестом:

– Сэр калика, прости, если обидел. Ты, хотя и не благородного звания, но не слуга, я не должен просить застегнуть пряжки, будто простого оруженосца...

– Перестань, – ответил калика, морщась. – Лучше торопись. Слышишь?

Во дворе пронесся шум, гам, истошно залаяли собаки, затем отчаянно завизжало. Зазвенело железо.

– Рабы подобрали ключи, – сказал Олег. – Долго возились... Начнут громить, грабить, взломают винный подвал... Отвлекут охрану.

Из оружейной они заспешили по крутой лестнице наверх. Ступени вывели на открытую площадку, внизу была тьма, разрываемая светом факелов, звоном оружия, криками, но небо уже посветлело, звезды гасли. Подул холодный утренний ветерок.

Башня была слева, дальше переходила в гребень стены. В трех-четыре шагах поднималась другая стена, пониже, отгораживающая угол двора. По этой стене брел, сунув озябшие ладони под мышки, легковооруженный латник. Меч болтался на поясе, с другой стороны висел нож. Он безучастно посматривал вниз, где метались огни факелов и слышались крики.

Томас выругался: стражник в недосыгаемости – на параллельной стене. Тот поднял голову, увидел закованного в доспехи воина и обнаженного до пояса очень худого, но широкого в плечах человека – обоих с мечами. Глаза его полезли на лоб, грудь начала подниматься: набирал воздух для истошного вопля.

Мимо Томаса мелькнуло горячее, в следующий миг рыцарь увидел, как на стража обрушился калика: он прыгнул ногами вперед, и они сомкнулись на шее латника с такой силой, что даже Томас услышал жуткий хруст шейных косточек. Так они и покатались со стены: латник с выпученными глазами и сидящий на плечах полуголый человек. В последний момент калика растопырил пальцы, ухватился за край каменной стены, а из разомкнутых ног выскользнуло обмякшее, уже мертвое тело.

Томас не верил глазам: такого боевого приема еще не видывал. А снизу донесся слабый шлепок, будто на каменные плиты сбросили тюк мокрого белья. Калика подтянулся на руках, взобрался, погрозил Томасу кулаком:

– Чума на твою голову, рыцарь! Я только и делаю, что убиваю!

Томас закричал в тревоге:

– Как ты сюда переберешься?

– Не собираюсь! – прокричал калика рассерженно. – Я пойду в конюшню, к лошадам. А ты, ежели не выдержишь, к барону. Его палаты прямо под тобой!

Он заспешил по стене, направляясь к лесенке, ведущей во двор. Томас опомнился, выбрал самый короткий путь, хотя придется петлять, поворачивать, – удобно для защищающих замок, – помчался по наклонному краю. Снизу, со двора, внезапно заорали громче, радостнее, свет факелов заметался чаще. Там трещали доски, звякало железо.

У богато украшенной двери дремал длинный, как миля, страж. Он вскинул блестящее копье, Томас коротко взмахнул кулаком в железной перчатке, размазал стража по каменной стене. Не останавливаясь, ударил плечом в двери. Затрещало, массивный засов с режущим уши металлическим визгом вылетел из петель, створки разлетелись в стороны.

Томас как лавина ворвался в богато украшенную комнату, спальню. Спальня, зал с низкими крутыми сводами, была освещена огромным горящим камином, в котором можно было жечь деревья. Перед ним сидел сгорбленный старик, подбрасывал толстые поленья. Посреди зала стояла высокая кровать под цветным балдахин, со всех сторон занавешенная шелковыми занавесями.

На бегу через спальню Томас сорвал полог с кровати, лишь затем остановился, развернулся, держа меч и щит готовыми к бою. На двух пышных подушках роскошного ложа покоились две головы: женская, от ее прекрасных золотых волос будто бы осветилась спальня, едва Томас сорвал занавес, а рядом – черная, словно обугленная головешка, и крупная, как котел, – мужская. Барон спал, закинув могучие руки за голову, у него был крохотный лоб, выступающие надбровные дуги, сплюснутый короткий нос с огромными ноздрями и тяжелая, скошенная назад нижняя челюсть. Томас ощутил что-то странное в лице барона, но подумать не успел – барон заворочался во сне, поскреб могучую грудь с черными, как у зверя, волосами. Одежда при этом сдвинулась, рубашка золотоволосой женщины распахнулась. Томас отшатнулся, ослепленный нежнейшей белизной кожи, успел увидеть безукоризненной формы алебастровую грудь, которую венчал ярко-красный бутон розы.

Она проснулась, широко распахнула глаза: синие, невинные, коралловый ротик приоткрылся в великом изумлении. Она удивленно всматривалась в такие же синие глаза, что смотрели на нее через узкую прорезь забрала.

Томас с великим трудом оторвал глаза. Ярость, что бурлила все дни позорнейшего плена, едва не просочилась в какие-то складки и щели души. Он грубо опустил железную перчатку на голое плечо барона, с силой сжал:

– Вставай! В аду заждались.

Глава 4

Барон быстро повернул голову, окинул весь зал одним цепким взглядом. Томас зловеще покачал мечом, бросая багровые блики в глаза барона. За спиной Томаса на стене висел огромный топор с причудливо загнутыми крюками у основания. Старик шевелил поленья в полыхающем камине, трясся, хотя сидел возле пламени, на Томаса внимания не обращал, как и на хозяина.

Томас перехватил взгляд барона, кивнул:

– Возьми!

Барон поднялся во весь рост – массивный, темный, заросший шерстью, как лесной зверь. Опять что-то странное показалось Томасу, сердце сжалось в тревоге: чересчур короткие ноги барона, огромные мускулистые руки, странная голова, вырастающая прямо из покатых плечей...

– И остальное? – проревел барон.

Томас быстро огляделся. Доспехи явно в другой комнате, если послать за ними, то следом ворвется десяток стражей!

– Нет, – бросил он, поднимая меч.

Барон взревел, сделал попытку выскочить через разбитые двери, но Томас успел взмахнуть мечом, едва не располосовав барону бок. Со страшным воем барон резко сорвал со стены топор, круто развернулся к закованному в железо рыцарю.

Топор он держал на уровне колен обеими руками. Глаза впились в неожиданного противника, и вдруг Томас ощутил слабость: глаза барона были без зрачков, даже без радужного пятна, но не белые, как у слепцов, а огненно-красные! Красный свет становился ярче, наливался кровью, словно через череп уже просвечивал адский огонь, из которого вышло это чудище.

– Умр-р-р-решь! – проревел он, жутко двигая челюстью, что тяжелела на глазах, преобразалась, покрывалась костяным панцирем.

– Все умрем, – ответил Томас как можно тверже, ибо голос пытался сорваться на испуганный писк. – Но ты – сейчас.

Он взмахнул мечом, барон вскинул топор, парируя удар топорищем. Лезвие меча ударило... Томас ожидал, что меч перерубит дерево, как пруттик, рассечет зверя до пояса, но меч отбросило, кисти обожгло острой болью. Он услышал хохот, больше похожий на рев, – топорище лишь казалось деревянным, – упал на спину, избегая удара.

Из всех рыцарей войска герцога Готфрида он был единственным, кто мог в полном рыцарском вооружении упасть на спину, перевернуться через голову и тут же вскочить на ноги. Это спасало жизнь, спасло и в этот раз. Страшное лезвие топора рассекло воздух так близко возле лица, что Томас услышал движение воздуха. Барон поспешно шагнул вперед, спеша прикончить лежащего, но он не знал Томаса – иначе мог бы успеть, – и Томас выпрямился, тяжело дыша. Щит остался на полу, Томас, не сводя с барона такого же горящего взгляда, отшвырнул щит ногой, а удлинненную рукоять меча перехватил обеими руками.

Их глаза сомкнулись в жестоком единоборстве: ярко-синие, пылающие жгучим холодом северного льда и красные, нечеловеческие... Тело барона медленно менялось: плечи стали еще шире, мощнее, рот превратился в жуткую пасть, раскрылся, четыре уродливых клыка вылезли наружу. Дышал тяжело, словно это он, а не Томас, бежал в тяжелых доспехах. Доносились яростные крики со двора, звон и лязг железа, ржание коней.

– Умр-р-р-решь... – прохрипел оборотень.

Он пошел на Томаса, топор оказывался то в правой, то в левой руке. На обухе вытягивался острый двойной крюк, а с торца – зазубренное лезвие пики. Ударились грудь в грудь.

Томас содрогнулся: лицо тролля было рядом – заросшее черной шерстью, вывороченные широкие ноздри, багровые глаза под толстым костяным карнизом. Оборотень распахнул клыкастую пасть, Томас отшатнулся, это спасло – огромные зубы лязгнули, едва не зацепив забрало. Томас оттолкнулся рукоятью, ощутил под густой шерстью твердые, как дерево, мышцы.

Троль обрушил топор, целя в блестящий шлем, Томас отбил, но едва не оказался на полу – руки занемели от чудовищного удара. Женщина на ложе приподнялась, глаза распахнулись в немом изумлении. Она переводила взгляд с закованного в железо рыцаря на тролля, словно не зная еще, на кого поставить. Томас отступал, с трудом отражал страшные удары, что едва не вышибали меч из онемевших пальцев. Троль взывал, тяжело дышал, острые концы ушей прыдали, как у зверя.

Огонь в камине вспыхнул ярче; старик шуровал кочергой, едва не падая лицом в пламя. Его трясло, он совал руки то за пазуху, то прямо в огонь. Дряблая шея покрылась гусиной кожей. Он не оглянулся, хотя Томас и троль едва не спотыкались о его согнутую фигуру, оба наносили жуткие звенящие удары, от которых немели руки, прямо над его головой.

Томас стиснул зубы – отступать позорно и опасно, – сделал выпад. Троль от неожиданности отразил удар лишь наполовину, кончик меча достал лицо, рассек от брови скулу и щеку на две половинки. Кровь хлынула густо, троль отшатнулся, явно оглушенный, – меч разрубил толстую кость над бровью. Огромная рука дернулась смахнуть кровь, Томас торопливо ударил дважды. Троль шатался, но держал натиск, перехватив топорище обеими руками. Томас рубил быстро, вкладывая всю силу, не давая опомниться, но троль медленно приходил в себя, огонь в глазах из багрового стал ядовито-желтым.

Огромные клыки тролля блестели, он дышал хрипло, наполняя воздух зловонием, сипло рычал. Внезапно он перехватил топор обеими руками за самый конец длинной рукояти. Острие блеснуло, казалось, через весь зал. Удар был страшен, неотразим. Томас и не думал парировать, в последний момент просто шагнул влево – топор с чмоканьем врубился по самый обух в дубовый пол. Томас с силой ударил, держа меч обеими руками, как копьём. Острие пробило толстую, как двойной кожаный панцирь, кожу, просело на две ладони вглубь.

От жуткого рева задрожал замок, со стены сорвался щит, упали огромные олени рога. Пламя в страхе прижалось к углям, а женщина встала во весь рост. Троль изогнулся от боли, рукоять меча с силой вырвало из рук Томаса.

Томас поспешно отступил, беспомощно огляделся, но ничего похожего на оружие близко не оказалось. Троль не спускал с него глаз, ярость полыхала в его желтых глазах, а меч торчал из бока, будто вбитый в дерево! Троль дернул за рукоять топора, перекосясь – вбил глубоко, дернул изо всех сил. Из-под меча наконец-то хлынула густая, черная кровь, зашипела, пузырясь, прибила густую шерсть, будто поваленный ветром лес. Топор все не поддавался, и троль уперся ногой, страшно взревел, спина пошла чудовищными буграми мышц, лезвие взвизгнуло, высвобождаясь из плотного дерева, и топор оказался у тролля!

Томас пятился, пока спина не уперлась в стену. Его трясло. Ужасный троль грузно шел к нему, поднимая топор для последнего удара. В боку все еще торчал меч, который наклонился к полу, едва не выпадая, кровь хлестала по лезвию через рукоять. За троллем тянулась кровавая дорожка с отпечатками нечеловеческих ступней.

На Томаса взглянули страшные глаза, вспыхнули жутким белым пламенем. Чудовищные руки взметнули тяжелый топор над головой. Томас распластался по стене, не в силах отвести замороженного взора от глаз, что, вспыхнув, вдруг погасли, в черноте быстро исчезала красная искорка. Топор выскользнул из пальцев, ударив плашмя тролля по голове, и с грохотом упал на пол. Троль качнулся вперед – Томас едва успел замороженно сдвинуться, – громадное звериное тело рухнуло на стену, когти впились в камень, процарапали, оставляя глубокие борозды, и троль сполз на пол.

Томас поспешно ухватился за рукоять меча, чувствуя под ладонью липкое, горячее, уперся ногой в грузное тело, дернул. Меч вышел легко, словно его выталкивала хлынувшая упругой струей горячая кровь. Томас кое-как вытер лезвие о мохнатую спину, тролль еще держался, все четыре руки-лапы с жутким звуком скребли пол.

– Никогда бы не поверила! – донеслось до Томаса потрясенное.

Женщина быстро соскочила с ложа, в руках у нее, как испуганная бабочка, трепыхался белый платок с золотой монограммой. Томас стоял как столб, с покрытым кровью мечом. Она же быстро сунула платок в его трясущиеся руки, бросилась на шею – нежнейшая, как дуновение утреннего ветерка, как облачко, прижалась испуганно. И Томас выронил меч, стоял дураком, не решаясь испачкать платок, хотя сунула, чтобы вытер окровавленные пальцы, и остро пожалел, что железный панцирь разделяет их тела.

Она зябко вздрагивала, прижималась к нему с такой силой, что, если бы Томас так не был прижат к стене, наверняка бы повалила. Томас пробормотал смущенно, уже ненавидя свои доспехи:

– Благородная леди, вы свободны!..

– Да-да, благодарю покорно, мой чудесный избавитель!

– Не смотрите на зверя, для вас такое ужасно...

Она обняла его белыми, как сахар, руками за шею, подняла прелестную головку, закрывая ему синие глаза. Прекрасное лицо дышало надеждой, глаза счастливо блестели. Голос прозвучал такой нежный и мелодичный, что у Томаса защемило сердце.

– Ужасно!.. Я не знала, что он смертен. Когда он сразил моего мужа, барона Оцета, и взял его внешность... Ох, чудовище! Проклятое лживое чудовище! Он обманул меня. Меня все обманывали, всегда обманывали! Барон обманывал...

– Чудовище... – пробормотал Томас. Меч опять выпал из руки, мышцы расслабились. Он неловко обнял нежную женщину за плечи, страхась испачкать кровью золотые локоны. – Но теперь оно убито...

– Мой дорогой барон, – прошептала она, ее прекрасные голубые глаза умоляюще заглядывали в прорезь шлема рыцаря. – То есть мой таинственный рыцарь, вы не оставите слабую женщину без защиты?

Томас ответил с рыцарским жаром:

– Честь не позволит! Только скажите – я сделаю все, чтобы вы больше никогда не тревожились!

Она воскликнула с чувством, ее прекрасные руки все так же обнимали его, высокая грудь волновалась, прижимаясь к булатному панцирю Томаса.

– Вы своим благородством... завоевали меня! А вместе со мной – замок, каменоломни, земли, невольников. За спиной барона... прежнего и нынешнего... я была как за каменной стеной, а теперь мне так страшно, так незащищенно!.. Вы должны стать новой каменной стеной, отважный рыцарь, за которой укроется мое слабое испуганное сердце!..

Томас открыл и закрыл рот, кровь громче застучала в висках. В ушах послышался далекий звон. Ее глубокие зрачки расширились, заполняя собой весь мир. Он смутно чувствовал, что ее нежные руки ловко сняли с его головы шлем, она умело расстегивала пряжки, снимала широкие пластины доспехов, извлекая могучего, но оцепеневшего рыцаря, как устрицу из раковины.

Томас пытался стряхнуть страшную усталость, но к слабости от трудной схватки добавилась странная вялость. Мысли путались, видимо, от удара по голове, громадные умоляющие глаза заслонили весь мир. В легких хрипело, он закашлялся, выплюнул сгусток крови. В боку кололо, словно засел наконечник стрелы, – топор тролля, Томас помнил смутно сильный удар, доспехи выдержали, но пару ребер могло сломать, как соломинки...

Где-то слышались голоса, грохот переворачиваемой мебели. Донесся приближающийся топот, затрещала дверь, что висела на одной петле, прогремел зычный негодующий вопль:

– Я думал, погиб!.. А он – срам какой! – похоть свою ненасытную тешит!..

Сквозь туман мелькнуло злое лицо калики. Он был как черная скала, смотрел недоброжелательно, дышал часто. В руках держал, уперев острие в пол, двуручный меч размером с потолочную балку.

Томас шелохнулся, ощутив при сильной слабости непривычную, пугающую легкость. Нога споткнулась о гору железа. Томас с вялым изумлением узнал свои панцирь, поножи, шлем... Оказывается, он сидел на полу, положив голову на колени баронессы, а ее нежные пальцы перебирали ему волосы, гладили по голове. Огонь из камина вырывался в зал, воздух был горячий, сухой, как во время страшного самума – урагана сарацинских пустынь. В окна доносился звон оружия, яростные крики.

Над головой Томаса прозвучал ледяной голос, надменный, исполненный великого презрения:

– Изыди, раб!.. Иначе поднимется мой муж и повелитель, властелин этого замка... Тебя ждет скорая смерть!

Калика растерянно посмотрел на неподвижное тело тролля, что лежало, раскинув все четыре когтистые лапы, в огромной луже крови.

– Мне кажется, он встанет, когда свиньи полетят.

– Это прежний, – холодно сказала баронесса. – А нынешний властелин – здесь! Он страшен и беспощаден...

Калика двинул тяжелыми глыбами плечей, попятился:

– Ну, ежели дело повернулось таким концом...

Томас прохрипел, собрав остаток сил:

– Сэр калика, погоди... Кони...

Калика остановился в проеме, где дверь все еще колыхалась, скрипя, будто водили ножом по сковороде, на одной петле.

– А чо тебе?

– Помоги!.. – простонал Томас.

Калика вернулся, пощупал рыцарю лоб, озабоченно присвистнул. Томас чувствовал сильные пальцы за ушами, на затылке, в переносице кольнуло. Внезапно словно гора свалилась с плеч, а изнутри ушла теплая сырость. Зрение прояснилось, он ясно видел тревогу в глазах калики, плотно сжатые губы.

Баронесса ухватила его за ноги, удерживая. Томас с огромным трудом отвел ее прекрасные белоснежные руки, за одно прикосновение которых рыцари отдавали жизни, поднялся, пошатнулся. Калика с хмурым одобрением смотрел, как рыцарь влезал, словно старая больная черепаха, в помятый панцирь.

– Мой повелитель! – воскликнула юная баронесса, ее прекрасные глаза наполнились слезами. – Ты измучен, ты сразил чудовище...

Томас торопился изо всех сил, сопел, пыхтел. Калика поддержал за плечи, застегнул на спине пряжки, что-то дернул, толкнул, стукнул, и Томас оказался в панцире, чувствуя себя сразу одетым, надежно защищенным, а тяжелые доспехи приятно давили на плечи.

Он с усилием поднял из лужи черной крови свой меч. Рядом с мечом, который держал калика, он выглядел как кинжал.

Калика махнул рукой от окна:

– Придется через задние комнаты!

– Прорвались рабы? – спросил Томас глухо. Он метнул смущенный взгляд на златовласую баронессу: – Мы не можем допустить... Изнасилуют...

– Рабы далеко, стража отступает! Прижали к воротам. Скоро тут появится с дюжину мордovorотов, а я так не люблю, когда люди бьются, как звери!

Он попятился от окна, по его лицу плясали зловещие багровые блики. Во дворе горели постройки, слышались ликующие вопли, предсмертные крики.

Томас повернулся к баронессе:

– Где чаша?

– Какая? – переспросила юная баронесса. Ее красивые брови поднялись высоко-высоко. – Их у меня много, барон привозил отовсюду. И прежний привозил... И тот, что был еще раньше...

Калика повернулся, сердито рявкнул:

– Та чаша пришла сама. Говори быстро, женщина!

Баронесса выпрямилась, с надменным видом вскинула длинные ресницы:

– Разве я уже не под защитой славного рыцаря, победителя чудовища? Рыцаря, хотя он и носит ошейник моего раба?

Томас кашлянул, сказал виновато:

– Сэр калика, ты разговариваешь с дамой благородного происхождения.

Калика сморщился, словно хватил яблочного уксуса:

– Разбирайтесь как знаете. Я коней поставил под стеной у башни. Хочешь выбраться целым – пойдем. Нет – я поеду один.

Томас с несчастным видом поволокся следом. На лестнице поверхом ниже дрались, орали, звенело оружие, видно было мелькающие головы и блестящие полосы железа, колья, топоры. Отчаянно кричали тяжелораненные. Калика почти тащил рыцаря. Внезапно Томас остановился, поднял забрало. Лицо было бледным, глаза блестели как звезды.

– Не ради жизни совершил побег! Ты знаешь.

– Чаша дороже жизни? – бросил калика пораженно.

– Что жизнь? Многое дороже жизни. Честь, верность, благородство. Даже любовь. Беги, сэр калика! Ты потряс меня, я никогда бы не подумал... Я тебе второй раз обязан жизнью. Жалею, что не могу отплатить... Но я останусь, даже пусть гибель...

– Честь, верность – понятно... Но чаша?

– Непростая чаша.

Калика с непонятным выражением смотрел, как рыцарь с обреченным видом пошел обратно в спальню. Блестящая металлическая фигура скрылась в дверном проеме, за ним протянулась цепочка капель крови, что стекали с кончика меча. С лестницы торжествующе донесся могучий нарастающий рев. Вскрикнул жалобно последний из защитников, и невольники, блеста голыми спинами, кинулись по ступенькам вверх. Немногие сверкали мечами, кинжалами, но большинство дико размахивали кирками, ломami, кольями, молотами – даже рукояти были забрызганы кровью.

Калика стиснул зубы, тяжело вздохнул. Ноги словно сами раздвинулись в боевую стойку, он взял меч в обе руки и стал ожидать.

Томас выбежал, прижимая к груди кожаный мешок. В другой руке держал обнаженный меч. Забрало было опущено, Олег не видел лица рыцаря. По железу доспехов стекала кровь. Он перепрыгнул через убитых, споткнулся о раненого, что пытался ползти, сказал тяжело:

– И здесь... С той стороны в зал ворвались невольники. Хотели изнасиловать баронессу.

– И ты конечно же расправил плечи, грудью на защиту?

– Ну... к тому времени я еще не нашел чашу!.. Трoих пришлось...

Калика бросил, морща лицо:

– Не поспешил?

– Третьего рассек, потом увидел ее недовольное лицо, засомневался... Где кони?

– По всему замку резня, грабеж. А в башне забаррикадировались арбалетчики, отстреливаются. Если через двор, то истыкают стрелами так, будто мы родились ежами. Сумеешь спуститься со стены в этом железе?

– Быстрее обезьяны! – заверил Томас.

Он побежал за каликой, тот легко несясь через переходы, поднимался по лестницам, проскакивал залы, словно давно знал замок. Невольники рвали дорогие портьеры, крушили топорами мебель, в одном месте калика пронесся через горящий пол, на миг исчез в дыму, Томас ускорил шаг, боясь потеряться. Когда выбежали на стену, небо уже блестело синевой, одинокое облачко полыхало оранжевым, зато двор был освещен багровым огнем пожара: горела выброшенная мебель, богатая одежда. Страшно кричала челядь – озверевшие от крови невольники резали за то, что прислуга ела сытно, спала у теплых котлов на кухне, не знала страшного труда в каменной яме...

Со стены, укрепленная между зубцами, вниз тянулась веревка. Близ замка стояли привязанные к дереву два рослых коня. К ним уже бежали полуголые люди, привлеченные густым дымом, криками из замка.

Томас выругался, оттолкнул калику и первым начал спуск. Умело обхватив веревку железными перчатками и зацепившись ногами, он быстро соскользнул, замедлив движение лишь перед самой землей. Когда Олег спустился – не так быстро, чтобы не сорвать кожу с ладоней, – Томас уже спешил к коням, крича и размахивая мечом.

Поселяне остановились, посоветовались и, обогнув опасного рыцаря, бросились к воротам замка. Томас обернулся к калике, указал на веревку:

– Надо бы захватить... В дороге и веревочка пригодится!

– Хозяйственный! – удивился Олег. – Поехали, я две взял. Захочешь удавиться – только свистни.

Томас отвязал повод, жеребец обнюхал его, радостно фыркнул. Томасу показалось, что глаза жеребца блеснули гордостью, когда унюхал кровь на доспехах хозяина, – всем лютям боевой конь предпочитал рев боевой трубы, зовущей в атаку, когда тяжелой массой стремя в стремя несется стальная конница, сокрушая все на пути!

Олег легко вскочил на коня, и Томас сделал зарубку в памяти: узнать, где это калика научился так вспрыгивать в седло, не касаясь ни стремени, ни повода. И где вообще, в какой пещере или пустыне, какие святые духи научили так метать нож, владеть огромным двуручным мечом? Именно владеть, а не просто размахивать, как разъяренная кухарка скалкой, – Томасу достаточно беглого взгляда профессионального воина, чтобы отличить бойца от... остальных.

Рыцарь несясь тяжелый, неподвижный, копьё привычно держал в правой руке, забрало поднял. Он косился на калику – тот не касался поводьев, управлял конем, как дикий скиф, ногами. Лицо неподвижно, от ветра не пригибается, а глаза отсутствующие – по-прежнему ищет Истину? Думает о высоком? Но не забыл ни копьё захватить для рыцаря, ни великолепный пластинчатый лук для себя. Впрочем, английский лук йомена не хуже, но тот в человеческий рост, а то и выше, а из этого можно стрелять с коня, если сумеешь натянуть тетиву. Чтобы пользоваться пластинчатым луком, надо иметь богатырскую силу...

Слева у седла калики блестел на солнце шелковыми шнурами широкий колчан, туго набитый длинными стрелами с белым оперением. Там же висел в чехле топор. Сапоги калики держались в широких стремях как влитые.

– Сэр калика, – не выдержал Томас, он придержал коня, давая перейти на шаг, – а что ты умеешь еще?

Калика смотрел непонимающе.

Томас поспешно поправился:

– В воинском деле, конечно. Ты мыслишь о высоком, вижу, но и благородное искусство войны в нашем мире стоит не на последнем месте!

– Увы, мир глуп и жесток. Все еще.

Томас воскликнул удивленно:

– О чем поют менестрели, как не о воинских подвигах?! Не о боях, сражениях? Для чего еще рождаются герои, как не для битв и славной гибели?

Калика покачал головой, не ответил. Под ним был такой же огромный жеребец, как и у Томаса, но Томас помнил, какого труда стоило обломать своего зверя, а под каликой конь как шелковый, лишь пугливо косится. Неужели верны слухи о том, что скифы способны сдавить коленями так, что ребра трещат, а конь падает замертво?

– Эллины, – заговорил Томас, пытаясь вызвать калику на разговор, – знавшие езду только на колесницах, когда впервые увидели конных таврославян, сочли их сказочными зверями – полулюдьми-полуконями. Так и назвали: конные тавры, кентавры! Они, говорят, на полном скаку метко стреляли из луков!

Калика покосился на рыцаря, спросил коротко:

– В твоём мешке еда есть?

– Нет, только чаша, – ответил Томас огорченно. – А что?

Калика мгновенно сорвал с плеча лук, мелькнуло белое оперение, сразу же Томас услышал звонкий щелчок. Калика с безучастным лицом повесил лук за спину. Лишь тогда остолбевший Томас посмотрел вперед на дорогу, куда унеслась стрела.

В сорока шагах на обочине бился пронзенный насквозь крупный заяц. Томас, все еще не веря глазам, пустил коня впереди калики, концом копыта подхватил добычу. Калика все с тем же непроницаемым лицом протянул руку. Томас поспешно выдернул стрелу, вытер кровь и почтительно подал калике:

– На привале сам освежую, святой отец!.. Э-э... сэр калика. Конечно, вера Христова самая правильная, но в язычестве тоже что-то, оказывается, есть...

Калика усмехнулся краешком рта, смолчал.

Глава 5

Ближе к полудню въехали в крохотную деревушку. Калика направил коня к самому крайнему домику, от которого несло копотью, горелым железом, ржавчиной. Навстречу вышел широкий могучий мужик в пропаленном кожаном переднике, Олег сказал, не слезая с седла:

– Сможешь подковать коня и расклепать два железных кольца?

Мужик смотрел исподлобья:

– Это ж надо огонь разводить...

– Жаль, – сказал Олег сожалеюще. – Я думал, тебе два золотых пригодились бы в хозяйстве...

Мужик поспешно обернулся к дому, взревел так зычно, что кони испуганно прижали уши:

– Варнак, Болдырь!.. Живо разогреть горн!.. Наострить новых гвоздей!

Олег спрыгнул с коня, Томас понимающе ухмыльнулся, слез, отдал поводья набежавшим детям. У деревенского кузнеца их оказалась целая куча: одни разожгли огонь, другие расседлали коней и напоили, а хозяйка спешно принялась ощипывать гуся.

Глаза кузнеца расширились, когда увидел ошейник на шее благородного рыцаря, но смолчал. Быстро и умело, орудуя зубилом и клещами, расклепал подлые обручи, тут же швырнул на горящие угли, спеша переплавить, чтобы и следа не осталось, буде начнут спрашивать надсмотрщики барона. Олег бросил ему в ладонь два золотых. Кузнец поблагодарил, тут же словно невзначай уронил на закопченную наковальню, лишь затем заулыбался и бережно убрал в кошель.

Олег усмехнулся:

– Стучатся разные?

Кузнец сокрушенно покачал головой:

– И не поверишь, благородный человек! Раньше за лето два-три раза всучивали золотые или серебряные монеты, которые на другой день оказывались сухими листьями! Но когда я узнал, что против железа чары бессильны, то стал высыпать монеты на эту наковальню... Уже поймал одного. Правда, дурень клялся, что его самого надули. Может быть, не лгал. Если взаправду маг, то чего терпел, когда малость... гм... поучил...

Когда он укрепил ослабевшую подкову, Олег дал еще золотой, взял гуся в мешок, немедленно выехали, спеша уйти от замка как можно дальше.

Знойное солнце стояло в зените. Дорога петляла, проторенная, вбитая в плотную, сухую землю столетия назад. Когда-то ей приходилось обходить холмы, сворачивать к городам, рощам, но пролетели века, города разрушились, рощи вырубili, лишь холмы остались, только осели, постарев. Дорога часто пробиралась между древних развалин, откатившихся к обочине выбеленных ветром и зноем глыб.

Томас спросил с любопытством:

– Что у тебя за деревянные бусы на шее? Все щупаешь, щупаешь. Боишься, что сопрут?

– Обереги – не бусы, – ответил калика, не поворачивая головы.

– Обереги? От чего оберегают?

– От многого. Через них боги дают советы.

Томас засмеялся:

– Что-то не слышу голосов!

– Да? А вот я слышу, что во-о-он в той роще, к которой едем, шайка разбойников делит добычу. А еще дальше за лесом – село, где найдем приют, отдых, ночлег.

Томас смотрел недоверчиво:

– Ну, насчет села... ты мог уже бывать там. А насчет разбойников... Хорошо, изрубим в капусту!

Калика поморщился, сказал с отвращением:

– Не можешь без драки? Лучше пообедем.

Он свернул на боковую тропинку, уводящую от рощи. Томас нехотя пустил коня следом. Его жеребец вскидывал голову, возбужденно пофыркивал. Томас понял радость коня, когда вломились в густой кустарник, а впереди зажурчал крохотный ручеек. Трава вокруг ключа поднималась свежая, сочная, зеленая, налитая соком. В крохотном озерке, не больше рыцарского щита, с песчаного дна поднимался бурунчик воды. Песчинки взвихривались, кружились, оседали, образуя ровный кольцевой вал, словно вокруг крохотного замка.

Калика расседлал коней, начал собирать хворост, а Томас, считая разделку заячьей тушки более благородным делом, умело снял шкуру, выпотрошил, вычистил:

– Стрела пробила сердце!.. Сэр калика, я восхищен! С сорока шагов на полном скаку... а заяц неся через дорогу в другую сторону!

– Мы ехали шагом, – напомнил Олег хмуро.

Он выкрасал огонь, раздул искорку среди сухого мха. Красноватые язычки начали робко лизать желтые, как мед, сучки. Осмелели, вгрызлись, сучки затрещали, как сахарные косточки на крепких зубах пса, взвились искорки. Томас суетился вокруг костра, пытаясь пристроить напластанные ломти мяса, а Олег молча вытащил из тюка небольшой походный котел, осторожно набрал воды.

Томас вскрикнул пораженно:

– Святой отец! Ты обо всем подумал.

Печенку Томас нарезал ломтиками, насадил на тонкие прутики, очищенные от коры, старательно жарил, держа над углями, пока в котле варилось мясо, а ароматный запах – калика набросал пахучих трав – потек по их крохотной полянке.

Пообедав, они лежали в неглубокой тени, глядя сквозь редкие ветки на знойное небо, накаленное, без единого облачка.

Кони поблизости звучно жевали траву, объедали молодые побеги кустарника. Томас закинул руки за голову, часть доспехов снял, но меч и щит положил рядом.

– Какой дивный мир создал Господь, – сказал он с тихим удивлением. – Как-то сказал сарацинам, что у нас зимой вода становится твердой как камень, на смех подняли! А скажи им, что у нас неделями идут дожди, что мы проклинаем дожди и ливни, – не поверят опять же. У них капля воды на вес золота, а мы не знаем, как от нее избавиться. Вся моя Британия – дремучий болотистый лес.

– И Русь, – согласился Олег.

– Тоже в Европе? Здешние леса – жалкий кустарник рядом с нашими. У нас жизнь проживешь, неба не увидишь! А здесь все насквозь, уединиться негде. У нас добраться из одного городка в другой, соседний, – это опасное путешествие через болота, чащу, завалы, буреломы, опять же болота, болотца, болотища!

Олег невесело бросил:

– У нас, когда какой князь вздумает идти на другого, сперва высылают отряды лазутчиков вызнавать пути: после зимы везде новые озера, болота, разливы. Потом посылает половину войска, чтобы мостили дороги, расчищали путь. Понятно, если такой князек откажется платить налоги – как принудишь? Себе дороже. Проще совершить поход на Царьград, чем на окопавшегося среди болот сидня!

Томас спросил с сомнением:

– Вся Русь такая?... А как же кентавры?

– То Южная Русь. Иной раз по старинке зовут Скифией. Там все на конях. Там простор, там не оком, не виднокрай, а видноколо, виднокруг. Даже деревья – редкость, зато трава до

пояса. Народ один, но одевается иначе, охотится иначе, другим богам молится, ибо в Лесу боги одни, в Степи – другие.

– Господь изрек: нет ни эллина, ни иудея! Если помыслить, то все мы единый народ, хоть и говорим на разных языках. И Божье повеление в том, чтобы снова стать одним народом!

Олег покосился с удивлением. В негромком голосе таилась насмешка.

– Но кланялись именно твоему богу? А если кто не захочет?

Томас стукнул огромным кулаком по горячей земле:

– Принудим. Для того Господь и вдохновил великий крестовый поход – заставить язычников принять истинную веру!

Олег подвигался, словно лежал на острых камнях, сказал вполголоса:

– Мир меняется, ничего не скажешь... Раньше просто грабили. Так и объявляли: идем грабить Царьград. Идем на Персию за зипунами. Идем на соседа, дабы увести рабов, нагрести добычи, а что не унесем – сжечь... Теперь походы затеваем, чтобы нести в дальние страны цивилизацию. Конечно, грабим по-прежнему, но об этом помалкиваем, научились стыдиться... Медленно мелют жернова культуры, но верно.

Томас сел, чувствуя, что его убеждениям нанесено оскорбление. Спросил с достоинством:

– Ты о чем, сэр калика?

Олег тоже сел, посмотрел на солнце:

– Надо ехать. К вечеру прибудем в село, о котором говорил. А там расстанемся. Тебе в Британию, мне – на Русь. Впрочем, можешь отдохнуть еще, а я поеду.

Он поднялся, отряхнулся, оглушительно свистнул. Конь вскинул голову, нерешительно проломился к нему через кусты. Олег прыгнул в седло, опять же не касаясь стремян. Конь даже присел под тяжелым телом.

Томас вскрикнул:

– А котел?

Олег помахал рукой:

– Возьми, тебе сгодится в пути.

– А тебе?

– Я привык довольствоваться малым.

Он начал поворачивать коня.

Томас закричал:

– погоди, сэр калика! Я принимаю твое любезное предложение доехать до села вместе. Любая дорога короче, если есть спутник.

Лицо калики не выразило радости. Похоже, предпочел бы остаться наедине с мыслями о высоком, но Томас поспешно вылил остатки похлебки на горячие угли, сунул котел в мешок, торопливо напялил доспехи, даже не застегнув на спине пару важных пряжек.

В седло он влез с натугой, сам не пушинка – сто девяносто фунтов, не считая доспехов, но конь под ним пошел привычно, тяжело бухая в землю огромными стальными подковами.

Обогнали телеги, нагруженные бедным домашним скарбом. Под навесом сидели женщины, дети, а мужчины управляли лошадьми – сухими, тонконогими, словно неистовый зной вытопил из них не только жир, но и мясо. Огромных франков провожали неприязненными взглядами, но когда Томас грозно зыркал на них через прорезь шлема, поспешно опускали глаза.

– Сэр калика, – внезапно сказал Томас. – Мы оба из Иерусалима едем на север... Могли бы еще не одни сутки вот так вместе!

Калика покачал головой:

– Я не жалую боевые забавы.

– По крайней мере, могли бы ехать вместе еще долго! А если придется браться за меч, то справлюсь один.

Он прикусил язык, вспомнив, что калика был свидетелем того, как он «справился»: сам выхаживал, отпаивал травами, перевязывал раны.

– Нет, – ответил калика твердо, и Томас понял, что ничто не сдвинет калику с его решения. – Я другой. У тебя совсем иная дорога, как и в жизни. К тому же ты что-то скрываешь... Я чую странность. Большую странность. И непонятную опасность, что связана с тобой.

– Опасность?.. – повторил Томас с недоумением. – Какая опасность? Впрочем, разве жить вообще не опасно? Тем более рыцарем?

Калика помолчал, затем, видя, что рыцарь в нетерпении ерзает, ждет ответа, сказал нехотя:

– Другая опасность... Что-то связанное с чашей. Хотя почему? Не пойму.

Томас прошептал в суеверном ужасе:

– Береги сказали?

– Они.

Томас перекрестился, поплевал через левое плечо, с опаской осмотрелся – они двигались через пустое пространство.

– Пресвятая Дева, сохрани и защити!.. Сэр калика, если ты мог подумать обо мне плохо, то я сам виноват. Дважды спасал, а я не доверю такую малость?.. Сэр калика, я в самом деле везу не простую чашу!

Он замолчал, но калика ехал неподвижный, рослый, нахмуренный, смотрел на дорогу перед собой.

– Сэр калика, ты слышал что-либо о... Святом Граале?

Томас задержал дыхание, последние слова почти прошептал, но ему показалось, что прогремели, как раскаты грома. Калика метнул острый как нож взгляд, спросил отрывисто:

– Она самая?

– Она, – ответил Томас удивленно. – Ты... слышал? Язычник?

– Когда ваш бог Христос был распят, – сказал калика, – один из учеников тайком подставил чашу, собрал драгоценную кровь... Она? С той поры чаша считается у вас священной – Святой Грааль.

Томас прошептал, опасливо оглянувшись по сторонам:

– Видишь, даже до язычников докатилась слава Святого Грааля. Многие рыцари отправлялись на поиски: сэр Галахад, сэр Ланселот, сэр Говен, сэр Парцифаль... Но пришлось совершить крестовый поход, чтобы освободить от неверных сарацин святой город Иерусалим, Гроб Господень, священные места, где хаживал наш Господь...

– А как чаша попала к тебе? – прервал калика.

– Был страшный бой, сэр калика. Не скажу, что она сама кинулась в мои руки.

– Но есть предание, – бросил калика жестко, его глаза впились в Томаса, – что чашу может брать лишь чистый душой! А все другие, мол, заболевают, гибнут в страшных муках...

Томас опустил глаза. На щеках выступил яркий румянец, растекся по всему лицу, охватил шею. Даже уши запылали так, что от них можно было бы зажигать факелы.

– Сэр калика... Возможно, я погибну в страшных муках, но довезу чашу в благословенную Британию! Пусть благодать падет на головы племени англов, народа, который чтит Христа... и за который я готов отдать жизнь!

Кони шли рядом, ноги в стремях касались, а люди в поле провожали всадников встревоженными взглядами. Оба огромные на пустынной дороге, где ни деревца, ни куста, кони под ними франкские – огромные, тяжелые, с толстыми ногами, а стальные подковы с хрустом крушат твердь земли. Доспехи массивного рыцаря блестят, в лучах заходящего солнца словно залиты густой кровью, а всадник рядом вовсе сгусток ночи – в черном плаще, с надвинутым

на лоб капюшоном, мрачный, неподвижный, полы плаща развеваются, как крылья черного ворона.

Солнце опустилось за край. Из воздуха очень медленно начал уходить зной. Кони приободрились, чуя отдых. Чистое синее небо незаметно темнело, превращалось в грозное лиловое, а бледный серп луны налился зловещим светом, заменил живое оранжевое солнце солнцем вампиров, мертвецов и утопленников.

Томас с удовольствием вдыхал свежий, охлажденный воздух. Фиолетовое небо почернело, звезды нависли прямо над головой – огромные, яркие, не звезды – а целые звездные рои, которых не увидишь в северном небе.

– Уже скоро, – сообщил Олег. – Вон там темнеет кучка деревьев... Это сад, за ним будет домик. Не видишь?.. Я тоже пока не вижу.

– Откуда знаешь тогда? – удивился Томас.

– Знаю, – ответил калика равнодушно. – Ты же знаешь, в каком месте построить замок? Даже знаешь, где расположена оружейная, сторожевая... А я знаю, где посадить сад, срубить дом.

Луна заливала мир бледным нездоровым светом, лишь под деревьями оставалось угольно-темно. Кони ступали по утоптанной дороге, но стука копыт почти не слышали сами всадники. Где-то за деревьями кричали непривычно жесткими, металлическими голосами лягушки, Томас даже усомнился. Что делают лягушки в пустыне? Олег молча указал на деревья, металлические трели доносились с веток.

Крышу небольшого домика заметили издали. Вокруг поднимались кудрявые деревья, ухоженные, теснились к дому. Луна освещала только плоскую глиняную крышу, внизу все тонуло в темноте. Томас и Олег услышали громкие мужские голоса, пьяные вопли. Донесся громкий настойчивый стук в дверь.

Придержав коней, пустили медленным шагом. Деревья скрывали, позволили приблизиться на расстояние броска дротика, но дальше перед домиком широкая лужайка, залитая лунным светом. Несколько пестро одетых мужчин хохотали перед крыльцом, передавали по кругу плетеную корзинку, там торчало узкое горло кувшина. Один дубасил в дверь кулаком, орал:

– Открой дверь!.. Открой дверь, дура!.. Выломаем!

Изнутри донесся слабый женский голосок, испуганный, почти плачущий:

– Что вам нужно?.. Уходите!

Мужчина прохрипел:

– Ты узнаешь, что нам нужно!.. Открывай!

– У меня нож, я буду защищаться!

Томас часто задыхался, в слабом лунном свете лицо страшно перекосилось, потемнело. Олег сочувствующе хмыкнул, взор был задумчивым. Рыцарь дрожал от ярости, глаза выпучились, губы побелели, затряслись. Он схватил шлем, поспешно нахлобучил. Забрало звякнуло, укрыв нижнюю часть лица.

Человек перед дверью захохотал. Друзья заорали что-то веселое, один вбежал на крыльцо, крикнул с пьяной удалью:

– Ты не сможешь зарезать нас всех!.. А вот насытить... ха-ха!.. сможешь, если расстараться!

Первый крикнул гулким голосом:

– Я привел настоящих мужчин, чтобы ты не скучала!.. Открывай, дурочка!

Из дома донесся плач. Томас крикнул сдавленным от душившейся ярости голосом:

– Она не сможет, но мы – сможем!

Смех оборвался, в полной тишине мужчины повернулись к деревьям. Их руки опустились на кинжалы, мечи, топоры. Кони Олега и Томаса стояли неподвижно, так же застыли и разбойники. Похоже, до сего дня они были хозяевами ночи, никто не смел бросать им вызов.

– Эй, – крикнул один с крыльца, – кто бы ты ни был! Стой, где стоишь, останешься цел. Еще лучше – убирайся к черту! Иначе твои кости псы растащат по всем оврагам.

Томас жутко расхохотался, так мог бы расхохотаться могучий лев, чьи когти уже распластали шакала.

– Мои кости?.. Ваши кости – солома для моего меча!

Двое разбойников наконец сдвинулись, начали потихоньку продвигаться к темным деревьям. Олег спешно натянул тетиву, выхватил из колчана стрелу.

Разбойники были совсем близко к деревьям, уже начали различать смутные очертания всадников, когда Олег быстро наложил стрелу, щелкнула тетива, мгновенно выхватил кончиками пальцев другую стрелу, наложил, натянул и отпустил тетиву, снова выдернул стрелу... Колчан находился над плечом, калика одним движением доставал стрелу, накладывал на лук и стрелял. Его движения были настолько молниеносными, что Томас не успел послать коня в тяжелый галоп, как несколько стрел просвистели мимо, догоняя друг друга. От дома донесся яростный вопль.

Томас заорал, вынесся из тени, выставив копье и пригнувшись к шее коня. Те двое, что подходили к деревьям, стояли как замороженные, выставив перед собой кинжалы. Томас с хрустом всадил в переднего копье, пронзил насквозь, как древесный лист, другого стоптал конем. Перед домом стоял жуткий крик, люди разбежались, падали. В призрачном лунном свете блистали серебристые перья – в груди, спинах, шеях. Разбойники были полуголые, и стрелы вонзались в их тела.

Копье Томаса осталось позади, он выдернул меч, ударил наискось третьего, замахнулся на следующего – у того в груди словно расцвел белый цветок на деревянном стебле: разбойник упал на колени, изо рта хлынула кровь. Томас заорал, погрозил Олегу мечом. Трое уцелевших удирали по широкой дороге, впереди них, как ночные птицы, неслись угольно-черные тени, и Томас с ревом пустил коня вдогонку.

Олег медленно выехал из тени. Стрела лежала на тетиве, он вслушивался и всматривался, но в ночи слышались лишь стоны и хрипы умирающих. Вскоре послышался конский топот, усилился до грохота, и на лужайку во всем великолепии ворвался огромный грозный рыцарь. В его руке наотлет тускло блестел огромный меч, крупные капли срывались на землю, он весь словно вышел из бойни, даже конь был забрызган кровью.

– Всех положил? – гаркнул он люто. – Не мог стрелять помедленнее?

– Нас в детстве учили держать в воздухе семь стрел...

– Мы не на твоей языческой Руси!.. Здесь, в христианском мире, вовсе стрелять не умеют.

Он придержал коня, сделал круг по лужайке. Раненые со стонами пытались уползти, за ними тянулись темные дорожки крови, и разбойники быстро затихали, застывали, вцепившись в землю.

Дверь осторожно отворилась. В щели показалось бледное женское лицо, тонкая рука. Убедившись, что разбойников на крыльце нет, женщина бесшумно вышла – маленькая, тонкая в талии, с большими испуганными глазами.

Томас помахал ей металлической рукой, в которой был зажат темный от крови меч, спохватился, поспешно вытер мокрое лезвие и вложил в ножны. Олег снял тетиву, убрал лук в налуч. Женщина быстро сбежала с крыльца, каблучки простучали, как коготки белки, наклонилась над одним разбойником, перевернула его на спину.

Томас тронул поводья, огромный жеребец, как гора мрака, подвинулся к женщине. Земля под его копытами глухо подрагивала. Женщина испуганно вздернула голову, на ее бледном лице глаза расширились, она сказала торопливо:

– Благородный рыцарь, благодарю за вмешательство...

– Мой долг, – ответил Томас галантно.

– А теперь... помогите затащить этого человека в дом.

– Зачем? – удивился Томас.

– Положить в постель, перевязать рану!

Томас звучно хлопнул железной ладонью по седлу:

– Женщина! Зверь, которого жалеешь, хотел над тобой потешиться! А потом бы зарезал.

Пусть лучше будет мертвым, на мертвецов не сержусь. Я христианин.

Она возразила горячо:

– Тогда надо было убить сразу! Сейчас драка кончилась, время зализывать раны. Я не дам умереть человеку у своего порога, даже если он не человек, а злобный волк!

Олег слез с коня, буркнул:

– Открой дверь. Я помогу.

Он схватил раненого за ворот и за пояс, а женщина побежала на крыльцо. Томас слез с коня, настроение сразу испортилось. Дура, ничего не понимает. Так красиво началось: крик о помощи, короткая схватка, спасение, – а дальше уже по-глупому. Провинция! С калики тем более не спросишь – в пещерах сидел, язычник неученый, правильного обхождения не видел.

Пока укладывали раненого, перевязывали, а женщина – ее звали Чачар – грела воду, Томас осмотрел убитых и раненых. Убитых пятеро, двое тяжело ранены, но оба без сознания, еле дышат. Томас порадовался, что милосердная женщина не заметила этого. Торопливо вытащил мизерикордию – граненый узкий кинжал с длинным клинком, которым добивали рыцарей через прорезь забрала. Проткнул обоим глотки.

Пятеро из мертвых были убиты стрелами: в голову, в горло, двое в сердце, даже у пораженного в спину стрела достала сердце. Один был проткнут копьем, как жук булавкой, а стоптанного конем унесли в дом. Еще троих он догнал и зарубил. Так что тоже отправил в ад пятерых, как и калика.

Немного повеселев, он привязал коней и принялся выдергивать стрелы, снова поразился той мощи, с которой калика их всаживал. Стрелы порой пронизывали насквозь, и он снова вывозился в крови, как мясник на бойне, пока высвободил все пять. Страшное оружие – лук, не зря святая церковь противится, а механические луки – арбалеты – вовсе запретила, поставила вне закона. Из лука даже трус может убить героя. Вообще доблесть переведется, если будут гибнуть герои, а трусы отсиживаться в засаде. Лишь та битва честна, когда грудь в грудь, глаза в глаза!

Он тщательно вытер стрелы, помылся в бочке с водой возле крыльца и пошел в дом.

Глава 6

В домике маленькой женщины было чисто, опрятно. В большой печи горел огонь, аппетитно булькало в горшках. Чачар уже ставила на стол большие миски, ее щеки покраснелись, глаза влажно блестели. Молодая, налитая соком, глаза радостно вытаращены, а спелая грудь вот-вот выпрыгнет из глубокого выреза. Да и само платье настолько легкое – юг, жара! – что не скрывало греховную, по христианской вере, плоть, а маняще вырисовывало.

Олег, язычник, с удовольствием посматривал на молодую женщину, а Томас начал чувствовать неудобство, дважды поперхнулся крохотными кусочками мяса, а Чачар все подкладывала ему, поливала соусами, сыпала травку, специи, красный и черный перец, все заглядывала в глаза, подавалась всем телом, только что не скулила и не махала хвостиком. Полные, как спелые вишни, губы приоткрылись, показывая жемчужные зубки – острые, как у ребенка, всем существом ловила каждое желание мужественного рыцаря.

Олег ел неторопливо, к разговору не прислушивался. Перед мысленным взором восстанавливал всю схватку, одобрил хмуро. Жажда убивать не ощущал, воинского восторга не было, лишь досада и глухая печаль. Значит, лук и стрелы могут остаться, с пути не сойдут, поиски Истины не заслонят.

В доме было две комнаты, во второй лежал раненый. Стонать боялся: услышат – прибьют. Чачар отнесла ему еду, вернулась встревоженная.

– У него жар... Что делать?

Томас раздраженно отмахнулся, но Олег ответил первым, опережая рыцаря:

– Я пойду спать в ту комнату. Заодно прослежу.

Он поднялся, Чачар торопливо сказала:

– Может быть, посидите за столом? Мужчины любят сидеть пировать! У меня в подвале сохранилась пара кувшинов старого вина.

– У нас был очень тяжелый день, – ответил Олег. Он повернулся на пороге, кивнул на Томаса. – Впрочем, сэр рыцарь знает немало занимательных историй. Он освобождал Святую землю, брал приступом Иерусалим...

И закрыл за собой дверь, повалился на ложе из грубо сколоченных досок. Раненый затаил дыхание в другом углу. Олег закинул руки за голову, провалился в глубокий сон.

Но он успел потрогать обереги, потому сны были тревожные, кровавые.

Рано утром он проснулся от веселых голосов за окном. Томас, обнаженный до пояса, умывался возле бочки с водой, а смеющаяся Чачар сливала ему на руки, норовила плеснуть на белую, как у женщины, спину, но в рельефных мышцах, где под лопаткой темнели два сизых шрама. Все же рыцарь трусливо взвизгивал, отпрыгивал: ледяная вода из подземного ключа.

Олег отошел от окна на цыпочках. Доспехи рыцаря громоздились на широкой лавке – вымытые, блестящие, начищенные явно не рукой Томаса. Огромный меч висел на стене, зацепленный на двух железных крючках. Перчатки рыцаря, покрытые стальными пластинами, – на подоконнике, рядом – цветы. А только вчера вечером женщине грозила жуткая участь, а рыцаря сутки назад распинали, жгли железом, пытали... Великие силы жизни боги вложили в человека! Видать, трудную судьбу уготовили.

Хлопнула дверь, Томас вошел улыбающийся, взъерошенный.

Крупные капли воды блестели на его белой коже, не тронутой южным солнцем. Темное лицо выглядело словно украденное от другого тела – полоска загара резко обрывалась на горле.

– Как спалось, сэр калика?

– Спасибо, хорошо, – ответил Олег. Он внимательно смотрел на рыцаря. – У тебя круги под глазами. Впрочем, ты можешь остаться, отдохнешь.

– А ты?

– Поеду после завтрака, – ответил Олег лаконично.

Томас смотрел смущенно, торопливо оделся, бесцельно прошелся взад-вперед по комнате.

– Сэр калика... Мы оба едем на север. Может быть, доедем вместе хотя бы до Константинополя? Тебе его не миновать, как и мне. Все дороги из Азии ведут через этот второй Рим – лишь там смыкаются Европа и Азия!

– Зачем это тебе?

– Сэр калика, буду откровенен. Дело в этой женщине.

Олег пристально посматривал на молодого рыцаря.

– Что ты хочешь с нею делать? Продать? Мы отогнали насильников, но не можем остаться, сторожить ее невинность.

Томас сказал несчастным голосом:

– Она... вверила себя нам. Ее муж или покровитель – я не разобрался, а допытываться не стал, – убит неделю назад. Коней увели, она застряла в этом доме. Умоляет увезти из этого страшного места.

Олег подошел к окну, посмотрел вверх двора и Чачар на зеленую долину, оливковую рощу, кудрявый кустарник, синее безжалостное небо без намека на дождь, пожал плечами:

– Меня не умоляла.

Томас выглядел несчастным, он и был несчастным.

– Сэр калика... мне достает хлопот с чашей. Может быть, ты?

Олег принес из второй комнаты колчан, быстро проверил стрелы, забросил за спину. Томас с отчаянием на лице смотрел, как этот странный паломник очень профессионально поправил перевязь, вытащил из-под лавки двуручный меч.

– Ты как хошь, – ответил Олег, – а мне не до женщин.

– Она не женщина! Жертва. А мы просто обязаны помочь. Разве твои боги не велят помогать слабым?

Олег бросил острый взгляд на рыцаря:

– Но ведь у язычников все плохо?

– Не настолько же!

– Сэр Томас, я ищу спасения для всех людей на свете.

– И даешь погибать им по отдельности?

Олег помолчал, спросил отрывисто:

– Что хочет твоя женщина?

– Моя?.. Сэр калика!

– Ладно, не твоя, но она думает иначе. Чего ждет от тебя?

– Просит довезти до любого большого города.

Олег подумал, нехотя двинул тяжелыми, как валуны, плечами.

– Два дня пути... Завтра к вечеру будем там. Потерплю. Потом отдам тебе коня – с твоим железом нужен заводной. Запасной то есть.

– А ты?

– По старинке, пешком.

Томас не понял, как можно идти пешком, когда есть на чем ехать, но смолчал, не желая сердить соратника.

После обильного завтрака – Чачар вывалила на стол все, что было в запасах, – Олег пошел к лошадям. От мародеров осталось шесть лошадок, трех оседлал в запасные, самую красивую подготовил для Чачар, женщины благородного происхождения – так очень хотелось считать Томасу.

Когда Томас облачился в доспехи – с помощью Чачар, надо думать, – и, тяжело ступая, вышел на крыльцо, трое оседланных коней нетерпеливо перебирали ногами под окном. Еще

трое были под мешками, узлами, выюками. Калика обыскивал убитых, собирал монеты, кольца, выворачивал карманы. На запасных коней привязал захваченные дротики, кривые арабские мечи, по бурдюку с водой.

- Сэр калика, – сказал Томас удивленно, – разве идти через пустыню?
- Если напрямик, то там нет колодцев. Пришлось бы давать крюк с гаком...
- С гаком? Крюк?
- Это по-русски. Со своей водой сократим дорогу.

На лице Томаса проступило колебание, словно он еще не решил: хорошо ли сократить дорогу. Кто сокращает, тот дома не ночует, а кто ездит по прямой – вовсе попадает к черту в лапы. Он повернул голову, позвал Чачар. Из дома донесся звонкий голосок, слышался звон посуды. Томас виновато улыбнулся, исчез.

Чачар вышла одетая по-мужски, в дорожном плаще. Она задержалась на крыльце, внимательно глядя на калику, словно впервые увидела. Остановился и Томас, не сводя глаз с сотоварища по каменоломне.

Калика оставил плащ в доме, вышел в короткой душегрейке из волчьей шкуры мехом наружу. Звериная шкура запахнулась, открывая широкую, как гранитная плита, грудь. Голые плечи были массивные, как валуны, блестящие, а длинные руки словно кто вырезал из темного дуба – толстые, рельефные, с выпирающими мышцами и сухожилиями. В нем чувствовалась мощь, но лицо калики оставалось неподвижным, смиренным. Красные, как огонь, волосы он перевязал шелковым шнурком, пропустив чуть выше бровей, и Томас нашел это странно привлекательным.

Штаны калики были из выделанной кожи, сам калика опоясался толстым ремнем, железные бляхи перебрасывали по всему поясу россыпь солнечных зайчиков, на кольцах слева висели баклажка и узкий нож. Справа два кольца остались пустые – для короткого меча.

- Меч, топор, булава, – предложил Томас. – Не берешь?

Он сошел с крыльца, продолжая рассматривать преображенного калику. В каменоломне не зачах, напротив – набрал вес, оброс сухими мышцами, во всем его крупном теле ни капли жира, весь словно выкован из плотного слитка железа.

- Топор оставил на запасном, – ответил Олег безучастно. – Не люблю много железа.

Томас невольно провел ладонью по своим доспехам, подумал, что на таком, как калика, буйволе горные хребты перевозить, но лишь сказал иронически:

- Волчьи шкуры носили варвары, что осаждали Рим.
- И разрушили.
- И разрушили, – нехотя согласился Томас. – Но так ты уязвим!

Калика отогнул полу, на внутренней стороне блеснули рукояти двух ножей. Торчали рядышком, одинаковые, как зерна гороха в одном стручке.

- Ножи? – удивился Томас. – Зачем?

Калика наклонился, Томас осторожно потянул рукоять. Нож вышел из кожаного чехла нехотя, упираясь, не желая покидать гнездо, где в тепле оставался брат-близнец.

Чачар ходила вокруг лошадей, по-своему перекаладывала седельные сумки, а Томас завороченно рассматривал лезвие, поворачивая нож, – вспомнил бросок, которым калика открыл дорогу в замке барона-оборотня. Острое как бритва лезвие всего в ладонь длиной, но тяжелое, утолщенное на конце. Острие идет с одной стороны, а с другой к прекрасному булату зачем-то прилепана полоска неблагородной меди. Блестящее лезвие сразу переходит в рукоять – прямую потертую кость, всю в мелких насечках. Чтобы не скользили пальцы, догадался Томас. Он однажды видел швыряльные ножи ассасинов, членов тайных сарацинских сект, но там деревянные рукояти, самые лучшие обтянуты акульей кожей, настолько шероховатой, что даже вспотевшие пальцы не соскользнут. Поскреб ногтем блестящее пятнышко дамасского булата

на кончике рукояти: лезвие тянулось по всей длине ножа, там кончик загибался, плотно удерживая кость.

– Зачем полоска меди? – спросил он с неудовольствием. – Красоту губит!

– Красоту? – усмехнулся Олег. – Что красивого в убийствах?

– В убийствах нет красоты, – ответил Томас с достоинством, – но в поединке...

– Да, чем сложнее ритуалы, чем пышнее, тем само убийство меньше видно... Эта полоска защищает от ударов ножа.

Томас удивился:

– Фехтовать такими коротышками?

– Не убедился, что кроме Британии есть и другие страны?

Чачар наконец взобралась на коня, не дожидаясь, пока рыцарь подсадит. Томас схватился, Чачар с седла послала ему очаровательную улыбку. Томас виновато поклонился, поспешно отдал нож калике и влез на своего огромного жеребца.

Олег пустил коня вперед, пусть рыцарь и юная женщина общаются без помехи. День чистый, солнечный, кровавая ночь осталась позади, как и домик, где в задней комнате лежит раненый. Если не считать переломанных костей, он уцелел, снова выйдет на грабеж и разбой, как только срастется переломанная нога.

Сзади слышался счастливый смех женщины, мужественный голос рыцаря. Олег углубился в свои думы, привычно щупал обереги, и, нарушая чистые и возвышенные мысли о тайном смысле жизни и сокровенности бытия, в душу начал заползать неясный страх. Чересчур часто в пальцах застревал оберег с изображением мечей, стрел, лютых грифонов, огня с неба... Мир опасен, по дорогам рыщут лихие люди, в села врываются мародеры, путников подстерегают волчьи стаи, но обереги молчат о таких житейских пустяках, неурядицах, неудобствах. То простая жизнь, обыденная, однако сейчас опасности будто кто-то подманивает со всех сторон, тянет им навстречу!

Олег оглядел себя, покосился через плечо на рыцаря. Тот выпячивал грудь, похохатывал, вел речь о славных подвигах и битвах. Опасен этот рыцарь, которых хоть пруд пруди после вторжения европейских войск в захваченные арабами страны? Женщина?

Олег не заметил, когда женский смех оборвался, но сбоку вдруг прозвучало:

– Сэр калика, а чем хороша медь?

Олег вздрогнул, непонимающе посмотрел на рыцаря. Тот ехал стремя в стремя, на лице его было жадное внимание. Женщина ехала позади в обиженном молчании.

– Я интересуюсь оружием, – пояснил Томас. – Конечно, нож – не рыцарское оружие, но я при штурме Иерусалима командовал отрядом, научился использовать разное... Не для себя, я – благородный рыцарь из Гисленда, но для своих людей я должен был... Понимаете, сэр калика?

– Когда рубишься на мечях, – объяснил Олег досадливо, возвращаясь в обыденный мир, – то они, сшибаясь, скользят. Бой идет неуклюжий, плохо предсказуемый... А здесь, парировав удар, знаю точно, где лезвие врага. Медь мягкая, чужое лезвие не соскальзывает, останавливается.

Он вытащил нож, подал рыцарю. Томас повертел его в руке, перевел взгляд на огромные ладони калики:

– Не коротковата рукоять?

– Три пальца помещаются? Вот и ладно. И большому пальцу есть где взяться с другой стороны. Для броска достаточно. Чем короче рукоять, тем лучше. Хочешь попробовать? Ежели кинуть средне, то прокручивается в воздухе за семь шагов. Значит, можно воткнуть в того, кто стоит или бежит в трех шагах, десяти, тринадцати...

– А если враг окажется на расстоянии десяти шагов?

– Должен закрутить сильнее. Или замедлить. Только и всего.

Томас торопливо протянул нож калике:

– Нет-нет! Рыцарь – это не бродячий цыган.

– Гм... Рыцари тоже бывают бродячими.

– Странствующими! – поправил Томас негодуя. – Странствующие рыцари! Еще со времен короля Артура рыцари Круглого стола странствовали в поисках приключений.

– А цыгане разве не... Ладно-ладно. Кстати, нож можно швырять и по-рыцарски – прямо, как дротик. Не вращая! Для того утяжеляют концы лезвия, а рукояти делают из легкого дерева или кости. Попробуешь?

Томас помотал головой:

– Мы, англы из Британии, народ любознательный, но перемены не жалуем. Добрый меч и длинное копье – наше оружие на веки веков! Такими нас сотворил Господь, такими останемся.

Он придержал коня, и Олег снова поехал наедине со своими думами. Вскоре за спиной рассыпался серебристый смех, гулко хохотнул рыцарь, и Олег снова подивился их жизнелюбию и выносливости. Трудную судьбу уготовили боги для человека! Иначе не дали бы столько сил.

Дорога поднялась на вершину горы, и Олег сумел, прежде чем спуститься, окинуть одним взглядом окрестности: зеленые холмы, долину с ровными квадратами полей, мелкие селения, а далеко впереди – высокий замок, окруженный стеной. Отсюда не разглядеть деталей, замок кажется игрушечным, но дорога тянется к нему, и по этой дороге скачут всадники, ползут тяжело груженные подводы...

Нахмурившись, он медленно пустил коня вниз. Дорога шла утоптанная, спускалась полого, обрамленная с боков старыми оливами, с их раздутыми стволами, изогнутыми, словно в муках, корявыми ветками. Жара перешла в палящий зной, синее небо стало голубым, а потом вовсе белесым, как пепел, о сухой воздух можно было поцарапаться. На обочине в густой траве, в пшеничных полях трещали перепела, шмыгали зайцы.

Томас ехал все так же стойко в доспехах, лишь шлем повесил на крюк у седла, ветер трепал льняные волосы, срывал капли с красного распаренного лица. Чачар пыталась напевать, смеялась и все время заглядывала рыцарю в глаза – синие, удивительные, непривычные в краю кареглазых.

В полдень Олег заметил издали сочную зелень, свернул, там обнаружился небольшой ручеек. Устроили привал, напоили коней, Чачар разложила на скатерти еду, пряности. Олег разделся, ополоснулся ледяной водой – пробилась наверх, к солнцу, из бог знает каких глубин! Томас смотрел завистливо, наконец не утерпел, разделся донага, влез в ручей, что не доставал и до колен, поднял тучу сверкающих на солнце брызг, визжал, счастливо хохотал. Одежду намочил, побил камнями, разложил на траве для просушки.

Когда Олег отвязал от конских морд сумки с овсом, Томас все еще сидел у ручья, с наслаждением драл белую кожу крепкими, как копыта, ногтями. Лицо его перекопилось в гримасе необычайного наслаждения.

– Мухи... – простонал он сквозь стиснутые зубы. – Сам Сатана породил их на свет, дабы истязали христианских рыцарей, забираясь к ним под доспехи, где даже сарацинские сабли не достанут...

– Мухи?

– Ну, такие белые отвратительные черви! Из них получают мухи, да будет тебе известно, сэр калика.

– Мне-то известно, – пробормотал Олег, – но что такое известно доблестному рыцарю, это в диковинку!

Томас мотнул головой, продолжая остервенело чесаться.

– Не поверишь, какими глупостями нам забивают голову в детстве! Чтобы именовали рыцарями, надо выучить тривиум и квадривиум, уметь петь и слагать стихи, знать грамоту... Но я, честно говоря, больше занимался рыцарскими упражнениями!

– Догадываюсь, – пробормотал Олег. – Если даже европейские короли не умеют читать, а вместо подписи ставят крестик.

– Нет беды, – отмахнулся Томас беспечно. – Как только гонец привозит королю грамоту, тот велит быстро изловить какого-нибудь жида – те все грамотные, им религия велит быть грамотными. Жид читает королю донесение, король диктует ответ, жид быстро записывает, потом грамоту скрепляют печатью и с гонцом отправляют обратно! Только и всего. А тот король, которому послан ответ, тоже велит поймать любого жида, чтобы прочел послание.

– Очень удобно, – согласился Олег.

Томас не уловил сарказма, застонал от наслаждения, дотянувшись до зудящего места между лопаток.

Олег предложил:

– Позови Чачар, у нее ногти – как у кошки.

Томас в нерешительности оглянулся на женщину, она сидела вполоборота в нескольких шагах, прислушивалась, щека ее горела, как и розовое ушко, руки ходили невпопад, роняя мясо, яйца, луковицы.

– Неловко, – сказал Томас наконец. – Все-таки женщина благородного происхождения! Не могу же заставлять выполнять такую простую работу...

– Конечно, простолюдинка почесала бы лучше, но где ее взять!

После обеда, немного отдохнув, они снова пустились в дорогу, вскоре проехали в сотне шагов от странного древнего здания. Оно располагалось в ровной долине, вокруг колыхалась высокая густая трава, вход в здание зарос кустарником, а по стенам, цепляясь за расщелины, вверх ползли зеленые веревки с блестящими, как воск, листьями. Само здание было огромно, мрачно, состояло из чудовищных глыб серого камня. Заброшенное века назад, изрезанное ветрами, зноем, оно безмолвно напоминало о древних империях, исчезнувших народах.

Олег ощутил, как тоска вгрызлась в сердце. Понятно, что Чернобог не позволит человеку карабкаться из дикости и невежества к сверкающим вершинам, где обитают Светлые Боги, мешает, строит козни, но ведь помогают же человеку его творцы, Светлые Боги? Однако все еще больше потерь, чем удач на тернистом пути. Едва удастся создать очаг культуры, как дикие орды варваров, посланные Чернобогом, разрушают цветущие города, жгут библиотеки, рушат дамбы и каналы... Снова поднимают из руин – и снова появляются люди-звери: жгут, рушат, убивают. И так без конца, без конца... Слишком много потерь, крови, страданий. Конечно, человечество движется к сверкающей вершине: после каждой катастрофы хоть и скатывается почти к подножию, взбирается чуть выше, чем в предыдущий раз. Вот и сейчас при всем невежестве и жестокости дикарей молодые европейские королевства сердцем человечнее древних империй, оставивших развалины исполинских цирков, где сражались живые люди – гладиаторы, а также строивших пирамиды, маяки и святилища, где в жертву приносили тысячи людей... В новой же варварской вере была принесена лишь одна человеческая жертва, последняя, самая великая: умертвил себя основатель веры – Христос. На нем людские жертвы прекратились, даже бои гладиаторов заменили бегами на колесницах...

День склонился к вечеру, они ехали прямо в багровую половину неба, словно покрытую застывающей коркой крови: коричневой, темнеющей, лишь в разломах выпускающей яркие пурпурные капли. Солнце до половины погрузилось за край земли, по вечерней земле пролегли длинные красноватые тени.

Дорога повела к замку, теперь он мрачно вырисовывался на багровом небе, с каждым шагом разрастался в размерах. Олег косился мрачно, понукал коня, стремясь до темноты проехать мимо. Вокруг замка словно страшный ураган пронесся: сломано, истоптано, изгажено, вместо рощи блестят широкие пни – деревья пилили у самой земли, а посреди истоптанного поля вздымался замок – свежестроенный, еще без крыш над сторожевыми башнями, без пристроек, лишь огромное четырехугольное здание в три поверха, конюшня и высокая камен-

ная стена, отгораживающая широкий участок грубо взрыхленной земли вокруг замка. В доме вместо окон зияют дыры, кое-где уже блестят свежавыкованные решетки, а над воротами замка гордо реет прапор с орлами, драконами и разъяренными медведями.

Томас громко со знанием дела объяснял Чачар, что кустарник и лес вырубili, а траву сожгли, дабы не подобрался незамеченным лихой враг – страна сарацинская, христианскому воинству надо срочно укрепиться на отвоеванных землях, а потом уже распространять свою благородную власть на прочие народы-язычники...

Они миновали замок, когда ворота распахнулись, на полном скаку выметнулись два всадника. Оба звонко кричали, размахивали руками. Томас остановил коня, медленно развернулся. Копье в его руке угрожающе нацелилось на приближающихся незнакомцев. Олег отъехал в сторонку, снял лук и быстро натянул тетиву. Чачар укрылась за спиной блистательного рыцаря.

К ним приблизились, неспешно остановились в трех шагах два невооруженных, если не считать кинжалов на поясах, молодых, очень пестро одетых парня. Один поднял руку ладонью кверху, сказал звонким чистым голосом:

– Я оруженосец благородного рыцаря сэра Горвеля. Мой хозяин просит усталых путников оказать ему честь! У нас можно отдохнуть, коней накормят отборным зерном, а утром вас разбудят... если вы не захотите остаться еще на несколько дней.

Олег уже набрал в грудь воздуха, намереваясь решительно отказаться, но Томас радостно заорал:

– Горвель?.. Мы с ним вместе, как две злые обезьяны, взобрались на стену Иерусалима!.. Вокруг свищут стрелы, летят камни, а мы вдвоем, спина к спине... Это его замок? Он теперь владетельный сеньор?

– Король пожаловал ему земли, – ответил оруженосец с такой гордостью, словно сам получил этот дар. – Нас всего семеро, остальные – сарацины, наемники, бродячий люд... но место прекрасное: перекресток караванных путей!

Томас властно махнул рукой, подзывая Олега, пустил коня по дороге к замку. Чачар бросила на калику, слишком похожего на дикого зверя, победоносный взгляд, живо догнала блистательного рыцаря и молодых оруженосцев. Олег спрятал стрелу, поехал без особой охоты следом.

У ворот оруженосцы покричали стражам, один даже потрубил в рог, хотя со стен их видели издали, почтительно пропустили гостей вперед, включая и варварски одетого Олега. Тот невольно поежился: не любил чужаков за спиной, особенно когда душа ежится в неясном предчувствии беды.

Ворота распахнулись. Посреди дороги, загораживая проезд, стоял громадный рыжебородый воин в латах. Шлем держал на локте правой руки, ветер слегка ерошил длинные огненно-красные волосы, ниспадающие на плечи.

Томас грузно соскочил с коня, звякнул железом, а рыжебородый двинулся вперед. Они обнялись с таким грохотом, словно сшиблись две наковальни, брошенные рукой великана, а когда хлопали друг друга по плечам и радостно орали – стоял грохот, будто тараном выбивали железные ворота и брызгали искры.

– Сэр Томас!

– Сэр Горвель!

Оруженосцы и малая кучка стражей в безмолвном почтении стояли редкой цепочкой по кругу, взирали на могучих воинов, кто-то осмелился наконец поднять меч, прокричать славу крестоносному воинству.

Один из оруженосцев взял коня Олега под уздцы, сказал важно:

– Я отведу в конюшню, а ты иди в челядную. Поужинаешь со слугами.

Олег кивнул, спрыгнул, присел, разминая ноги. Топоры оставил на седле, а лук сунул рядом с колчаном в сумку, что висела за плечом. Меч взял с собой. Чачар соскочила, как

мотылек, грациозно бросила поводья второму оруженосцу. Томас высвободился из объятий рыжебородого хозяина, поспешно крикнул вслед Олегу:

– Сэр калика, погоди!.. Да остановись же, глухой черт!.. Сэр Горвель, это не слуга мне, а доблестный сотоварищ, собоец. Соратник по-ихнему, по-росски.

Горвель дружески опустил Олегу на плечи руки в перчатках из тонких булатных колец:

– Приветствую, сэр... калика. Мой замок – твой замок. Располагайся, как дома! Это у англов: мой дом – моя крепость, а у нас все настезь, а сердце на рукаве.

Его загорелое, испещренное шрамами лицо выразило изумление – ладони в булатных перчатках словно бы лежали на круглых гранитных валунах.

– Нам много не надо, – ответил Олег сумрачно. – Охапка сена для коней, угол для сна, ломоть хлеба на ужин.

Горвель огорченно хлопнул ладонями по железным бедрам:

– Чего нет, того нет! Придется бедным коням жрать отборный овес, гостям – довольствоваться перинами в спальнях, а на ужин вместо хлеба подадут только пироги, сладкие лепешки и сэндвичи. А чтобы сухое пролезло в горло, найдется чем запить!

Томас внимательно посмотрел на Горвеля, засмеялся:

– Если ты тот же, то, пожалуйста, не подавай к столу вино в бочках! Несколько кувшинов вполне достаточно.

– Конечно-конечно, – успокоил Горвель. – Этого достаточно! Для начала.

Глава 7

Олег вошел в большой зал, остановился на миг, оглушенный громкими голосами, грубыми шутками, песнями, здравицами. Посреди освещенного ярко пылающими смоляными факелами зала за двумя широкими столами пировали все семеро франков, пили, ели, выкрикивали тосты. С ними были и сарацины, принявшие веру Христа или просто поступившие на службу к отважному воину.

Олег ощутил цепкие ощупывающие взгляды. Красноволосый, как франк, зеленоглазый, широкий в кости и с угрожающе вздутыми мышцами, он в то же время был подозрительно тщательно вымыт, влажные волосы прилипли ко лбу, он явно успел вытряхнуть пыль из одежды. Франкские рыцари даже в стране сарацин оставались верны привычкам Европы: мылись редко, посуду давали вылизывать псам – те носились по всему залу, дрались за кости, поднимали задние ноги, обливая ножки столов, особенно стараясь попасть на ноги гостей, Чачар в особенности, чтобы включить их тоже в число знакомых. Слуги и наемники из сарацин, повинувшись Корану, за неделю мылись чаще, чем благородные рыцари за год.

Огнебородый Горвель и сэр Томас сидели в деревянных креслах, похожих на троны. Остальные расположились на широких лавках. Отдельно сидели напротив хозяина четверо: Чачар, рядом с ней – очень красивая, высокая, породистая женщина с усталыми глазами, красивый молодой человек с холеным лицом и злым высокомерным взглядом, а также неизменный в любом христианском замке грузный монах в черной рясе, подпоясанный простой веревкой.

Горвель поднялся, широким жестом, едва не сбив с ног слугу с подносом, указал Олегу место рядом с монахом. Тот сделал вид, что подвигается, но вместо этого лишь подвинул к себе ближе большой кувшин и блюдо с половиной жареного кабана.

От монаха несло жареным луком, кислым вином. Олег сел, раздвинув локтями себе пространство, дотянулся до жареной кабаньей ляжки, посолил непривычно белой мелкой солью. Слуга поставил перед ним широкий кубок, Олег не повел и бровью. Вместе с мясом вливалась звериная сила, на этот раз – присмиревшая, покорная, готовая выполнить любой приказ духа, страшаясь за неповиновение быть снова ввергнутой в изнурительный голод, лишения, муки. Вино и раньше пил редко, сейчас время не пришло вовсе, в зале витает неясная опасность, голову надо хранить чистой.

Горвель и Томас звучно хлопали друг друга по плечам, пили за битву в Киликии, за сражение на стенах башни Давида, за победу в Терляндии. Иерусалим не упоминали – видимо, крупные города уже отметили, – глаза Горвеля блестели, он раскраснелся, говорил громко, пробовал реветь походные песни, – в тостах упоминались городишки, крепости, потом, как понял Олег, пойдут села, деревни, хутора, колодцы, сараи и курятники. Во всяком случае, вина натащили столько, что можно было пить за каждый камень в стене храма Соломона и за каждый гвоздь в двадцати воротах башни Давида.

Молодой человек высокомерно морщился, слушая хохот Горвеля, время от времени наклонялся к уху рослой красавицы, что-то шептал. Она кивала, опустив глаза. Лишь однажды Олег перехватил ее взгляд, брошенный на молодого красавца, ему стало многое понятно, но не встревожило, оставило равнодушным. Везде свои игры, довольно однообразные, хотя участники считают себя и свои ситуации неповторимыми. Ощутил даже облегчение, видя знакомые жесты, взгляды, – с этой стороны опасности нет. Монах? Этот заботится о брюхе, только о брюхе. То ли Горвель держит впроголодь, то ли от жадности теряет рассудок: тащит все, до чего дотянется, икает, давится, роняет куски мяса, поспешно раздвигает колени, чтобы успеть перехватить падающий кусок, – чисто женский жест; мужчина, привыкший к штанам, произвольно их сдвигает...

Олег отпихивал псов, прыгающих через ноги, – на Руси даже в дома-развалюхи псов не допускают, у каждого распоследнего пса есть отдельная конура. А здесь не замок – прямо собачник!

Горвель и Томас хохотали, обменивались могучими шлепками. Доспехи остались в оружейной, теперь дружеские похлопывания звучали как удары бичом по толстому дереву, когда сгоняют засевшего в ветвях медведя или вытуривают из дупла диких пчел. Жена Горвеля морщилась, бросала на мужа неприязненные взгляды. Молодой человек кривился, иронически вскидывал брови. На молодом лице глаза, как заметил Олег, были очень немолодые. Олег лишь теперь рассмотрел как следует мелкую сеточку морщин, лопнувшие кровяные жилки в белках, настороженный взгляд, который бросил на довольного хохочущего Томаса. Рыцари веселились, наперебой рассказывали о своих ощущениях, когда спина к спине, когда сарацин сотни, а лестницы обломились, они же на стене Иерусалима, двое христианских рыцарей супротив нечестивых...

Вино из кубка Горвеля плескалось на стол, рыжебородый хозяин не замечал, орал, перебивая Томаса, тоже пьяно орущего, уточнял подробности, хохотал, требовал песен, посылал за менестрелем, тут же забывал, требовал тащить прямо в зал бочки хиосского.

– Понимаешь, сэр Томас, мимо прут все купчишки, все караваны, вот за протекцию, да на строительство замка, да за то, что нашего Христа распяли, паразиты, так и набежало несколько бочек... или несколько десятков? Впрочем, управитель клянется, что на той неделе перевалило за сотню... Подвалы глубокие, десятка два невольников уморил, пока выкопали, обложили камнем...

– Сэр Горвель, – поинтересовался Томас, – значит, ты сел навечно? В Британию не вернешься?

Горвель оборвал добродушный рев-хохот, посерьезнел, с размаху осушил кубок, грохнул о стол.

– Душой я – англ! Мне лучше пасти коров на берегах Дона, моей родной реки в Шеффилде, чем здесь править королевством. Увы, наш король велел поставить крепость. Нас мало здесь, а сарацин – как песка в пустыне. Уцелеть можно только в замках. Сарацины крепости брать не умеют. Еще не умеют.

– Ты быстро выстроил замок!

– Пришлось насыпать холм, – пожаловался Горвель. – Здесь все ровное, как лысина моего духовника! Вон сидит, видишь! Камень таскали с того берега реки, что в миле отсюда. Народу перетопил!.. Но стену поставил за две недели, а сам замок строил уже после.

– Решение стратега, – одобрил Томас. – Ты видел меня в бою, верно? Король ценит, но не зря дал землю именно тебе, поставил властелином этого края! А я остался странствующим рыцарем, ибо еще не гожусь в сеньоры.

Горвель прищурился, спросил внезапно:

– Меняемся?

Томас передернул плечами, словно за шиворот попала сосулька, ответил непосредственно:

– Ни за какие пряники!

Горвель грохочуще засмеялся, но глаза остались грустными. Монах торопливо вылил остатки вина в свою кружку, послал слугу за другим кувшином. Горвель заметил, сказал с наигранным весельем:

– Благодаря караванному пути у меня собрались вина хиосские, мазандаранские, лисские, дарковерские, есть даже из Зурбагана. Раз я назначен сторожевым псом, то лучше им быть на богатом базаре, чем в нищем селе!

Далеко за полночь жена Горвеля, леди Ровега, покинула пирующих. Вскоре появилась служанка, наклонилась над ухом Чачар, намекнула шепотом, что приличной женщине нельзя

оставаться среди пьяных мужчин – шуточки пошли грубые, откровенные, а песни орут вовсе скабрзные.

Чачар поднялась с великой неохотой, но не скажешь же, что наслышалась и не такого, а мужское общество предпочитает любому другому, женщин не любит, как и они не любят ее, боятся и обижают! Служанка отвела ее в огромные покои, комнату сына Горвеля – Роланда, Одоакра или Теодориха (имя пока что оставалось тройное). Горвель еще не решил, как назовет будущего первенца, но начисто отметал намеки жены, что якобы звезды предвещают рождение девочки.

Чачар долго вертелась в роскошной постели, зал был чересчур огромен, она чувствовала себя на кровати будто выставленной на середину городской площади, сон не шел, а под ложем что-то скреблось, шуршало. Чачар боялась спустить ноги на пол, укрывалась с головой, подгребала одеяло, однако ночь и без того душная, жаркая, и, обливаясь потом, Чачар наконец встала в постели во весь рост, осмотрелась, прыгнула на пол, стараясь отскочить от ложа как можно дальше.

Единственный светильник горел слабо, освещая серые квадраты камня, дальше все тонуло в кромешной тьме. Чачар удлинила фитиль, масло вспыхнуло ярче, и ее глаза вспыхнули: на стене рядом блестело в деревянной оправе зеркало. Не отполированная бронзовая пластинка, как в ее старом доме, а настоящее, яркое, где она увидела себя по-настоящему!

По сторонам зеркала висели обнаженные кинжалы, на одном сидел огромный паук с белесым пузом, глаза в желтом свете странно поблескивали. Чачар опасливо отодвинулась, но не настолько, чтобы не видеть себя в зеркале. Покрутилась, поиграла бровями, изогнула тонкий стан. Снизу донеслось пьяное пение, рев грубых мужских голосов, и Чачар увидела в отражении, как ее щеки радостно вспыхнули, глаза заблестели, а грудь стала выше, под тонкой рубашкой торчали твердые кончики. Она лучше чувствовала себя среди мужчин, в женском обществе угасала, как бабочка, с крыльев которой грубо стерли пыльцу.

Поколебавшись, она оглянулась на темную постель, где одной спать одиноко и страшно: того и гляди, из-под ложа протянется черная волосатая рука, схватит, – толкнула дверь, нерешительно вышла в темный коридор.

Далеко впереди показался движущийся свет, она заспешила навстречу, увидела освещенное красное одутловатое лицо, часть войлочных доспехов с нашитыми железными пластинами. Воин равнодушно окинул ее взглядом, от него разлило вином, кивнул на лестницу:

– В большом зале еще пируют!.. Проголодалась – иди вниз, там на кухне нужна помощь. Заодно налопаешься.

– Спасибо, сэр рыцарь, – поблагодарила Чачар, и старый воин, польщенный женской лестью, выпятил грудь, понес факел гордо, словно копье рыцарь, въезжающий на королевский турнир.

Чачар подошла к большому залу, осторожно заглянула в приоткрытую дверь. Пир шел горой, но деревянные кресла опустели, как и лавка, на которой прежде сидели жена Горвеля и молодой человек с бледным лицом. Монаха она обнаружила за другим столом, духовник ел и пил за троих, орал непристойные песни, даже пытался плясать, ронял кубки и медные чаши.

Чачар отодвинулась незамеченная, на цыпочках прокралась дальше, услышала голоса за дальней дверью. Прислушалась, поправила волосы, робко приоткрыла дверь.

В большой комнате близ горящего камина расположились Горвель и Томас, в роскошном кресле царственно сидела леди Ровега, все трое внимательно слушали молодого человека: он напевал, играя на лютне. Его пальцы быстро перебирали струны, голос звучал красиво, мужественно, и Чачар сразу простила надменный вид и злые рыбы глаза. Томас первый заметил приоткрытую дверь, Чачар попыталась отодвинуться, но рыцарь уже что-то шепнул Горвелю, – тот широко улыбнулся – Чачар знала эту понимающую улыбку, – поднялся и, ступая как можно тише, вышел к Чачар.

– Страшно, – вымолвила она жалобно, – не могу заснуть.

Томас смотрел сверху вниз, от него пахло хорошим вином, мужским потом, силой и чем-то особым, от чего у нее перехватило дыхание и чаще застучало сердце. Она чувствовала, как вспыхнули щеки, словно алые розы, густая кровь залила даже шею, оставив белоснежной лишь грудь – высокую, чувственную. Взгляд Томаса невольно опустился, и Чачар в сладком предчувствии видела, с каким трудом он оторвал глаза от глубокого выреза, где грудь заволновалась, с готовностью поднялась навстречу его жадному взгляду.

– Где мой друг Горвель отвел вам комнату? – спросил он внезапно охрипшим голосом. Его глаза помимо воли поворачивались в орбитах, Чачар чувствовала, как жаркий взгляд ползет по ее нежной коже, оставляя красный след прихлынувшей крови.

– Поверхом выше, – ответила она, опустив глаза, чтобы дать рыцарю смотреть туда, куда хочет. – Комната будущего наследника...

– Или наследницы, – проговорил он с хриплым смешком. – Вы... хотите осмотреть замок моего друга? Раз уж не спится в такую душную ночь. Наверное, перед грозой? Меня тоже что-то тревожит...

– Я бы с радостью походила с вами, сэра Томас, по замку. Прогулка помогла бы заснуть...

Томас оглянулся на чудовищно толстые стены:

– Тогда... пойдете снизу? А закончим на сторожевой башне под звездным небом. Я никогда не видел таких крупных звезд!

– Я тоже, – призналась она.

Она пошла впереди, чувствуя его пристальный взгляд. Щеки горели так, что кожу пощипывало. Хорошо, что не надела ничего лишнего, – ее ладное тело, к которому всегда тянутся мужские руки, просматривается даже в тусклом свете факелов. Недаром сарацины откровенно пялились, рыжебородый хозяин посматривал одобрительно, раздевая ее взглядом, даже рыбоглазый менестрель бросал чересчур пристальные взгляды, к явной досаде леди Ровеги!

Они спускались по крутым ступенькам, снизу тянуло прохладой, сыростью. Чачар держалась поближе к Томасу, ей было страшно, а рыцарь шел рядом, могучий, красивый, мужчина с головы до пят, и она при первой же возможности испуганно пискнула и ухватилась за его руку, так и пошла – вздрагивая, прижимаясь в страхе, ибо тени сгущались, двигались, словно в только что выстроенном замке уже появились призраки.

Опустившись в подвал, они оказались перед массивной железной дверью. Томас пошевелил ноздрями, грудь его раздулась, он поспешно толкнул железные створки. Из глубокого подземелья вместе с влажным холодом пахнуло таким мощным запахом вин, что Томас пошатнулся. В тусклом багровом свете факела, который держал над головой, виднелись три высоких бугристых ряда, похожих на спины буйволов.

Чачар пораженно вскрикнула:

– Три ряда винных бочек!.. Зачем ему столько?

– Узнаю Горвеля! – рассмеялся Томас. – Он считает оскорблением напиться воды, если за пару миль в окрестностях есть вино. А в этом замке, что на перекрестке караванных дорог...

Чачар покосилась на смеющееся лицо рыцаря, где плясали багровые блики, отважно спустилась в подвал. Ступеньки были с острыми краями, нестертые, земля под ногами еще испускала запах свежести, незатоптанности. Кое-где из-под винных рядов торчали жерди, доски. Винные бочки сложены в три ряда: два – под стенами, один – посреди, между ними проход в ширину раскинутых рук, а точнее – чтобы без помех выкатывать нужную бочку. Огромные чудовища из толстых дубовых досок громоздились так высоко, что Чачар изумленно покачала головой:

– Их не выпить и за сто лет!

– А если с друзьями? – спросил Томас весело.

– Ну за пятьдесят...

– Горвель отважный рыцарь, но выгоды не упускал. За ним всегда шел обоз с награбленным. Поэтому он здесь, а я возвращаюсь на родину. Вино продаст, купит что-то взамен, снова продаст... Мы скоро услышим о новом королевстве, Чачар!

Он воткнул факел в железную подставку, и Чачар немедленно повернулась к нему. Ее глаза блестели, она положила ладони ему на грудь, под ее тонкими пальцами изгибалась широкая пластина мышц, в глубине ровно бухало огромное, как молот, сердце, с каждым ударом стучало чаще и мощнее. Чачар победоносно улыбнулась, потянулась навстречу его губам... Томас взял Чачар за плечи.

В звенящей тишине, где оба слышали только его хриплое дыхание, внезапно послышались тяжелые шаги. Томас оглянулся, непроизвольно хлопнул себя по бедру, где должна торчать рукоять меча. В подвал по лестнице спускались двое широких в плечах, блистающих железными шлемами воинов. Томас не разглядел лиц, но обнаженные мечи в их руках зловеще рассыпали багровые блики, воины шли настороженно, кого-то искали, мечи, изогнутые, заточенные с одной стороны – сарацинские, держали чуть наискось, как принято у наемников Востока, повадки изобличали умелых бойцов-сарацин.

Он отодвинул Чачар себе за спину, шепнул:

– Ты их знаешь?

– Вижу впервые...

Томас замер за выступом ряда бочек, но воины их не видели, двигались медленно, прикрывая друг друга. Забывшись, Томас снова метнул руку к бедру, пальцы ощутили полотняную ткань. Впрочем, на поясе висит короткий кинжал!

Воины сошли со ступенек на землю, постояли, давая глазам привыкнуть к слабому свету. Один что-то шепнул другому, двинулись осторожно, хищно пригнувшись.

– Чачар, – прошептал Томас, – присядь за этой бочкой! Когда они пройдут мимо, беги к лестнице.

– Они заметят! – шепнула она одними губами.

– Увидят меня, на тебя не обратят внимания.

– А как же ты?

– Попробую задержать. А ты, когда выскочишь, подними тревогу. Или беги сразу к Горвелю, это два поверха выше.

Она присела, прячась в тени, а Томас пятился, не сводя с сарацин взгляда. Под ногой хрустнуло, оба воина встрепенулись, заспешили в его сторону, держа широкие мечи перед собой: один в правой руке, другой в левой. Но не мчались сломя голову, явно не новички в охоте на человека.

Томас пробежал назад, прячась за рядами бочек. Жерди под ногами похрустывали, указывая его путь. Оба воина наконец углядели ускользящую тень, ускорили продвижение, но не побежали, на что надеялся Томас. Сердце его сжала рука страха: успеет ли спастись невинная женщина от рук убийц, а что убийцы – надо ли сомневаться? Он много видел разного, не путает вино с уксусом, а священника с бродягой...

Воины разделились, бежали по краям прохода, почти задевая бочки. Томас выдернул кинжал, зло повертел в ладони, ощущая крохотность, игрушечность в сравнении с огромным двуручным мечом. У тех двоих мечи короче – кривые арабские, но настоящие, а не эта игрушка...

Они замедлили шаги, начали заходить с двух сторон, насколько позволяли стены из бочек, их цепкие глаза оценивали каждое движение загнанного в угол рыцаря. Томас взвесил в руке кинжал, восстановил в памяти, как его друг ловко управлялся с таким странным оружием, с силой метнул его. Воин был в четырех шагах, кинжал с силой ударился о его грудь, отскочил, запрыгал по земляному полу и скрылся под бочками. Воин отшатнулся, в полутьме его лица не было видно, но голос прозвучал квакающим от сдавленного хохота:

– Нет удачи?... Всему надо учиться!

Его меч внезапно прорезал воздух, одновременно метнулся второй, занось меч. Томас с силой оттолкнулся, вспрыгнул на огромную бочку, перескочил на другую. Сзади страшно хрястнуло, на ноги брызнуло мокрым. Ассасин с проклятиями на арабском вытаскивал меч из разрубленного края бочки.

Второй вскрикнул:

– Держи здесь, а я вернусь запру дверь! Он все равно не уйдет.

Томас измерил взглядом расстояние до того, что остался внизу. Тот нехорошо усмехался, приглашающе помахав свободной рукой, – приди и возьми, пока я один. Меч он держал небрежно, но Томас бывал в переделках, мог отличить битого, за которого двух небитых дают, от желторотого. Если хотя бы кинжал, что швырнул так глупо...

Он перебрался по влажным деревянным бочкам, щеки горели от стыда и унижения. С четырех шагов! Плашмя! Лучше бы промахнулся вовсе. Хотя бы Чачар успела выскользнуть, должна успеть, пока загоняли, как обезьяну, на самый верх...

От двери послышался лязг, воин задвинул засовы, и теперь оба заходили с двух сторон ряда. Томас вскарабкался на самую верхнюю бочку, но едва отдернул ногу, как кончик меча отсек ее нижний край. Он подпрыгнул, спасая ступни, рухнул, упершись руками в соседнюю бочку, тут же другой меч блеснул снизу, в бочку, едва не отрубив пальцы.

Томас выругался, упал, перекатился через бочку, остановившись в выемке между покатыми боками. Снизу засмеялись, один осторожно покарабкался наверх, другой не спускал с Томаса немигающих глаз, меч держал наготове. Первый ударил мечом, пытаясь достать, Томас перепрыгнул на круглый бок следующей бочки. Лезвие с хрустом проломило деревянную стенку, воин выдрал рывком, снова замахнулся. Томас приседал на согнутых ногах, готовился прыгнуть, убийца тоже выжидал, несколько раз замахивался, пытался поймать, наконец ударил мечом очень быстро и коварно. Томас взвился в воздух – у обоих тяжелые мечи, не сабли, это спасало, и теперь, когда они пошли крушить острейшей сталью, он все же успевал увертываться, но в груди уже стало холодно. Игра в кошки-мышки заканчивается одинаково – мышка сдачи не даст...

Они окружали, а Томас скакал по ряду с бочки на бочку, как по спинам гигантских черепах. В сыром подвале все покрылось слизью, даже заплесневело, ноги ныли от усилий держаться, не сорваться.

До края ряда оставалось три бочки, и его умело гнали к неизбежному концу, дальше – стена. Томас видел смерть, слышал хлопанье ее крыльев над головой. Собравшись с остатком сил, он внезапно прыгнул со среднего ряда бочек на другой. Воин, не ожидая отчаянного прыжка, запоздало взмахнул мечом, рассек подошву сапога Томаса. В прыжке Томас не дотянул, больно саданулся грудью о деревянный край, но мгновенно вскинул ноги, оказался на бочке и откатился. Услышал треск, ругань, послышалось бульканье, запах вина стал мощнее. Сзади раздался злой крик, ругань.

Томас пробежал по ряду, касаясь плечом стены, спрыгнул на землю, ушибся. Хромая, бросился к двери. Сзади услышал топот, но желанная дверь была рядом. Он ухватился за железные скобы, с треском отбросил засов, ухватился за другой... Шаги застучали так близко, что он, успев отшвырнуть второй засов и даже потянуть дверь на себя, бросился вниз головой в сторону ступенек. Жутко лязгнуло железо о железо, меч просвистел, задев его волосы, едва не срубив ухо.

Он упал, ударился лбом о дно бочки, а дверь с грохотом захлопнулась, снова лязгнули засовы. На земле между бочками знакомо блеснуло, он непроизвольно лапнул рукой, еще не соображая, что делает, услышал топот и тут же с непостижимой для себя скоростью оказался на стене из бочек. С удивлением посмотрел на свой судорожно сжатый кулак, где торчала рукоять его кинжала. Оба воина дышали тяжело, один сказал гортанным голосом:

– Что ты прыгаешь, как жалкая обезьяна?.. Слазь, будь мужчиной.

– Ты не благородный рыцарь, – обвинил второй негодующе.

– Лучше ты залезай, – пригласил Томас. Воздух со свистом вырвался из его груди, горло пересохло.

– Придется...

Они полезли на бочки, а Томас быстро полоснул по толстой веревке, что держала вместе весь ряд бочек. Чудовищно огромные вместилища вина начали медленно раздвигаться. Воины сперва не поняли, почему те задвигались, но послышался тяжелый шелест, покрывание сырого дерева. Один спрыгнул, держа перед собой меч, другой еще цеплялся сбоку за огромную бочку. Она медленно перевернулась, покатила вместе с другими, набирая скорость, и он отлепился, упал на спину, но меч не выпустил.

Томас повис на обрывке веревки, толстой, как морской канат, и болтался в воздухе: бочки раскатились, ушли из-под ног. Первый убийца бежал в страхе, но тяжелые бочки, раскатываясь из высокого ряда, набирали скорость быстро. Второй едва успел вскочить, как огромная бочка сбила с ног и прокатилась сверху. Томас слышал хруст костей, черепа, страшно хлопнула лопнувшая, как бычий пузырь, грудь, а из-под бочки брызнули струи крови, в полумраке подвала темные, как деготь.

На миг Томас увидел расплющенное пятно, похожее на снятую шкуру зверя, какие лежат в зимнее время в замках перед постелями, затем прокатились другие бочки, громыхая и толкаясь, Томас больше не видел распростертого тела.

Первый успел добежать почти до стены, но огромные, булькающие вином чудища догнали, смяли. Бочки трещали, от мощного запаха вин кружилась голова, Томас чувствовал себя более пьяным, чем когда-либо в жизни.

Только сейчас услышал тяжелый грохот, дверь содрогалась, грозя слететь с петель. Томас выпустил веревку, упал на пол с воплем:

– Сейчас открою, сейчас!

Ноги скользили по лужам вина, он трижды упал, вывозился в жидкой грязи, с трудом добрался до ступеней. Едва сдвинул засовы, как его отшвырнуло дверью, он вскрикнул и слетел обратно в винную лужу. В проеме выросли с оружием в руках сэр Горвель, двое воинов, за ними слышался визжащий голосок Чачар, а дальше блестели шлемы, латы, обнаженные мечи.

Томас ощутил сильные руки на плечах, с трудом поднялся. Горвель смотрел встревоженно, глаза едва не вылезли из орбит.

– Сэр Томас!.. Если решил в загул, то почему один?.. Не по-дружески совсем, я так не поступал!

Томас пьяно помотал головой:

– Сэр Горвель, сэр Горвель... Разве я бы так обошелся с твоим винным складом, если бы не острая нужда...

– Что вино!.. – отмахнулся Горвель. – А что стряслось? Женщина что-то лопотала, но я не понял, у меня в голове тоже булькает вино, хотя, надо признаться, мне далеко до тебя, сэр Томас. От тебя разит так, словно ты выпил бочек сорок...

– Не больше трех-четырех, – успокоил Томас. – Не больше... В смысле повреждено. Дали течь, словом... Будешь смеяться, сэр Горвель, но я даже не лизнул твоего вина...

Горвель с готовностью захохотал. Сэр Томас еле держался на ногах, глаза уходили под лоб, а язык заплетался. Если пошел в винный склад, то не для того же, чтобы говорить о возвышенной любви?

Позже Томас и сам спрашивал себя, какая нелегкая понесла его в винный склад, но не находил вразумительного ответа. Объяснение было только одно: где замешана женщина, логику искать бессмысленно.

Глава 8

Олег не спал, раскинулся на ложе, перебирая обереги. В зарешеченное окно слабо светила луна, высвечивалась лишь часть постели, и он уже прикинул, как ляжет спать, чтобы мертвенный свет не падал на лицо.

Пальцы подрагивали, подолгу застывали на коротких деревянных фигурках. По спине часто пробежал мороз: куда ни кинь – везде клин. Опасность справа и слева, грозит сверху и снизу, смотрит в окно и подстерегает на лестнице. Знак раздвоенного сердца означает, что беда грозит еще и близким. А какие у него здесь близкие? Разве что этот нелепый рыцарь с его благородными замашками... Но тогда вовсе не понятно. Кто связывает их воедино и желает обоим смерти? Что их вообще может связывать?

Он закрыл глаза, сосредоточился на ощущении, снова медленно пропустил деревянные фигурки между пальцами. Что-то застряло между большим и указательным пальцами – снова меч, стрела! Очень настойчиво боги подсказывают, предостерегают. В суматохе дней не всегда уловишь признаки надвигающейся беды, даже не всегда слышишь голос души, которая все видит, все слышит, все понимает. Иногда ей удастся докричаться во сне, тогда просыпаешься просветленный: во сне открыл, придумал, изобрел! Иногда слышишь утром в полудреме, когда голова чиста, не забита мирскими заботами, но только волхвы умеют отгораживаться от мира, умеют слушать душу. Обереги – простейшие знаки, через которые душа говорит с человеком, подсказывает, предостерегает...

Олег тихонько сполз с постели, оставив взбитым одеяло, притаился под ложем. Его пальцы все еще перебирали обереги, когда за окном послышался тихий шорох. В комнате потемнело, будто что-то заслонило окно. Показалось, что услышал затаенное дыхание, потом звонко щелкнуло. По звуку Олег узнал стальную тетиву – стреляли из арбалета. Олег издал короткий стон, слегка дернул за свисающий край одеяла, толкнул снизу в деревянное ложе.

Олег прислушался, быстро выскользнул из-под кровати. В руке держал готовый к броску швырляльный нож. В толстом изголовье торчала, пробив одеяло, короткая металлическая стрела. Кончик был с глубокой бороздкой. Олег взялся за стрелу, еще чувствуя тепло чужой ладони, дернул. Стрела засела глубоко, погрузилась в дубовое изголовье почти до половины. Впрочем, силу рук лучника не определишь, когда стреляют из арбалета: ребенок посылает стрелу с той же силой, что и взрослый. Он мигом оказался у окна, ухватился за металлические прутья, напрягся. Зашелестела каменная крошка: прутья, изгибаясь, с легким скрежетом выползали из каменных гнезд. Во дворе замка стояла тишина, в ночном небе мертво плыла луна с надгрызленным краем, в сарае мычал скот, за постройками глупо тявкали молодой пес.

Олег протиснулся в окно, обдирая плечи, нащупал кончиками пальцев выступы, щели между камнями. Замок Горвеля почти неприступен, на взгляд франка, но отважный умелец или сорвиголова без особого труда заберется здесь хоть на крышу. Франкам придется многому научиться на горьком и кровавом опыте. Сарацинские ассасины умеют намного больше, чем напыщенные европейские рыцари или простодушные вилланы.

Прижимаясь к стене, он медленно сползал вниз, останавливался, прислушивался. Кто-то невидимый спускается левее, их разделяет выпуклость башни. Карабкается не очень умело, пытит, стучит по камням. Судя по звукам, он в кольчуге или в легких латах – явно не сарацин, ассасины всегда налегке, лишнего не возьмут, франков презирают, даже если им служат, ибо те без пуда железа на плечах шагу не ступят. Но если европеец, то осарациненный, иначе не рискнет лезть по отвесной стене в глухую ночь. Сошлется на традиции, добрый английский удар сплеча, приплетет доблесть рыцарей Круглого стола, но не полезет ни за какие пряники.

Над головой покачивались звезды, но Олег продолжал спускаться в непроглядную тьму. Луна освещает крыши и верхушки стен, однако чернильно-темные тени от стен перекрывают весь двор. Одиноким островком среди моря тьмы блестит верхушка коновязи.

Когда земля уже чувствовалась по запаху, арбалетчик спрыгнул – Олег услышал стук сапог по каменной плите. Олег тут же разжал руки, не заботясь о шуме – босые пятки не загремят. Сердце сжалось в страхе, когда перебежал залитый лунным светом клочок двора, торопливо прыгнул головой вперед в спасительную тень, замер, вслушиваясь. Тяжелые шаги стучали далеко впереди.

Глаза обвыклись, Олег уже видел силуэт убегающего человека. За спиной блестело металлом: арбалетчик не оставил дорогое оружие – механический лук. Убийца подбежал к внешней стене, окружавшей замок, полез по ней вверх, перебирая руками и ногами очень быстро, словно паук, бегущий по паутине.

Олег крался медленно, остановился. Арбалетчик поднимался по веревке, Олегу пришлось карабкаться по голой поверхности, цепляться за крохотные выступы, трещинки. Когда арбалетчик на миг затмил звезды над гребнем стены, Олег докарабкался лишь до середины, а когда сам перевалил через край, снизу, из темноты, послышался стук копыт, приглушенное ржание, затем из тени выметнулась лошадь с всадником в развевающемся плаще, понеслась прочь от замка.

Олег прыгнул с самого верха, упал на край рва, покатился по кособокому, гася скорость. Под ним трещало и хрустело, в голые ноги кололо острым, словно со стен замка издавна сбрасывали сюда рыбы и птичьи кости. Топот копыт быстро удалялся. Олег бросился вдогонку, сразу расстегнул душегрейку. Земля под босыми ногами приятно холодила ступни, воздух был по-утреннему прохладный и острый, как дамасская сабля. В беге разогреется, но пока надо хранить холод, а не тепло – ведь арбалетчик пустил коня в ровный галоп, щадя силы коня, явно скакать долго. Редко кто знает, замороженный мощью конских мышц, а также придавленный собственной ленью, что нет на свете коня, который пробежит быстрее и дальше человека! Ежели условиться бежать на полверсты – конь еще худо-бедно обойдет, но дальше запалится, а то и падет, а человек готов бежать десятков и больше верст с той же прыткостью, да еще в полных доспехах. Русичей приучали бегать в панцире, держа щит и топор, двуручный меч – на перевязи за спиной, швыряльные ножи на поясе или под полкой, в тайнике, а короткий скифский меч-акинак за голенищем сапога, его уже привыкли звать ножным мечом, а то и проще – ножом.

Дорожная пыль вздымалась тончайшим облачком. Олег на бегу посматривал то на быстро светлеющее небо, то на изредка поблескивающую далеко впереди искорку – металлическую пластинку на ложе арбалета. Стук копыт в ночном безмолвии доносился ясно – еще даже птицы не проснулись, молчали, а его босые ступни поднимали пыль бесшумно.

Наконец стук копыт почти затих, но уже в бледном рассвете Олег видел смутно темнеющие впереди на дороге следы. Далекий край земли розовел; если арбалетчик свернет, вломится в заросли, то несложно проследить по следу. Отпечатки копыт, сломанные ветви, истоптанная трава – все укажет опытному глазу, куда скрылся всадник.

Дыхание пошло из груди сиплое, жаркое. Горло пересохло, и Олег понял, что начал устывать, как выброшенная на берег огромная рыба. В пещере не разбегаешься, отвык от нагрузок, на одном опыте не выедешь, надо кое-что еще...

Задышавшись от бега, он внезапно подумал, что у арбалетчика тоже может хватить опыта да помимо может отыскаться что-либо опасное, как змея, затаившаяся в гнилой листве, под трухлявой колодой или в пустом лошадином черепе...

Следы с дороги ушли внезапно. Он едва не пробежал мимо, но успел вломиться в кусты, сразу увидел глубокие отпечатки копыт во влажной земле. Впереди чувствовалась прохлада ручья. По этой прохладе Олег уже нарисовал бы его изгибы, знал глубину и мог перечислить

травы и цветы на берегах. Снова донесся стук копыт. Теперь конь шагал мерно, сочно хрустели толстые стебли, переполненные соком.

В небе уже пламенели облака, рассвет с облаков сошел на землю, песок стал оранжевый, заблестел, а трава заискрилась всем богатством зелени.

В двух-трех сотнях шагов впереди, на излучине ручья, виднелся шалаш из свежесрубленных веток. Плел умелец. Олег с трудом вычленил покатые стенки из окружающей зелени. Всадник с арбалетом за плечами ехал прямо к шалашу. Когда он был в десятке шагов, из кустов справа вышел низкорослый человек в длинном зеленом халате, в руках у него был простой лук из ясеновой палки, но с туго натянутой тетивой.

Всадник успокаивающе помахал еще издали:

– Свой! Хозяин, тебя трудно заставить врасплох, верно?

– Как выполнил? – прервал человек в зеленом халате.

– Пришпилил, как жабу, прямо к спинке кровати. Этот франкский арбалет бьет страшно! Только натягивать тетиву воротом очень долго... Да еще эта проклятая двойная тяга...

Он соскочил на землю, похлопал разгоряченного коня по шее, расседлал, взвалил седло и сбрую на плечи.

– Хороший конь, неся как ветер... Чукан и Гекса не вернулись еще?

– У них работка потруднее, – ответил человек в халате. – Рыцарь смел, без доспехов под кустом не присядет. Его еще подстеречь надо. Это тебе не стрелу выпустить в безоружного паломника!

Всадник удерживал разгоряченного коня, что рвался к ледяной воде ручья, похлопывал, оглаживал, ответил недовольно:

– Этот паломник больше похож на медведя! Я все время чую опасность, хотя он без доспехов, даже без оружия!

Олег вытащил швыряльные ножи, прикинул взглядом расстояние до арбалетчика и его хозяина. Сердце бешено колотилось, протестуя против внезапной остановки после бега. Со лба катились крупные капли пота, прорывались через плотину бровей, щипали глаза, пальцы увлажнились, он то и дело вытирал о колени.

Человек в зеленом халате с мрачным одобрением посматривал на арбалетчика, тот водил коня по кругу, остужая, не давая распаренному напиться ледяной воды.

– Дело сделано... Надеюсь, сделано! Чукан и Гекса не знали промахов... Подумать только, пять тысяч динаров за чашу! С ума сойти!

– Серебряных? – спросил арбалетчик, лицо его расплылось в широкой гримасе.

– Золотых, дурень. Ты за один выстрел заработал тысячу золотых динаров! Понял? Где бы ты еще так заработал?

Всадник изумленно покачал головой:

– Тысячу золотых?!

– Тысячу. Чукан и Гекса – тоже по тысяче. Две – мои, я все придумал и нацелил вас – умелых с ножами и стрелами, но слабых на мозги.

– Я не спорю, – сказал арбалетчик поспешно. – Ты всегда получал большую долю. Но мы никогда столько не... Здесь что-то не так. Когда короля прошили стрелами, пройдя через три кордона телохранителей, и то получили меньше. А здесь – убить рыцаря с паломником, забрать чашу? Всего только.

– Нам какое дело? Ты исполняй, а что и зачем – не спрашивай. Вообще-то я понял, что можно было бы только чашу забрать, но с этим они уже раз оплошали. То ли воровали, то ли отнимали...

– Понятно, мертвые вернуть не смогут. Тысяча золотых, Ганим! Да я за эти деньги...

На спине арбалетчика ерзал тяжелый арбалет с длинным отполированным прикладом, и Олег выждал, когда он, ведя коня, повернулся лицом. Нож серебристой рыбкой выскользнул

из руки Олега, он тут же перехватил второй нож, с силой метнул в спину человека в зеленом халате, которого арбалетчик назвал Ганимом. Арбалетчик вскинул руки, словно пытался взлететь, упал навзничь, выронив повод коня, застыл с раскрытым в безмолвном крике ртом: в кровавой булькающей каше на месте правого глаза торчала рукоять ножа.

Человек в зеленом халате стоял спиной, но звериное чутье заставило развернуться. Он мгновенно натянул лук, стрела сорвалась с тетивы. Олег качнулся в сторону, поймал стрелу рукой. Человек в халате, зло оскалив зубы, скреб ногтями рукоять ножа, что торчала посредине груди, проломив грудной хрящ. Он начал натягивать лук снова. Олег стоял уже в десятке шагов от него, напрягся, и Ганим несколько раз натягивал и отпускал лук, ловя момент: если паломник сумел ухватить стрелу левой рукой, то может поймать и правой...

Наконец пальцы разжались, он без сил опустился на колени. Лук вывалился из рук. Глаза сверкнули и погасли, он повалился на бок, неловко подвернув руку. Под ним расплзлась лужа крови, свободная рука поскребла землю и застыла.

Олег зашел сбоку, проговорил, остановившись в трех шагах:

– Ты не мертв, отпусти рукоять моего ножа. Повернись ко мне.

Ганим не двигался, пальцы слабо задрожали, выпрямились. Олег зашел со спины, пинком перевернул, тут же отодвинулся. Ганим внезапно прыгнул прямо с земли: левая рука швырнула горсть земли в лицо, а правая выдернула нож из собственной груди, молниеносно ударила без размаха, целясь в то место, где должен был стоять Олег. Но горсть земли пролетела мимо, Олег локтем отбил нож, схватил за кисть и свирепо вывернул. Ганим вскрикнул, рухнул на колени.

Олег вывернул сильнее, кости затрещали, послышался хруст лопающихся сухожилий. Ганим уткнулся лицом в мокрую от крови землю, из груди теперь хлестала тонкая струйка неровными толчками в такт трепыхающемуся сердцу.

– Я не промахнулся, – проговорил Олег с нажимом в голосе. – Я хотел спросить, лишь потому ты еще жив... Кто дал пять тысяч золотых?

Ганим с трудом повернул облепленное кровавой грязью лицо. Рот и глаза были залеплены, он прохрипел:

– Вас раздавят обоих... Против такой силы еще никто не выстоял!

– Имена! – потребовал Олег.

Он вывернул руку – хрустнули последние хрящи, Ганим перестал дергаться. Он быстро слабел от потери крови. Олег ударил по ключице, услышал сухой хруст, ухватился за обломки, тонкие, как птичьи кости, с силой начал тереть окровавленными концами, откуда из середины вытекал костный мозг, потребовал люто:

– Говори! Говори быстро!

Ганим хрипел от дикой боли, дергался, на губах выступила пена. Олег ухватил другой рукой за срамные уды, с силой сжал. Ганима подбросило от боли, лицо из мертвенно-бледного стало черным, с губ сорвался хрип:

– Скажу... Это был сам...

Его подбросило, тело дернулось и вытянулось, как бревно. Пробежала дрожь, как по траве от ветра, он застыл. Лицо было страшнее, чем у удушенника, в вытаращенных глазах застыл ужас. Олег вздохнул, закрыл ему глаза, сложил руки крестом на груди.

Арбалетчик не двигался, лезвие ножа проникло глубоко в мозг. Олег осторожно потащил за рукоять, преодолевая сопротивление, стараясь не забрызгаться, тщательно вытер лезвия, прежде чем сунуть в чехлы. Оба ножа с неохотой опустились в гнезда, словно мечи из песен менестрелей, которые визжали от счастья, – мечи, не менестрели, – покидая ножны, и плакали от горя, оставляя битву.

Обыскивая шалаш, наткнулся на тщательно упрятанный кожаный мешочек с золотыми монетами. Прикинул вес на руке. Если золотые динары, то не меньше пяти тысяч... Кто-то очень сильно жаждет получить чашу. Настолько сильно, что лишь попутно велит убить рыцаря,

героя взятия Иерусалима, и его неприметного спутника, мирного паломника. Сейчас рыцарь отбивается от двух убийц, если уже не... В рыцарских турнирах мог быть непобедимым, в мощной рыцарской атаке тоже герой, но сарацинские ассасины – орешки покрепче. Бедный рыцарь уже, может, хрипит перерезанным горлом, окропляя землю горячей кровью!

Он перебрал золото, пошел вокруг шалаша расширяющимися кругами. Конских следов множество, на влажной земле вокруг ручья подковы отпечатались отчетливо, легко пересчитать каждый гвоздик, щербинку в железной подкове, но солнце поднялось высоко над головой, прежде чем Олег вычислил коня таинственного нанимателя, владельца пяти тысяч золотых динаров.

Олег побежал, на бегу всматриваясь в следы на земле, примятую траву, вслушиваясь в птичьи крики, треск кузнечиков. Степь живет цельной жизнью, опытное ухо легко поймет на одном краю степи или пустыни, что творится на другом.

Он бежал широкими шагами, локти чуть оттопырил, давая груди дышать глубоко, мощно, не сдавливая сердце. Из куста в сотне шагов слева выпорхнула сорока, заверещала возмущенно. Олег тут же замедлил бег, перешел на шаг, глаза не оставляли подозрительного куста, а ладонь опустилась на рукоять ножа.

Его глаза все еще всматривались в завесу зеленых листьев, пытаясь проникнуть за куст, когда сзади раздался негромкий голос:

– Повернись, раб!

Из-за толстой валежины поднялся во весь рост сухой жилистый человек в тонкой кольчуге с широким воротом, с кривым мечом на поясе. В руках у него был лук, а стрела лежала на тетиве. Это был Тернак, охотник-людолов, тот самый, что остановил Олега в его возвращении на родину и велел Абдулле доставить в каменоломню барона Оцета.

– Не ожидал? – бросил он. Глаза люто щурились, верхняя губа вздернулась, как у зверя, показывая желтые зубы. – Не ты ли с тем меднолобым рыцарем устроил мятеж? Впрочем, это не важно. В замке уже другие хозяева. Как я понял, тебе удалось убить Ганима и его наемника. Я не особенно любил их, но не люблю и тех, кому удастся убивать таких...

Он не подыскал слова, а руки его тем временем быстро натянули тетиву. Он ожидал увидеть страх на лице сбежавшего раба, жаждал увидеть, но Олег изо всех сил держал лицо непроницаемым, хотя мысли прыгали, как пескари на горячей сковородке. Как очутился здесь Тернак? Неужели преследовал всю дорогу?

– Это ты нанял Ганима? – спросил он не шевелясь.

Тернак ухмыльнулся, в глазах горела злоба.

– В аду все знают. Расспроси – расскажут!

Он прицелился в Олега. Острый наконечник стрелы смотрел то в лицо, то в грудь. Олег не двигался, лишь спросил:

– Почему твой напарник прячется? Теперь мог бы уже выйти.

– Какой напарник?

– Из того куста вылетела сорока...

Олег указал пальцем. Тернак не повел и глазом, сказал с усмешкой:

– Я не новичок, чтобы попасться в такую простую ловушку.

Звонко щелкнула тетива. Олег качнулся в сторону, хотел было схватить летящую стрелу, но в последний миг передумал: что будет делать со стрелой в руке, когда Тернак выхватит меч? – его рука взметнулась к швыряльному ножу.

Тернак, как оказалось, знал боевые приемы. Олег понял поздно. Ощутил удар в бок, лапнул ушибленное место – в боку торчала стрела! Тернак улыбался – перехитрил! – его пальцы еще сжимали лук, но улыбка оставалась, словно вырезанная на дереве: в груди торчал нож.

Олег подошел, пинком вышиб лук. В боку растекалась боль, кровь стекала по одежде, капала на сухую землю. Сцепив зубы, ощупал стрелу и ушибленное место, обнаружил с облег-

чением, что железный наконечник скользнул по ребру, процарапав кость, а с той стороны под кожей вздулась шишка, словно там прятался орех.

Задержав дыхание, он воткнул стрелу глубже, едва не свихнул шею, пытаясь рассмотреть место, где выйдет наконечник. Выпуклость вздулась сильнее, натянулась, заблестела под жгучим солнцем и вдруг опала, оставив красный от крови острый кончик железа. Брызнула кровь из новой раны. Олег быстро продвинул стрелу дальше, пока зазубренный наконечник не вылез полностью, с тихой руганью переломил деревянный прут, а стрелу выдернул с той стороны. Кровь освобожденно текла из сквозной раны с двух концов. Олег торопливо наклонился к мертвому, намереваясь снять чалму, использовать тонкую ткань для перевязки.

Густой голос, больше похожий на рев, угрюмо приказал сзади:

– Застынь!.. Перевязывать не надо.

Олег медленно обернулся. Слева из-за кустов, откуда раньше выпорхнула испуганная сорока, поднялся менестрель Горвеля. В дорожной одежде, бледное злое лицо напряжено, глаза ловят каждое движение Олега. В руках небольшой лук из турьих рогов, на поясе кривой меч и длинный узкий кинжал. Олег бросил беспомощный взгляд на нож, что по самую рукоять погрузился в грудь Тернака. Менестрель перехватил его взгляд, кивнул:

– Пусть останется. А ты не двигайся. Я люблю смотреть, как льется кровь, даже если пролил ее не я.

Он зло улыбался. Олег видел в болотных глазах триумф, наслаждение. Менестрель мог убить его, выстрелив в спину, мог стрелять из-за кустов, но проклятый паломник умер бы, не узнав, кто его убил, не помучавшись, даже не сообразив, что хотя он сразил Тернака, Ганима и наемника, но есть еще более сильные, более умелые. Сильный и умелый менестрель будет ходить по земле, а кости паломника растащат звери...

– Это ты нанял Ганима? – спросил Олег упавшим голосом.

Он пошатывался, кровь струилась по ноге, впитывалась в сухую землю. В сапоге стало мокро, горячо. Менестрель, не отвечая, оскалил зубы, медленно натянул тетиву, глядя прямо в глаза Олегу. Он несколько раз отпускал тетиву, снова натягивал. Несмотря на ухмылку, глаза были настороженные, он не упускал ни малейшего движения, следил за мышцами паломника. Олег попытался качнуться в сторону, но в боку стрельнуло болью, ноги начали подкашиваться. В ушах уже звенело от потери крови. Он чувствовал, что сильно побледнел, видел это по ухмылке менестреля, торжествующим глазам.

– Я сделаю чашу из твоего черепа! – сказал он обещающе. – Ты был могучим воином...

– Ты нанял Ганима?

Он видел злую ухмылку, блестящие глаза, остальное расплывалось в жарком мареве. Внезапно краем глаза уловил движение слева, скосил глаза. Тернак как ухватился сразу за рукоять ножа, что торчал в его груди, так и держался, теперь пальцы медленно слабели, один за другим отрывались от рукояти, через миг рука упадет в траву...

– Тернак, – сказал Олег настойчиво, – бросай в него нож!

Менестрель на миг скосил глаза, рука Тернака шумно упала, скрывшись в траве, и менестрель быстро выстрелил. Стрела с силой ударила под запрокинутый подбородок Тернака, вонзилась почти по оперение.

Олег прыгнул назад и в сторону в тот самый миг, когда стрела сорвалась с тетивы, полетел вниз в овраг, проломился через кусты, долго катился, свернувшись в клубок, пока не достиг дна оврага. Густые заросли смягчили падение, и Олег поспешно полез вверх и в сторону. Кровь капала на траву, голова кружилась, а перед глазами мелькали крупные черные мухи. Перекосившись, вытащил второй швыряльный нож, зажал рукоять в ладони. Менестрель уверен, что у него только один нож, который остался в груди Тернака. Он сам заставил его так думать, когда жадно смотрел на тот нож, теперь есть малая возможность обхитрить, хотя менестрель

– не чета тем троим, это умелый и опытный убийца. Странно, что он скитается под личиной менестреля...

Наверху зашелестело. Менестрель медленно спускался по склону. Лук оставался в руках, стрела лежала на тетиве. Он не отрывал взгляд от пятен крови на земле и листьях, но не бежал, шел осторожно, всматривался в каждый стебель. Он тоже не пропускал без внимания ни вспрыгнувшего кузнечика, ни шныряющую в траве ящерицу, но одновременно словно бы замечал, что делается по сторонам и даже за спиной.

Олег мысленно похлопал себя по плечу: вовремя ушел со дна оврага. Теперь лежал затаившись почти на открытом месте, среди травы, но к таким местам не присматриваются, когда по сторонам торчат густые кусты. Раненая жертва обычно прячется за ветвями, но менестрель вплотную не приближался, руки готовы послать стрелу при малейшем подозрительном движении.

Олег чувствовал мокрую грязь на лице, прополз по руслу недавно пересохшего ручья, вывозился, как свинья, зато почти неотличим от таких же серых, грязных валунов, весь в налипших листьях, стеблях сухой травы, на щеках висят травинки и комочки сухой земли...

Менестрель шел осторожно, посматривал не только на кровавый след, но и кругом. Капли крови вели к поваленным деревьям, которые задержали падение Олега, там переплелись ветками четыре валежины – лучшее место, чтобы прятаться. На губах менестреля начала проскальзывать торжествующая усмешка, но двигался все так же настороженно, цепко. Он был прекрасным охотником, и если бы шел по следу раненого медведя или даже льва, то уж с легкостью выследил бы и добил.

Олег лежал, вжавшись в землю, боялся дышать. Левое ухо прижал к земле, слышал каждое движение, каждый шаг. Не видел менестреля, но чутье подсказало, что тот прошел мимо, начинает удаляться.

Олег приподнялся на дрожащих руках, увидел в двух десятках шагов впереди согнутую спину. Менестрель шел крадучись, готовый в любой момент развернуться, отпрыгнуть, упасть под защиту кустов. Лук он уже натянул до половины, глаза его всматривались в переплетение ветвей и корней могучих валежин, железный наконечник блестел, как влажный язык огромной змеи.

Олег с трудом поднялся, стараясь не наступать на правую ногу, – занемела, отказывалась слушаться. Менестрель удалился еще на десяток шагов. Олег неуклюже примерился, словно держал нож впервые в жизни, с силой швырнул. В глазах потемнело, он зашатался, растопырил руки, пытаясь удержать равновесие.

Впереди раздался судорожный всхлип. Менестрель резко развернулся, стрела сорвалась с тетивы, пролетев над головой Олега. Глаза менестреля были безумно вытаращены, кровь совсем отхлынула от бледных щек, он стал мертвенно-желтым. Поспешно выхватил другую стрелу, наложил на тетиву, натянул, прицелился в Олега. Щелкнуло – стрела пролетела мимо. Менестрель оскалится, качнулся, изо рта потекла кровь. Он медленно опустил на колени, глаза все еще с изумлением смотрели на Олега. Лук выпал, скользнул вниз по траве.

Олег подошел, сильно хромая и подволакивая ногу. Менестрель закашлялся, кровь забрызгала подбородок, прохрипел:

– Ты сумел... Я недооценил...

– Кто послал? – потребовал Олег.

Менестрель чуть качнул головой, в глазах зажглись искорки.

– Заставить не сможешь... Я уже мертв...

Олег хмуро кивнул. Если нож ударил, как должен, то кончик лезвия, пропорыв мышцы спины, пробил сердце.

– Тебя сжечь или зарыть? – спросил Олег.

Кровь выплескивалась из рта менестреля неровными толчками, сердце еще цеплялось за жизнь. Грудь часто вздымалась, там хлюпало, словно плескалась огромная рыба. Менестрель ответил угасающим голосом:

– Я огнепоклонник...

– Все четыре стихии священны, – добавил Олег быстро. – Я могу похоронить тебя по твоему ритуалу. Скажешь?

Глаза менестреля закрывались, он пошатывался, стоя на коленях. Прошептал едва слышно:

– Возьми мой меч... Отдал за него сорок коров и двух коней...

– Именем Заратуштры, – потребовал Олег на языке фарси. – Кто послал тебя?

– Владыки Мира...

Он упал лицом вниз, уже мертвый. Олег вытащил из спины свой нож – в самом деле достал сердце! – вытер о плечо менестреля. В карманах убитого обнаружил несколько золотых монет, забрал, тяжело полез вверх. Кровь уже остановилась, но чувствовал себя таким слабым, что не отбился бы и от воробья. Менестреля не сумел бы похоронить по-европейски, даже если бы хотел. К счастью, по законам огнепоклонников их нельзя закапывать в землю, сжигать, бросать в воду – все четыре стихии священны, осквернять трупами нельзя, мертвое тело надлежит оставлять открыто, дабы хищные птицы и звери похоронили мертвеца в своих желудках, а мелочи доедят муравьи и жуки.

Он дважды терял сознание, пока добрался до шалаша. Рой зеленых мух сплошным одеялом покрыл труп Ганима и арбалетчика, к ним уже проторили дороги крупные желтые муравьи. К трупам они бежали с поджатыми брюшками, а обратно – с раздутыми. В крохотных челюстях Олег углядел красные волокна мяса.

Кони фыркали, пятились от залитого кровью человека. Олег выгреб из тайника мешочек с золотыми монетами, кляня себя, что спрятал так глубоко, привязал поперек седла лошади Ганима, сам с великим трудом взобрался на жеребца арбалетчика.

Когда он подъезжал к воротам замка Горвеля, его ждали стражи с обнаженными мечами. Ворота торопливо распахнули, сам Горвель поспешил навстречу и помог слезть с коня. Лицо рыжебородого хозяина замка было мрачным, в глазах блистали молнии. Он сжимал кулаки, орал на стражей. Примчался Томас, уже в полных доспехах, разве что забрало не опустил. Крикнул издали тревожно:

– В сече побывал, сэр калика?.. Там еще кто-нибудь остался?

– Ваш менестрель с приятелями, – ответил Олег угрюмо. Он из последних сил боролся с дурнотой. – Но ежели горишь послушать их песни... придется идти самому. Они вряд ли скоро... вылезут из оврага.

Глава 9

У Горвеля задержались на двое суток. Хозяин замка орал, настаивал на двух неделях, ссылаясь на жуткую рану сэра калики, а в пирах да охотничьих забавах все быстренько залечится, однако, к его огорчению, раны язычника, кем без сомнения был этот пилигрим, затягивались по неизъяснимой милости Христа удивительно быстро. Уже наутро второго дня на месте раны багровел лишь безобразный шрам, да и тот на глазах опадал, терял синюшный оттенок, белел, начинал сливаться с остальной кожей.

Горвель посматривал на калику исподлобья. Все было ясно в его мире, но с приходом боевого друга сэра Томаса и языческого паломника начались странности. Исчез менестрель, внезапно оказался вовсе не менестрелем, а наемным убийцей... Впрочем, он же в самом деле был замечательным менестрелем! Пусть он, сэр Горвель, меднолобый дурень, не разбирается в поэзии, но и леди Ровега заслушивалась песнями этого странного певца-наемника... Но и леди Ровега может ошибаться – женщина! – однако и другие владетельные рыцари одаривали его за песни, переманивали друг у друга! Невозможно понять, что заставило изнеженного менестреля оставить теплое место у камина, уйти в ночь в охоте за незнакомым человеком.

А этот мирный паломник вызывает еще больше вопросов. Если на нем так быстро рассасываются шрамы, то чистая кожа еще не доказательство, что на ней уже не рассосались шрамы пострашнее, полученные в странствиях. А кто получает боевые раны, тот обычно знает, с какого конца братья за меч. Да и стрелы, судя по восторженным рассказам сэра Томаса и этой женщины Чачар, странный паломник метать где-то научился. Вряд ли в мирных молитвах, постах или созерцаниях своего пупа!

О менестреле поговорили и забыли, но не прекращались возбужденные разговоры о пяти тысячах золотых динаров, которые нашел у разбойников калика. Монах-духовник сгоряча хулил Богородицу, что послала такое богатство язычнику. Томас едва не прибил дурака, заступаясь за Пречистую Деву. Хозяин замка Горвель мрачно напомнил, что разбойники не совсем добровольно отдали золото – не всякий сумел бы взять. Ясно же, что Пречистая Дева помогла. Наверное, язычник не безнадёжен. Дева не последняя дура, чует будущего христианина. Возможно, он уже в чем-то христианин, хотя еще не подозревает!

В первый же день, когда Олег, шатаясь в седле, добрался до замка, он спросил Томаса:
– Вспомни, кто у тебя остался из могущественных врагов?

Чачар заботливо перевязывала ему бок, удивляясь крепости мышц, Томас подливал калике в кубок вина, морщил лоб.

– Разве что сэр Грегор Блистательный... Или сэр Балдан, я вышиб его на турнире прямо под ноги несравненной Бурнильды... В грязь, на полном скаку...

– Не заклятых, а могущественных!

– Гм, с королями не ссорился... Как мне кажется.

Он страдальчески морщил лоб, перебирал всех, кому где-то наступил на ногу или задел локтем, но Олег уже слушал краем уха. Даже королям не повинуются так слепо, бездумно. Лишь ассасины слепо выполняют указы своих шейхов, но менестрель – чистый франк, как и Ганим, хоть и маскировался в своем зеленом халате под сарацина. Свободные гордые франки – не фанатики. Молодую Европу вообще не охватила еще сеть тайных обществ, как древний Восток, погрязший в мистике, таинствах, пророчествах, поисках астральных путей для человечества, где не гнушаются вполне земными ядами, убийствами из-за угла.

Кровь отхлынула, как сквозь вату услышал встревоженный голос Чачар:

– Больно?... Потерпи, еще чуть-чуть...

Зачем обманывать самого себя, подумал он горько. Ясно же, что под Владыками Мира менестрель подразумевает Семерых Тайных. Эти бессмертные маги не знают поражений, идут

к зримой цели. Политики не прекраснотушные мечтатели. Перемалывают своими жерновми целые королевства, империи, народы, нации, религии, верования. Для них убить героя, короля или императора – что раздавить тлю.

– Отдохни, – велел он Чачар. – Иди, не дуй губки... Надо поговорить по-мужски с сэром Томасом.

Прекрасные глаза Чачар мгновенно наполнились слезами. Запруда век едва удерживала напор сверкающей влаги. Томас беспомощно посмотрел на Олега. Калика сказал сквозь зубы:

– Чачар!

Запруда прорвалась, водопады слез хлынули по бледным щекам, но голос калики был настолько странным, что ее как ветром выдуло из комнаты. Томас встревоженно подсел на ложе к Олегу.

– Очень больно?

– Сэр Томас, знаешь ли ты, что за твоей чашей охотятся не простые грабители?

Томас подумал, меланхолично пожал плечами:

– Нет, но... какая разница?

Олег зло стиснул челюсти, пережидая приступ боли, усилием воли послал приказ очистить кровь от грязи, дабы не случилось нагноение, добавил жара в месте раны – больно, но заживет быстрее. Сказал изменившимся голосом:

– За чашей охотятся могущественные люди. Пока что посылают наемных убийц, грабителей, разбойников, но когда-то вмешаются сами. Может быть, откажешься от нее? Ради спасения жизни?

Томас прямо смотрел на друга.

– Спасибо... Но разве жизнь так уж дорога? Честь дороже, правда дороже, любовь дороже... Многие дорожат, чем наши короткие жизни. Чего цепляться за такую малость? Хотят чашу, пусть попробуют взять. Я буду защищать, кто бы ни пытался отнять.

Олег огляделся по сторонам, приблизил голову к Томасу, сказал негромко:

– Тогда я скажу, кто хочет заполучить твою чашу. А ты, может быть, скажешь мне, зачем им это понадобилось... И подумаешь еще раз. Вдруг да передумаешь, решишь отдать... Я не стану тебя винить, Томас! Противники – несокрушимые. Зовут их Семеро Тайных Мудрецов. На самом деле это они правят миром – короли, императоры, султаны и шахи в их руках не больше чем пешки на шахматной доске!

Томас смотрел недоверчиво, но щеки против воли вспыхнули жарким румянцем, он ожил, подсел ближе, наклонился.

Олег продолжал шепотом:

– Они бессмертны. Их можно убить, но без насилия они могут жить бесконечно долго. Они видели рождение, расцвет и разрушение многих империй древности, они лучше других понимают сокровенные, скрытые от простых глаз причины падений и взлетов новых народов, царств, а за тысячи лет жизни поняли секреты власти. Постепенно научились подправлять развитие царств: иных подталкивают к расцвету, других умело приводят к гибели. Ты не пове-ришь, но иногда достаточно в нужный день и час устроить драку на базаре, в результате которой гибла династия древних царей, гибло государство... А на окраине стремительно вырастало новое: сильное, здоровое, молодое. Обычно – более справедливое, достойное. Да-да, они, как правило, губят жестокие царства, поощряют добрые, поддерживают народы с добрыми нравами и милосердными обычаями...

– Они чтут Христа? – перебил Томас.

Олег запнулся, болезненно наморщил лоб, придумывая ответ. Рыцарь напряженно следил за лицом калики, не понимал – что сложного? Чтут Христа – свои, отвергают – язычники, неверные.

– В общем-то... чтут. Если брать в целом. Ведь до рождения Христа мир тоже был не в руках Сатаны, как ты знаешь. Бог сотворил, бог присматривал, а его сын родился как бы в помощь престарелому родителю. Но для Семи Тайных и Христос не так уж важен... Не кипятись! Они застали мир, когда о Христе никто слыхом не слыхивал, доживут и до следующего пришествия, если состоится. Я хочу, чтобы ты не столько ломал голову над их видением будущего мира, а подумал над опасностью, что грозит лично тебе. Ты не сможешь выстоять, когда такие сверхмогучие люди, вернее, маги становятся твоими противниками! Но это еще не все...

Он вздохнул, лицо его посерело. Томас придвинулся вплотную, в комнате словно сгустился мрак.

– В древности была сильно развита магия, – сказал Олег хрипло. – Сейчас от нее почти ничего не осталось, но Семеро Тайных пришли из древности! Они владеют многими могучими секретами. Я не знаю смертных, не знаю королей или героев, которые могли бы выстоять... Даже просто драться с ними! – Лицо его было осунувшееся, скорбное.

Томас ощутил горячее чувство нежности к одинокому калике, непроизвольно протянул руку, обнял за плечи:

– Сэр калика! Драться можно всегда.

– Драться, – повторил Олег невесело, – зная, что погибнешь?

– Разве не знал отважный Роланд, что идет на смерть? Разве не шагнул навстречу гибели Беовульф? Не шли на славную гибель тысячи героев, зная, что жизнь коротка, а слава вечна? Сэр калика, будь эти Семеро Тайных даже древними языческими богами, им не испугать меня. Убить могут, но не заставят отдать Святой Грааль добровольно.

Что-то в голосе рыцаря заставило Олега спросить осторожно:

– Не веришь в их существование?

Томас помялся, ответил, уведя глаза в сторону:

– Верю в опасных противников. А вот в чудеса... Верю, что в мире есть чудесное, что за морями есть люди о трех головах, летающие рыбы и говорящие кони... иначе в мире жить станет совсем тошно! Но, дорогой сэр калика, я не верю, что чудеса могут стрястись со мной или в тех местах, где я бываю. – Он смотрел честными простодушными глазами.

Олег сказал со вздохом:

– Прекрасное мировоззрение! Европейское от холки до копыт. Дорогу новым народам, потеснишь, старые империи... Но ты все-таки подумай над тем, что я сказал. Чудес не бывает вообще, но в этом ма-а-а-хоньком случае могут произойти. Обязательно произойдут, если не добудут чашу руками наемников или воров.

Томас поднялся, с грозным видом похлопал ладонью по рукояти меча. Железная перчатка глухо позвякивала.

– Пусть попробуют! Разве сюда вбит не гвоздь, окропленный кровью Христа? Разве не подлинное дерево его креста в этой рукояти?

Олег поморщился:

– Брось, Томас. Подделка.

Томас отшатнулся:

– Да как ты... да как смеешь?! Как ты можешь?

– Ты в дереве разбираешься? Скажи, что за порода?

Томас сказал уверенно:

– Из дуба, слепой видит! Из чего ж делать рукоять благородного рыцарского меча, как не из старого мореного дуба, самого благородного из деревьев?

– Гм... Рукоять – да, но крест... Гвоздь не вобьешь, только пальцы изранишь. Вашего бога распяли на кресте из осины! Вообще у вашей веры какая-то странная вражда с этим бедным деревом. Осина – единственная, кто не признала вашего бога при бегстве в Египет, то бишь не склонила ветви, а когда вели на Голгофу – не дрожала от жалости и сострадания.

Говорят, все деревья опустили ветви и листья! Брехня, конечно. Пороли его тоже осиновыми прутьями. Крест, как я уже сказал, из осины. Правда, на осине удавился Иуда...

Томас слушал раскрыв рот.

Олег проворчал задумчиво:

– Что за упрямое дерево? Дрожит от страха, но стоит на своем. Гордое! А началось еще при сотворении мира. Осина тогда единственная отказалась выполнить какую-то работу, что все деревья сделали... На Руси нельзя в грозу прятаться под осиной, ибо Перун бьет в нее, стараясь попасть в беса, что всегда прячется под осиной. Однажды он так влупил молнией, что кровью забрызгало до самой вершинки, с той поры листья осины такие красноватые. А дрожат еще и потому, что между корнями спят бесы, чешут спины. Про осиновый кол, что забивают в упырей, сам знаешь...

Голос его упал до шепота, он уже забыл о Томасе, разговаривал сам с собой. Томас задержал дыхание. Откуда калика знает, как пороли и распинали? Или правду говорил полковой прелат, что один свидетель все еще ходит по земле?

За ночь стены замка остыли, в сумрачных каменных залах стало зябко, как часто бывает летом в пустынных странах: днем от жары истекаешь потом, яйцо, закопанное в песок, запекается, а ночью зуб на зуб не попадает. Олег нашел Чачар у жарко натопленного камина. Уже умытая, свеженькая, крепкая, как налитое сладким соком яблочко, сидела на крохотной скамеечке перед жарко пылающей печью, подбрасывала в огонь чурки. Сапожки стояли на железной решетке, босые ступни зарывались в звериную шкуру на полу. Она подняла навстречу калике покрасневшее от жара лицо. На пухлых щеках играли нежные ямочки.

– Милый Олег, тебе надо лежать! Такая рана...

– Зажило как на собаке, – отмахнулся Олег. – Это на благородных заживает кое-как. Мы уже два дня гостим, пора и честь знать. Горвель в замке? Или уехал на охоту?

Чачар пугливо оглянулась, прошептала:

– Слышал? Сегодня ночью прибыл таинственный гонец. Сэр Горвель заперся с ним в покоях, не допустил даже леди Ровегу.

– У Горвеля большое хозяйство, – пробормотал Олег, сердце сжалось от нехорошего предчувствия. – Да и места беспокойные! Король мог оповещать вассалов, что близится новое выступление сарацин.

– Они спорили! Кричали! – Чачар оглянулась по сторонам, прошептала еще таинственнее: – Я случайно проходила мимо двери... Гость что-то требовал, а наш хозяин не соглашался. Тогда гость заорал на него, грозил!

– Слышала хорошо?

– У меня развязался шнурок, я остановилась поправить. Так уж получилось, что, когда наклонилась, увидела сквозь замочную скважину Горвеля и гонца. Поверишь ли, у Горвеля лицо было несчастное, униженное!.. Я считаю, мужчин нельзя так унижать. Никогда! Мужчина без гордости – уже не мужчина...

– Что требовал гонец? – поторопил Олег.

– Не поняла... Видела только странный жест рукой в воздухе: круг, а потом вроде бы крест. Именно тогда Горвель побледнел, поклонился. Сперва эта дура жена с ним так обращается, все ей не так, потом случился менестрель... Я все поняла! А когда вчера леди Ровега сказала, что он не умеет выстроить замок, я едва не крикнула: дура, а ты умеешь? Настоящая женщина от мужчины ничего не требует, он и так отдаст все, что добудет. Его нужно поддерживать, помогать, утешать...

– Гонец у Горвеля? – спросил Олег напряженно.

– Говорят, уехал до рассвета.

Ее личико было безмятежным, красные блики пылающего камина прыгали, сверкающей россыпью отражались в крупных блестящих глазах. Даже румянец не поблек, словно крепко спала всю ночь. Может быть, она лунатик? Но лунатики не помнят, что с ними случается.

– Где сэр Томас?

– В большом зале, – ответила она с досадой, в глазах красные искорки сменились зелеными. – Отыскал какой-то особенный меч, рубится со старшим стражем!

Олег наконец-то понял причину доносившегося снизу грохота, лязга и натужного пыхтения. Еще голоса, грубые, довольным ревом и воплями отмечали удачные или особо мощные удары. Олег кивнул Чачар, пошел на грохот железа и запах крепкого мужского пота.

Когда вошел в зал, там стоял рев, сверкала сталь. В узкие окошки едва пробивались чистые лучи утреннего солнца, в дымном полумраке по залу прыгали и размахивали железом четверо: Томас сражался с тремя воинами Горвеля. В одной руке он держал треугольный железный щит, а огромный меч в другой двигался так, что вокруг него постоянно блистала стена холодной стали.

– Томас! – крикнул Олег настойчиво. – Нужно поговорить с хозяином!

Томас отпрыгнул от удара, принял на щит два других, крикнул весело:

– Ты такой же гость!

– Нужен ты.

Воины заворчали. Олег ощутил устремленные со всех сторон враждебные взгляды. Кто-то негромко, но так, чтобы он слышал, выругал свиномордых паломников, что лезут не в свои дела, когда вроде бы желудей в этом году уродилось вдоволь, а они все еще бурчат...

Томас с разочарованием бросил меч одному из воинов, тот успел ухватить на лету за рукоять, остальные проводили Томаса до лестницы воплями и стуком в щиты рукоятями мечей. Вдвоем поспешно поднялись на второй этаж. Возле покоев Горвеля взад-вперед прохаживался воин, зевал, сонно тер кулаками глаза. Увидев Томаса и калику, оживился:

– Смена?... А, это вы... К хозяину?

– Да, – буркнул Томас. – Он здесь?

– Там леди Ровега. А сэр Горвель утром исчез.

Рассеянную улыбку словно сдуло с лица Томаса. Олег толкнул двери, воин не успел остановиться, вбежали в спальные покои.

Леди Ровега с заплаканными красными глазами суетливо рылась в большой шкатулке. Еще две с откинутыми крышками стояли на лавке, одна лежала на полу. Она испуганно отшатнулась, услышав топот, что-то в ее движениях было от взбешенной кошки. Увидев Томаса и Олега, за которыми вбежал страж, она всплеснула руками, сказала очень быстро, глотая слова:

– Сэр Томас, случилась беда... Мой муж и хозяин замка исчез!

Томас растерянно развел руками, покосился на мрачного, как ночь, Олега, помахал стражу:

– Все в порядке, сторожи в зале... Иди-иди!.. Леди Ровега, он не отлучился на охоту? Помню, еще и меня звал...

– Он все собирался! – ответила леди Ровега злым сдавленным голосом. – Только мечтал, ибо у него не было свободного дня. Все строил, строил... А девок для утех хватало и на кухне, в челядной. Он не выходил за ворота замка с момента, как мы прибыли на эти дикие земли!

Олег кашлянул, спросил негромко:

– Что в шкатулках?

Она, как лесной хищник, мгновенно развернулась к нему, глаза дико сузились.

– Вчера еще были фамильные драгоценности!.. Мои, ведь я – урожденная княгиня Бодрическая! Это я принесла ему, нищему рыцарю с длинным мечом, бриллианты, золотые серьги, цепочки с изумрудными подвесками, массу золота...

Томас проговорил потрясенно, его рука уже нервно щупала рукоять меча:

– Кто-то из слуг?

– Сэр Томас, вы не в состоянии поверить, что рыцарь может быть не благороднее слуги?.. Никто в покои не заходил. Правда, ночью был странный гость. Они с мужем долго говорили, но... когда он уехал, в шкатулках все было на месте!

– Вы его заподозрили? – спросил Олег быстро.

Она надменно покачала головой:

– Нет, конечно. У него было лицо человека, привыкшего повелевать. Такие не унижутся до воровства. Отнять – да, но украсть – нет... Просто у меня появилась привычка перед сном перебирать свои драгоценности. Надеть в этой глуши некуда, так я просто держу в руках, трогаю, перекладываю...

Олег обвел быстрым взглядом комнату, заметил свободный крюк, где раньше висел меч Горвеля. Спросил внезапно:

– Сэр Томас, а как наша сума с золотыми монетами?

Томас побледнел от негодования:

– Ты осмеливаешься помыслить такое? На благородного рыцаря?

– Разве не он обокрал собственную жену?

Томас метнул, как дротик, острый взгляд, выбежал из покоев. Часто прогремели железные шаги по каменным ступеням. Леди Ровега зло сжимала кулачки, костяшки на сгибах побелели. Она сказала вдруг:

– Ты, как я поняла, нечто вроде языческого духовника сэра Томаса?

– Не совсем точно...

– Подробности не важны, – отмахнулась она все еще рассерженно. – Будучи жрецом, ты должен знать своих людей лучше, чем их оружие. Скажи, согласится сэр Томас, если я предложу ему остаться хозяином замка?

Олег отшатнулся:

– Но как же ленные владения...

– Король эти земли пожаловал могучему рыцарю, а не именно Горвелю. Тому, кто сумеет построить замок, удержать земли под властью христовых воинов. Королю все едино! Лишь бы хозяин замка был христианин, имел реальную власть, держал сарацин в страхе!

Олег помялся, предложил осторожно:

– Он сейчас вернется, лучше узнать у него самого.

– А кто эта Чачар? – спросила она резко. Ее прекрасные глаза стали узкими, как две щелочки.

– М-м-м... женщина. Отбили у разбойников. Просила довести ее до любого крупного города.

– Можно ее оставить и здесь, при кухне. Впрочем, если сэр Томас останется, то ей придется уехать. Она ведет себя чересчур откровенно.

– Я увезу ее, увезу, – пообещал Олег торопливо. – Просто ей нравятся красивые мужчины.

– Всем женщинам нравятся рыцари вроде сэра Томаса. Но я же не держусь так натурально?

За дверью послышались торопливые шаги, Томас ворвался как ураган, еще с порога заорал трубным голосом:

– Сэр калика, ты очернил благороднейшего воина! Мы с ним спина к спине на стенах Иерусалима... Честнейший человек...

Олег медленно бледнел, холод охватил члены. Томас умолк на полуслове, брови удивленно поднялись.

– Что еще?

– Сэр Томас... Никому не говорил о чаше?

Томаса словно ветром сдуло. По лестнице будто кто рассыпал железные шары: прогремел частый стук, и сразу все затихло. Олег не двигался, чувствуя себя глубоко несчастным и дивясь этому, ведь дело его не касается, Святой Грааль – святыня враждебного ему христианства, служители Христа повинны в попрании его древней веры родян, уничтожении служителей великого Рода, бога всего сущего...

Леди Ровега замерла, переводя непонимающий взгляд с бледного калики на раскрытую дверь и обратно. Ее пальцы машинально двигались по крышке шкатулки, следуя замысловатым узорам.

Томас ворвался уже не как ураган, а как горная лавина. Он был страшен, губы посинели, а глаза вылезли из орбит.

– Чаша... исчезла!

– Горвель, – прошептал Олег тяжело, словно ему на грудь навалили камни, – что его заставило?.. Неужели они сами...

Томас прохрипел в муке большей, чем испытывали самые страшные грешники в аду:

– Горвель – честнейший человек... Мы с ним спина к спине! Одной шкурой укрывались, последним ломтем хлеба делились...

Олег бросил осторожный взгляд на застывшую хозяйку замка, ее лицо было непонимающим, осторожно взял рыцаря за железное плечо.

– Если бы ему такое приказал король, Горвель отказался бы, верю. Но есть владыки, я тебе о них говорил, чьи приказы выполняются всегда.

Томас, шатаясь, добрал до стола, рухнул на лавку. Голова упала на стол, громко звякнул шлем.

– Ты общался с богами, помоги!.. Скажи, что делать?

Леди Ровега подошла с участливым видом:

– Бедный сэр Томас... Может быть, мой духовник что-то посоветует?

Она незаметно от рыцаря сделала Олегу выразительный знак, будто вышвыривала из окна таракана. Ее нежные руки уже опустились на железные плечи Томаса, в глазах заблестали желтые огоньки.

Олег кашлянул, сказал хрипло:

– Мне приходилось схлестываться с этими Тайными. Как видишь, цел... Я пойду седлать коней. А тебе, благородному рыцарю, есть о чем поговорить с благородной леди.

Он быстро вышел, пинком захлопнул дверь. Страж вскочил, лапнул меч, Олег показал пустые руки, побежал вниз по лестнице.

Чачар все еще сушила сапожки, весело напевала тонким, писклявым голоском. Камин полыхал так, словно женщина задумала сжечь замок. Олег быстрыми шагами прошел через зал, бросил коротко:

– Собирайся немедленно!

– Как? Но...

– Опоздаешь – уедем без тебя!

Она закусил губу, но, не споря, как испуганная коза, метнулась в свою комнату. Калика был неузнаваем, лицо перекошилось, он словно весь сжался в тугий ком, торчали лишь когти, шипы и острые клыки.

В конюшне старый конюх поведал, что под утро исчез любимый жеребец Горвеля. Хозяин его холил, берег – жеребец в сражении под башней Давида вынес израненного Горвеля, бил копытами сарацин, что пытались перехватить, прорвался через их цепи и принес потерявшего сознание рыцаря в ряды европейских войск. С того времени жеребец стоял в особом стойле, к нему был приставлен особый конюх. Горвель на нем выезжал только в самых торжественных случаях. Сейчас же стойло жеребца пусто, а никого, кроме хозяина, этот зверь с роскошной гривой к себе не подпускал!

Олег вывел своего жеребца без спешки, седлал неторопливо, мешки сложил на запасных коней. Чачар уже извертелась на гнедой лошадке, когда Олег так же угрюмо набросил сбрую на коня Томаса, затянул подпруги. Проверил крюки на седле, словно чувствовал, когда, в какой момент рыцарь вырвется из цепких рук прекрасной хозяйки замка.

Чачар потемнела как туча, насупилась, в больших испуганных глазах блеснули слезы. Олег вскочил в седло, и в это время двери замка распахнулись как от удара тараном. Томас почти скатился по каменным ступенькам, словно за ним гнались призраки.

На последней ступеньке он резко опустил забрало, тяжело взгромоздился в седло, первым понесся к воротам – молча. Олег пустил коня следом, за рыцарем тянулся невидимый шлейф женских духов. Он покосился на Чачар: ее нижняя губа была закушена, а запруда слез уже прорвалась, на щеках блеснули мокрые дорожки. Если он уловил запах, то она, женщина до кончиков ногтей, могла различить в этом аромате любые оттенки...

Ворота замка распахнулись, конские копыта прогрохотали по дощатому настилу моста. Дорога повела от замка прямо на запад, но Олег остановил маленький отряд, указал на отпечатки копыт:

– Направился к востоку. Впрочем, так и должно быть!

Он повернул коня, Томас и Чачар послушно поехали следом. Томас, явно избегая соседства зареванной Чачар, торопливо догнал Олега, сказал обвиняюще, все еще не поднимая забрала:

– Святой калика, ты же знал!

– Что?

– Что надо леди Ровеге! Мог бы помочь другу... э-э... избежать тягостного разговора.

– Чтобы распяла меня на воротах? Я не рыцарь благородного происхождения, а простой паломник, что ищет свою дорогу к богам... Впрочем, в этих краях и рыцарей распинают. Или бросают в каменоломни.

– Сэр калика... Я не выношу обижать женщин! Мы, рыцари, созданы Богом для защиты слабых, а женщины – самые слабые и нежные создания на свете. Но мне пришлось гнусно обидеть леди Ровегу! Я признался, что уже обручен с леди Крижиной, самой прекрасной женщиной на всем белом свете.

Олег посочувствовал:

– Сарацины нашли выход. По их закону можно иметь четыре жены. Впрочем, у нас это правило испокон веков. Славянин мог брать столько жен, сколько прокормит и оденет. Ряды сторонников ислама растут не зря так стремительно, рыцарь!

К ним подъехала Чачар, не могла долго жить вне общества мужчин, спросила все еще с обидой в голосе, но с явным интересом:

– А верно, что в других странах двое или даже больше мужчин могут брать одну жену? Говорят, так поступают друзья, братья, приятели, чтобы не разлучаться, распolzаясь по семейным нормам...

Кони неслись галопом, ветер трепал гривы. Томас пропустил мимо ушей сдержанный ответ калики, сказал внезапно перехваченным голосом:

– Сэр калика, ты зря стараешься повеселить мое сердце. Оно горит как в огне. Как мог так поступить благородный сэр Горвель? Он просто украл, он бросил все: замок, обширные владения, прекрасную жену, верных вассалов! А что скажет король? Другие рыцари?

– Это все их мощь, сэр Томас. Даже у королей нет такой власти. Правда, сперва преколовил, но долго ли? Бросил нажитое, ушел в ночь, как вор. Тайное дело выше всего.

– Тайное дело... Дело Тайных?

– Дело цивилизации.

Томас на скаку всматривался в нахмуренное лицо калики, тот выхватывал взглядом примятые травинки, вдавленные камешки, неясные следы подков. Чачар напряженно вслушивалась, но молчала. Конь под нею стлался легко, размашисто.

– Семеро Тайных... за цивилизацию?

– Да, сэр Томас.

Томас долго молчал, переваривал, молча сопел, пробовал всматриваться в отпечатки копыт, наконец взорвался:

– Дьявол тебя побери, сэр калика! Если они за цивилизацию, то ты... мы за что?

– За культуру, – ответил Олег.

Глава 10

Похититель в спешке не скрывал следы, и Олег нахлестывал усталого коня, стремясь настичь до наступления ночи. Томас пробовал переброситься парой слов с Чачар, она смотрела на него злыми обиженными глазами, судьбы цивилизаций ее почему-то тревожили мало. Томас снова догнал Олега, спросил настойчиво:

– Разве цивилизация и культура... не то же самое?

– Не одно и то же, сэр Томас. Не одно!

Томас долго скакал молчаливый, насупленный. Когда заговорил, в глазах стояло откровенное страдание.

– Когда лезли на стены Иерусалима, обагрив их своей кровью... и кровью врагов, как было просто! А сейчас? Я всегда думал, что цивилизация стоит на стороне добра. Я себя считал цивилизатором!

– Сэр Томас, цивилизация – это топор. Им можно срубить дерево, нарубить сухих веток для костра, можно зарубить человека. Чем цивилизация выше, тем топор острее.

– А культура?

– Культура – это невидимые пальцы, что хватают тебя за руку, когда ты замахиваешься на человека. Это нравственный закон, который живет внутри тебя.

Ночь опускалась быстро, тени от деревьев уже стали черными, как угли. Олег направил коня к зарослям кустарника, предполагая, что там спрячется небольшой ключ. Следы коня Горвеля были совсем свежими, не наступи ночь – догнали бы. Впрочем, Горвель ночью тоже не сдвинется с места: здесь много норок хомяков, конь сломает ноги.

Томас расседлал коней, повесил к мордам мешки с овсом, стреножил. Олег разжигал крохотный костер, тщательно укрывая пламя за пышными кустами, принес ломти хлеба и мяса.

Томас спросил с неловкостью:

– Сэр калика... А как же Христос? Он за нашу западную цивилизацию?

Олег с неловкостью опустил взгляд, смущали чистые, честные глаза молодого рыцаря.

– За культуру, сэр Томас. За культуру! Сатана гораздо цивилизованнее, разве не видно? Знает больше Христа, умеет больше, чудеса творит направо и налево. Свободен, смел, широк взглядами, не скован никакими законами. Ни внешними, ни внутренними. Простоватый и вроде бы не очень умный, Христос перед этим напористым парнем совсем растяпа!.. Но он добр, он готов отдать жизнь за нас, грязных и невежественных!.. И отдает, хотя люди не стоят и его мизинца. Но – странное дело! – люди, устыдившись, начинают карабкаться к свету, к добру. Жертва Христа была не напрасна, вот этого умнейший Сатана до сих пор не может понять... И недоумевает, почему он, гениальный и смелый, терпит поражение за поражением!

Долго ужинали молча, за их спинами в темноте пофыркивали кони. Чачар спросила тихонько:

– А почему он терпит поражения? Если он умнее, смелее?

Олег чуть усмехнулся, красные блики играли на его лице.

– Одного ума мало. Как и отваги. Человеку мало.

Когда улеглись, Чачар долго умачивалась между двумя мужчинами, зябла, ее нужно было согреть с двух сторон, то нос холодный, то вовсе ледяные ладошки, то мерзла спина. Томас смущенно покашливал, а Олег сказал утешающе, чувствуя, что мысли молодого рыцаря все еще далеко от этого костра и молодой женщины, что извертелась между ними:

– Не всегда цивилизация лишь зло. Ваш бог, как я понял по вашим истинам, вроде бы и культурен, насколько может, и в меру цивилизован. Значит, можно...

Ранним утром, едва рассвет окрасил облака алым, Олег безжалостно поднял Томаса и Чачар. Чачар ночью ухитрилась, извиваясь как уж, заползти рыцарю в железные объятия, но

Томас в походах спал не снимая доспехов, и Чачар выгреблась утром в синяках и царапинах. Бедный Томас, потерявший чашу, даже не заметил, что ему старались хоть чем-то возместить потерю, что у него была ночь любви.

Продрогшие кони рвались перейти в рысь, даже в галоп. Олег удерживал, всматривался в следы. Не проехали и версты, когда обнаружили опаленное пятно, зола еще хранила тепло. Томас досадливо крикнул, ударил себя кулаком по лбу.

Олег проверил лук, повел плечами, поправляя за спиной колчан со стрелами. Томас косился синим глазом, начинал суетливо подергивать меч в ножнах, хлопать железной ладонью по боевому топору. Чачар часто выезжала вперед, теперь на нее орали и шикали два голоса, велели не высовываться, смиренненько ехать сзади. Чачар обиделась окончательно, отстала, поехала, не обращая на мужчин внимания вовсе. Чтобы показать лишний раз свою гибкую фигуру, на скаку свешивалась с седла, хватала головки цветов. Томас и Олег ехали настороженные, шарили взглядами по сторонам. Над дальними кустами с криком кружили сороки. Мужчины обменялись взглядами, поправили рукояти мечей.

Наперерез в сотне шагов выехало четверо вооруженных мужчин – на боевых конях, хмурые, собранные. Все выглядели очень опасными. Они перегородили дорогу и так стояли в угрюмом ожидании. Двое одеты по-европейски, в тяжелых латах, шлемах с ниспадающими на плечи кольчужными сетками, что надежно защищали шею от сабельных ударов до тех пор, пока не явились франки с их тяжелыми, как молоты, мечами и массивными, как наковальни, топорами.

Двое явно сарацины – сухие, смуглые, на горячих арабских скакунах. Те зло грызут удила, нервно перебирают точеными ногами, стремясь распластаться в бешеной скачке, для которой родились и росли. Сарацины блистают легкими булатными доспехами, редкими даже для знатных арабов, на обнаженных саблях вспыхивают синеватые искорки – знак лучшей дамасской стали. Их лица надменны, неподвижны, но в посадке, развороте плеч просматривалась готовность к стремительной схватке, столь молниеносной, что тяжелые европейские рыцари не успеют даже прищипорить могучих коней, а бой уже закончен.

– Олег, – сказал Томас негромко, едва ли не впервые называл калику по имени, – мне кажется, день начинается неплохо.

– Я не люблю, когда загораживают дорогу, – ответил Олег грустно.

– Хлипкий заборчик! – возразил Томас. – Всего четыре доски!

– Но не гнилые...

Он покосился на Чачар. Женщина замерла, ее ладошки прижаты ко рту. Глаза широко распахнулись в страхе и недоумении: только что срывала цветы, уже придумала, под каким предлогом поднести букет столь застенчивому рыцарю, а тут на фоне синего безоблачного неба выросли четыре грозовые тучи с блистающими молниями клинков! Что случится с нею, если ее защитники будут убиты, а враги уцелеют?

– Я беру на себя франков, – заявил Томас высокомерно. Тон его исключал любые возражения. Он с металлическим лязгом опустил забрало, скрыв лицо, ставшее злым и надменным. – А ты отвлеки сарацин. Займи их чем-нибудь.

– Всегда выбираешь лучшее, – обвинил Олег.

– В другой раз будешь выбирать ты, – пообещал Томас.

Вся четверка медленно пустила коней навстречу. Сарацины держались в седлах неподвижно, обнаженные сабли уже блестели в их руках, а оба латника переглядывались, зло усмехались. Один вдруг заорал громко:

– Постарайся умереть сразу, англ! А ты, странник, можешь убираться к своим языческим дьяволам. Конечно, надо бы содрать с вас шкуры... С живых, конечно. Ладно, все потехи возместим на девке. Уже дрожит от нетерпения, не дождется, ха-ха! Чует настоящих мужчин! Клянусь, она получит все и чуть больше, прежде чем отдаст душу.

Они остановили коней в шагах десяти напротив друг друга. Арабские скакуны грызли железо удила, храпели, а тяжелых битюгов франков, если бы не обмахивались лениво хвостами, можно было бы принять за каменные статуи. Томас, видя, что натиска не ожидается, одним быстрым движением отшвырнул копье и выдернул из ножен меч. Все четверо противников покачивали в руках кривые сабли, которые Олег по старой привычке все еще звал хазарскими мечами.

Олег в растерянности хлопал себя по карманам, пошарил за пазухой справа, поискал слева, внезапно его лицо озарилось радостной улыбкой, словно изловил зловредную вошь. Четверо противников издевательски захохотали: сарацины – сдержанно, с чувством полного превосходства, латники – раскачиваясь в седлах. Томас хмурился, стало неловко за калику, даже отодвинулся чуть, словно ничего не имеет общего с ним, но противники захохотали лишь громче, злее.

Олег что-то тащил из-за пазухи, внезапно его рука молниеносно дернулась, в ней блеснуло, он очень быстро взмахнул еще и тут же повернулся к злому рыцарю, сказал недоуменно:

– Что-то у меня противники уже кончились. Дай одного из твоих.

Сарацины раскачивались в седлах. Один, у которого рукоять ножа торчала между зубов, повалился на гриву скакуна, а другой вскинул руки, ухватился за рукоять чужого ножа, что погрузился в горло на палец выше края кольчуги. Кровь брызнула двумя тугими струйками, в пробитом горле зашипел воздух. Сарацин раскачивался сильнее, упал, сапог запутался в стремени, испуганный конь шарахнулся, в страхе помчался, волоча труп. Сердобольная Чачар поскакала вдогонку, жалея обезумевшее от страха животное.

Двое латников смотрели неверящими глазами. Смех не успел замереть на губах, а их уже двое против двоих: сильных, умелых, опытных, из которых даже паломник оказался простоватым лишь с виду.

Томас тоже хлопал глазами.

– Быстро... Вот так ты и кабана съел раньше, чем сели за обед!

– Кто смел, тот двух съел. Я беру левого?

– Только с отдачей! – предупредил Томас оскорбленно.

Оба латника переглянулись, уже не так уверенно тронули коней. Один сближался с Томасом, другой, с саблей в правой руке, круглым щитом в левой, медленно поехал на Олега. Легкий щит был постоянно в движении, теперь швыряльный нож отскочил бы, как брошенный камень, но швыряльных ножей у Олега уже не осталось. Он вытащил из ножен огромный меч, проговорил медленно:

– Можете уйти целыми.

Латники не успели шелохнуться, как Томас заорал зло:

– Без драки?... Я останусь опозоренным? Крестоносец?

Не давая латникам опомниться, он погнал тяжелого коня на противника. Его огромный меч хищно заблестал над головой, яркое солнце играло на железных доспехах, разбрасывало слепящие искры. Он с грохотом сшибся с правым, тут же крутнулся в седле к левому, которого оставил Олегу, тот едва успел закрыться щитом, но от страшного удара щит разлетелся вдребезги, а рука наемника, судя по искажившемуся лицу, онемела. Томас подставил свой огромный, как дверь, стальной щит под удар сабли правого, живо развернулся к левому и заорал в ярости: из левого уха латника уже торчало кокетливое белое перо лебедя. Окровавленное острие высунулось из правого уха на три ладони.

– Ты одолжил! – напомнил Олег быстро.

– А потом передумал! – рывкнул Томас. Он увидел новую стрелу в руках Олега, завизжал сорванным голосом: – Не смей!... Не смей, говорю!

Он сшибся с оставшимся латником. Оба тяжелые, кони под ними – богатырские, могучие. Томас и латник сражались в одинаковой манере: останавливались перевести дыхание, люто

пожирали друг друга глазами, шатались от собственных богатырских ударов. На версту вокруг шел грохот, треск, словно под ударами грома раскалывались огромные скалы. У латника была острая сабля, он орудовал намного быстрее, чем Томас рыцарским мечом, но Томас не зря таскал пуд железа: сабля лишь высекала искры, шербилась, а Томас с проклятиями рубил страшным мечом, чаще всего поражая пустое место.

Приблизилась и остановилась в сторонке Чачар, держа в поводу храпящего арабского скакуна. Второй конь отбежал неподалеку, нервно прядал ушами, слыша страшные удары железа по железу, но не убегал. Олег прыгнул на землю, вытащил и вытер свои швыряльные ножи.

Чачар побелела, ерзала в седле, умоляла взглядом помочь отважному Томасу, который отчаянно сражается с гадким и лохматым преступником.

– Нельзя, – ответил Олег в ответ на мольбу в ее глазах. – Здесь великая разница в... мировоззрении. Для крестоносца важнее сам поединок, чем результат! Потому обставляет ритуалами, танцами, поклонами, бросанием перчатки, позами. А для сарацина... или осарациненного важна лишь победа. Любой ценой! Он готов в грязи вывалиться, сподличать, в спину или ниже пояса ударить... Если цивилизация победит, то это станет обычным делом. Никто не удивится и не станет вмешиваться, если на их глазах будут бить лежачего. Томас сам не подозревает, что сражается за культуру – ведь лучше погибнет, чем допустит нечестный прием! Потому мне нельзя: оскорбится навеки.

Чачар напряженно следила за ужасной схваткой, вздрагивала и съеживалась при страшных ударах, грохоте.

– А ты?.. Сарацин или европеец?

– Русич, – ответил Олег. – А это значит, что во мне живет европеец, сарацин, викинг, скиф, киммер, арий, невр и много других народов, о которых даже волхвы не помнят. Широкий русич, широкий!..

Раздался страшный грохот раздираемого железа. Латник качался в седле, в одной руке зажал обломок сабли, в другой судорожно сжимал ремень от щита. Томас ударил крестнакрест, рассеченное тело осело, заливая седло кровью: голова и рука с частью плеча упали на одну сторону, куски туловища – по другую. Конь всхрапнул, нервно переступил с ноги на ногу, но остался на месте.

Томас обернулся к Олегу и Чачар, поднял забрало блестящей от крови рукой, в которой еще был красный меч. Глаза его подозрительно обшаривали лица друзей, выискивая насмешку или иронию.

Чачар вскрикнула негодуя:

– Зачем так рисковал? Он мог тебя убить!

– Война! – ответил Томас гордо.

– Но паломник избавился от троих без всякого риска!

Томас с неприязнью окинул Олега взглядом с головы до ног:

– В нем нет рыцарского задора. Нет упоения схваткой!

– Чего нет, того нет, – согласился Олег.

Они собрали оружие, очистили, погрузили на коней, которых стало на четыре больше. Томас спешил, собрался рыть могилы. Олег удержал:

– А ты знаешь, кого закопать, кого сжечь, кого оставить так? В этом сумасшедшем краю перемешались все веры и религии.

Томас в затруднении чесал мокрый лоб. Чачар подвела коня, предложила ласково:

– Садись. Их найдут раньше, чем растащат стервятники.

– Кто найдет?

– Родственники, – ответил за Чачар калика с тяжелым сарказмом в голосе.

Честный Томас хотел было спросить удивленно, какие у наемников могут быть родственники в этих краях, но увидел лица калики и Чачар, молча обругал себя и вернулся к коню.

Калика хмурился все чаще, рассматривая следы конских копыт. Пальцы его время от времени трогали деревянные бусы на длинном шнурке. Степь перешла в холмистую равнину, а открытое пространство с низкой травой сменилось густыми тенистыми рощами, зарослями колючего кустарника, глубокими оврагами. Дважды пересекали вброд широкие ручьи, распугивали живность: стадо кабанов, зайцев, видели кулана.

Олег часто поворачивал, делал петли, слезал и щупал землю.

Томас не выдержал, спросил раздраженно:

– Случилось что? Горвель уходит! Сейчас бы в самый раз догнать, пока думает, что нас остановил его заслон.

Олег отряхнул ладони, озабоченно покачал головой:

– Мы не единственные охотники!

– Как это?

– Кто-то тайком идет еще.

– За Горвелем? Тогда они знают, что он спер фамильные драгоценности!

– За Горвелем или... за нами.

Томас ахнул, его глаза расширились.

– Но кто?

– Будь мы на Руси, я бы сказал. А здесь слишком многолюдно. Искателей приключений набежало со всех стран света.

Молча проехали еще с версту. Олег насторожился, как заметил Томас, в его руках появился лук, а колчан со стрелами он перевесил с седельного крюка себе за спину, чтобы оперенные концы высывались над плечом. Томас, глядя на сумрачного калику, обнажил огромный меч, положил поперек седла и так поехал, готовый к любым неожиданностям. Чачар пугливо держалась за их спинами, женским чутьем ощущая нависшую опасность, ее маленькая ладошка храбро лежала на рукояти большого кинжала.

Олег остановил коня, сказал мертвым голосом:

– Они ждали в засаде. Нас.

Томас повертел головой, не поняв, о чем идет речь. Чачар вдруг пустила коня вперед, но вскоре, завизжав, резко свернула в сторону. Томас ухватил меч в правую руку, левой дернул поводья и с боевым воплем помчался, топча кусты и траву.

В двух десятках шагов впереди увидел большое черное пятно недавнего костра. Трава вокруг пожелтела, ее вытоптали безжалостно. По ту сторону костра в несвежих лужах крови лежали три изуродованных тела. Руки и ноги были туго прикручены к вбитым в землю кольям. Вместо глаз зияли окровавленные ямы, в них сердито жужжали мухи, дрались, совокуплялись, спешно откладывали яйца. Лишь у одного глаза уцелели, но казались неестественно крупными: Томас отшатнулся в ужасе – веки умело срезаны, тонкие струйки крови уже засохли на нетронутых щеках.

Он оглянулся на калику, тот кивнул с угрюмым видом, подтверждая страшную догадку. Веки срезали, чтобы жертва не закрыла глаза, чтобы истязаемый видел адские муки своих товарищей. Кожа на их лицах была содрана, выпукло на сыром красном мясе выступали зеленые жилы, тугие желваки, а сквозь раны в щеке белели зубы. У всех троих были вырезаны срамные уды, одному их заткнули в рот. У двоих распороли животы, натолкали камней и комьев земли. Сизые внутренности лежали на траве.

Внезапно Томасу почудился стон. Он дернулся, подпрыгнул, в страхе оглянулся на Олега. Тот кивнул снова:

– Крайний жив... Ему выкололи глаза, выбили зубы, пробили уши, перерезали сухожилия на руках и ногах, но жизнь оставили.

– Как он может еще жить? – прошептал Томас в суеверном ужасе. – Как может это... такое жить?

– Человек очень вынослив, на беду. Или на счастье.

Томас, еще не веря, спрятал меч в ножны, выхватил с пояса мизерикордию. Отворачивая лицо от жалости и отвращения, вонзил лезвие в пустую глазницу, распугав мух, тело дернулось, издало страшный хрип, в раскрытом рту затрепетал залитый кровью обрезок языка.

Едва не плача, бледный, со вставшими дыбом волосами, он быстро вонзил узкое лезвие в головы двух оставшихся, причем не смог ударить в уцелевшие глаза, всадил мизерикордию в висок. Всякий раз тела чуть содрогались, лишь затем к ним нисходило освобождение от мук.

Олег смотрел пристально, его обычно зеленые, как молодая трава, глаза были темными как ночь.

– Ну?... Легче убивать через узкую щель забрала? Когда не видишь, кого убиваешь?

Томас как в забытии взобрался на коня, ответил сиплым от страдания голосом:

– Понимаю, сэр калика... Потому наша святейшая церковь и пытается запретить на войне пользоваться луком, особенно арбалетом. Дважды объявляла эдиктом, что арбалет – изобретение дьявола. Ведь из арбалета можно убивать, вообще не глядя противнику в глаза!

– Арбалет – это прогресс! Церковь права: если нельзя воспрепятствовать убийствам вовсе, то надо хотя бы сделать убийства делом трудным. Обязательно глядя друг другу в глаза...

Он умолк, привстал на стременах, зорко оглядывая окрестности. Томас молчал, старался не оглядываться на изуродованные тела. Калика приложил ладонь козырьком ко лбу, зеленые глаза поблескивали в тени странными искорками. Томас косился, чувствуя тревожное напряжение. Калика мало чем напоминал того изнуренного постами и самоистязаниями отшельника, которого догнал и защитил от свирепых псов. И совсем не напоминал покорного раба, каким был в каменоломне... В то же время вроде бы ничего не изменилось – только нарастил жилистого мяса – так же немногословен, словно живет и в этом, и в другом мире, даже отвечает невпопад. Но, ведомый чувством дружбы, взял в свои руки поиск чаши, украденной Горвелем, хотя что, кроме неприятностей, приносит ему лично? Или калика на их далекой Руси нечто вроде странствующего рыцаря? Увидел кого-то в беде – помоги?

Олег тронул коня, молча поехал в сторону далеких зеленых холмов.

Томас оглянулся на распростертые тела:

– Предать бы земле... Заупокойную? Я знаю несколько слов по-латыни... Лаудетур Езус Кристос...

– Аминь, – закончил Олег. – Забываешь, что вера твоего Христа еще не подмяла под свой зад весь мир! Эти люди могут быть огнепоклонниками.

Над головами уже веяло ветерком от огромных крыльев и смрадом – появились орлы-могильники. Целая стая кружила, ждала ухода людей. Чачар вздрагивала, наконец услала коня далеко вперед, там пугливо поджидала мужчин.

Томас связал захваченных лошадей одной веревкой, еще раз распределил груз. Чачар теперь в страхе всматривалась в любой колыхнувшийся куст и вслушивалась в разные звуки, без которых не живет степь. Издали донесся заунывный крик шакала, с другой стороны долины ответил тоскливый вопль, полный разочарования и бессильной злости.

Олег прислушался, буркнул:

– Дурачье... Какие копыеносцы?

– Что-что? – не понял Томас.

– Спрашивает, не встречал ли двух франков, которые убили четверых копыеносцев. Другой дурень ответил, что не видел даже следов.

Томас посмотрел на калику с плохо скрытым страхом.

– Что значит святость... Пещерная ученость, хотел сказать! Встречал монаха, который ругался на двенадцати языках, а теперь вот... гм... человека, что понимает шакалье...

– Какие шакалы? Это разбойники перекликаются.

У калики был такой будничный вид, что Томас переспросил ошарашенно:

– Раз...бойники?

– Они, родимые! Нас ищут.

Чачар смотрела на мужчин с надеждой, и Томас гордо расправил плечи, надменно похлопал по рукояти меча:

– Кто ищет, пусть найдет.

Глава 11

Воздух накалился, струился как песок. Томас сидел на коне в своих едва не плавающих доспехах, наконец, глядя на полуголого калику, содрал их с себя, но большого облегчения не получил. Особенно страдали от зноя кони, и Томас, знакомый с бытом местных кочевых племен, предложил:

– Можно ехать ночами! Дорога ровная, мы не в лесу, не в горах. Едь хоть с закрытыми глазами – о дерево морду не расшибешь. Ночи яркие, полнолуние, а луна здесь огромная – на полнеба! Я раньше думал, что одна луна и здесь, и над Британией, но теперь своими глазами увидел, что вовсе нет. Здесь даже звезды крупнее и ярче!

Олег не спорил, а Чачар даже завизжала от восторга. Она страдала не только от жары: как и все обливаясь потом, обнюхивалась брезгливо, стремглав неслась к любому ручью, обгоняя мужчин, стирала и перестирывала одежду, подвязывала к поясу пучки травы, что должны были отбивать или хотя бы поглощать дурные запахи распятого тела.

Олег усмехнулся, смолчал.

Среди ночи он загасил костер, безжалостно разбудил обоих:

– Вы сами этого хотели!

Поднялись, проклиная бесчувственного паломника, кое-как оседлали коней и отправились по ночному холоду. Над головами выгибался огромный темный купол с густыми россыпями звезд.

Крупная луна светила как фонарь из промасленной бумаги. На земле различался самый крохотный камешек, любая малая травинка. Томас с удивлением увидел, что не они додумались первыми: по степи шмыгали ящерицы, важно бродили и щипали траву черепахи, дорогу пересекла колонна крупных черных муравьев: пользуясь прохладой, бережно переносили нежные молочно-белые куколочки – завернутых в тончайший шелк своих детей, ибо знойное солнце явно сожгло бы их беззащитные тельца.

Томас даже остановился, пропуская колонну, и Олег смотрел на рыцаря с удивлением, словно увидел заново: в блестящих доспехах Томас был похож на огромного муравья, как сами муравьи казались крохотными рыцарями.

– Не пережدهшь, – сказал Олег негромко. – Всю ночь будут идти на штурм своего Иерусалима.

Томас заставил коня попятиться, прыгнули, слившись в одно целое. Копыто ударило совсем рядом с черной колонной, но маленькие рыцари строй не нарушили.

Они ехали шагом, сберегая силы коней. В нехорошем лунном свете окрестности казались еще более дикими. Развалины древних стен, остатки храмов, полузасыпанные каналы, густые оливковые рощи, где могут гнездиться разбойники... Богатая страна, но военные гарнизоны стоят лишь в замках и городах с крепкими стенами, а по дорогам хозяйничают мародеры, разбойники, их расплодилось видимо-невидимо после кровавой и непонятной войны, когда с холодного Запада пришли закованные в несокрушимую сталь конные рыцари, смели легкие войска арабов, начали спешно строить крепкостенные замки, насаждать огнем и мечом веру в Христа... Эти франки не брали рабов, не хапали военную добычу – по крайней мере не так беззастенчиво, как все предыдущие завоеватели, – клялись, что пришли лишь затем, чтобы освободить Гроб Господень... Но война кончилась, победоносное рыцарское войско распалось. Одни вернулись в свои северные страны, другие из простых воинов превратились в мародеров, удачливых разбойников – благо край богатый! – и теперь вся древняя страна стала бурлящим котлом, где можно было найти все: благороднейших рыцарей, ученых монахов, высокородных сарацин, наемных убийц, астрологов, полудиких царьков, а по цветущим долинам часто прокатывались волны ранее невиданных кочевников, чьи ритуалы были настолько жестокими и

отвратительными, что, видя их, бледнели даже самые закаленные воины из северных стран. Там, где в городах и замках правили франки, а в многочисленных селах оставались хозяевами сарацины, победители спешно наращивали стены, укрепляли ворота, расширяли подвалы и склады для зерна на случай осады.

Кони шагали споро, подгоняемые ночным холодом, но в рысь не срывались. Томас вслед за Олегом вслушивался в звуки, старался почуять опасность. Перекликались волки и шакалы, бесшумно пролетел филин – лишь на миг перечеркнул темной тенью звездное небо. Часто мелькали кожаные, так же неслышно взмахивали растопыренными кожистыми крыльями, страшно горели красными угольками выпуклые глаза, а острые зубы белели, как сахар.

Все трое медленно спускались с пологого холма в ровную долину, почти не затронутую оврагами. Томас первым уловил блеснувшую впереди искорку, насторожился. Ехали еще долго, напряженно всматриваясь, останавливались, прислушивались, наконец искорка превратилась в красноватое пятнышко – трепещущее, меняющее форму.

Они пустили коней напрямую. Костер иногда исчезал за деревьями. Наконец кони вышли к невысокой обрывистой стене камня, под защитой которой горел большой костер. Вокруг огня грелись шестеро угрюмого вида мужчин – оборванные, грязные, со злыми раздраженными лицами. Двое прислонились спинами к камню, затачивали шершавыми камнями острия кривых мечей... Другие лежали, накрывшись пестрыми одеялами, остальные ковырялись прутиками в углях, тихо переговаривались.

Услышав стук копыт, один крикнул лениво:

– Тагран, ты?

Не отвечая, Томас с каликой выехали в круг света, Чачар – за ними, и все шестеро разбойников мигом оказались на ногах. Один замешкался, его пнули, и Томас нашел себя окруженным направленными на него блестящими остриями копий. Олег неторопливо спешился, Томас последовал его примеру, они расседлали коней, стреножили, подвязали мешки с овсом. Шестеро разбойников стояли вокруг, переглядывались. Один отступил в темноту, исчез – явно проверял, нет ли нацеленных в них арбалетных стрел, не окружены ли крепкими парнями с тугими луками.

Наконец один из разбойников, чернобородый, резкий в движениях, потребовал:

– Кто такие? Почему здесь?

Томас помог сойти с коня испуганной Чачар, а Олег между тем сел возле огня, поерзал, устраиваясь поудобнее, сказал насмешливо:

– Не знаете? А кто оставил троих дурней в засаде?

Разбойники переглянулись, а один из них, чернобородый, спросил резко:

– Вы убили их?

Томас усадил Чачар возле калики, она тут же прижалась к нему дрожащим плечом, затихла, как загнанная в угол мышь. Томас сказал надменно:

– Конечно, мы бы их убили!

Разбойники топтались вокруг прищельцев, острые наконечники копий почти касались шеи калики, еще три упирались в грудь Томаса.

Олег оглянулся, сказал раздраженно:

– Вы можете тоже сесть.

Разбойники переглянулись, чернобородый ответил резким злым голосом:

– Постоим, а вы сейчас ответите быстро и прямо. Что случилось с нашими тремя друзьями, которые... отстали?

Томас и Олег переглянулись. Нацеленные в них копья держали крепкие руки, но теперь наконечники начали подрагивать.

– Они уже не сядут на коней, – сказал Томас сурово. Подумав, добавил: – Никогда.

– И пешком не пойдут, – добавил Олег неохотно.

Чачар пискнула сорвавшимся от отчаянной смелости голосом:

– Даже на четвереньках не поползут! И на брюхе.

Чернобородый коротко передернул плечом, сказал зло, но с дрожью в голосе:

– Вы не могли их заметить! Они умелые охотники. Сайгака ухватят за рога раньше, чем те почуют. Они ждали в надежной засаде, вы просто не могли их почуять!

– Они не дождались, – ответил Томас гордо.

Олег, следуя привычке мягкой натуры отшельника-проповедника все объяснять и растолковывать, сказал кротко:

– Разве на шакалов не нападают волки? Ваших друзей раньше нас отыскивали хазэры. Это дикое племя, если вы знаете их, одичавшие хазары. Лет сто назад князь Святослав стер с лица земли огромный Хазарский каганат, а немногие уцелевшие хазары растворились среди печенегов и половцев. Но самая лютая шайка все еще бродит, сдирает кожу со всех, кто попадает в руки, распарывает животы, чтобы человек еще долго ползал, таская выпавшие кишки, – живот хазэры набивают камнями...

Ровная линия копий вокруг них сломалась. Томас слышал над собой шумное сопение, но не поворачивал головы, с удовольствием держал озябшие ладони над огнем, довольно шурился от сухого жара. Наконец над его ухом прозвучал сдавленный голос, а по сразу участившемуся дыханию других разбойников Томас понял, что спрашивающий вслух выразил то, что у каждого трепетало в душе:

– Они... нападут на наш след?

Томас видел, как усмехнулся калика глупому вопросу, потому сам усмехнулся еще шире: разбойникам пристойно выказывать лишь презрение.

Копья начали исчезать из поля зрения. Калика подбросил в огонь сучьев, не обращая внимания на спорящих прямо над его головой. Разбойники зло шипели друг на друга, едва не плевались, но теперь в их голосах было больше ужаса, чем привычной злости.

Кто-то вскрикнул:

– Но здесь военные гарнизоны франков!

Олег молча покачал головой. Томас ответил со знанием дела:

– Франки?.. Конница на конницу – непобедимы, но с легкими сарацинскими отрядами уже не справляются. Сарацины налетят внезапно, ограбят, тут же рассыпаются. Потом стягиваются в укромном месте в стаю. Коней не подковывают, чтобы легче убежать! Про хазар... то бишь хазэров, слышу впервые, но если это дикие кочевники, то тяжелая конница франков вас не защитит. Я сам конный рыцарь, если нападут – перебью сотню, но догнать не смогу даже одного!

Разбойники один за другим подходили к костру. Острые наконечники копий уже смотрели в небо. Олег сказал мирным голосом:

– Хазэры возьмут вас, как взяли ваших друзей. Обязательно – живыми! Судьбой обижены, злобу вымещают на пленных. Не хочу вспоминать то, что видел!

В темноте кто-то охнул, другой разбойник задержал дыхание, словно получил кулаком под ложечку. Олег прутиком шевелил угли, чувствовал, как сам воздух пропитался страхом. На бледные вытянувшиеся лица с вытаращенными глазами было жалко и гадко смотреть.

Чернобородый сказал все так же резко, но голос подрагивал:

– Нам придется пойти по дуге, добраться под защиту ближайшей крепости. До нее всего два дня ходу!

– Нападут сразу. Сзади.

– А если отыскать укрытие? У нас два лука, много стрел. Если засесть в пещере с узким проходом, сможем держаться долго!

– А они сядут на виду, будут жрать и пить, плясать, чтобы вы их видели. Еда кончится быстро, вода – еще быстрее. Они на ваших глазах будут обливаться водой, выплескивать на землю. А когда захватят полумертвых от жажды, то не дадут умереть быстро. Или легко.

Чернобородый спросил поникшим голосом:

– Принесут в жертву своим богам?

– Богу, – поправил Олег. – Когда-то отказались от своих богов, приняли чужого бога, Единого. Хан Обадиа принял новую веру в восемьсот пятом году, с того дня начался крах Хазарского каганата: старые боги наказали отступников, а новый бог не защитил. Этот новый бог не имел облика, образа, потому и звали безобразным, но, даже безобразный, судя по его заветам, он был кровожаден, жесток. Нам, благородному сэру и мне, все едино: убьют вас или нет. Сами начали разбойничать, вот и получите той же монетой. Но если бы хазэры убили вас быстро и по-христиански, я бы не противился, хоть я не христианин, но мы с сэром рыцарем и благородной дамой... Чачар, не падай, это костер!.. мы против зверских истязаний, что вас ждут. Потому дадим вам унести шкуры целыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.